М. А. АЛДАНОВЪ

НАЧАЛО КОНЦА

Часть первая

Изд-во "Русскія Записки"
1939 г.

I.

Во снѣ человѣкъ, называвшій себя Вислиценусомъ, видѣлъ все то же. Этотъ кошмаръ посѣщалъ его особенно часто въ послѣдніе годы: выстрѣлы, кровь, погоня, лѣсъ, чаща, зажатый въ рукѣ револьверъ съ взведеннымъ куркомъ, — тогда еще у револьверовъ взводились курки, — все то, что какъ будто бываетъ лишь въ кинематографѣ, но съ нимъ было въ жизни, въ его странной жизни, точно составленной въ подражаніе плохому неправдоподобному фильму. Люди приближались и свистѣли, онъ сжималъ револьверъ все крѣпче: рѣшилъ живымъ не отдаваться и въ то же время во снѣ думалъ, что въ томъ романѣ изъ жизни американскихъ трапперовъ на картинкѣ былъ человѣкъ съ дымящимся Кольтомъ въ рукѣ, и надпись была съ чернильнымъ пятномъ: «онъ твердо рѣшилъ дорого продать свою жизнь»... Гнавшійся за нимъ впереди другихъ огромный рыжій, съ звѣрскимъ лицомъ, человѣкъ выхватилъ кинжалъ. Мелькнулъ какой-то досчатый желтоватый ящикъ. Вислиценусъ проснулся, сердце у него стучало,

въ купэ было полутемно; не сразу понялъ, что то давно кончено, что онъ ѣдетъ по Германіи, что протяжно свиститъ паровозъ, что слабо поблескивающій впереди предметъ не дуло Кольта, а ручка умывальника. Правая рука его, почти судорожно сжимавшая деревянный выступъ койки, разжалась. Онъ испытывалъ и облегченіе, и грусть: почти жаль было, что то оказалось сномъ. Постарался припомнить снившееся, — тамъ, наряду со смѣшными нелѣпостями, были сложныя комбинаціи, которыя, онъ зналъ твердо, никогда на яву ему не приходили въ голову. Кто-то въ немъ какъ-то думалъ обо всемъ этомъ, безъ его вѣдома, думалъ неизвѣстно зачѣмъ, неизвѣстно почему. Это было странно и непріятно: «вторженіе въ чужую квартиру»... Свистъ паровоза боролся съ грохотомъ замедлявшаго ходъ поѣзда. Повернулъ выключатель: чемоданы, въ томъ числѣ и важный, были на мѣстѣ. Свѣтъ рѣзалъ глаза. Онъ привсталъ, поднялъ штору окна и тотчасъ погасилъ лампочку, по старой автоматической привычкѣ бѣднаго человѣка къ бережливости. Было тусклое утро. Поѣздъ подходилъ къ станціи. Взглянулъ на часы, — нѣтъ, до Берлина еще довольно далеко.

Вислиценусъ всталъ, вынулъ изъ кармана гребешокъ, привелъ въ порядокъ волосы и кое-какъ съ досадой расчесалъ давно отросшую, но все еще непривычную сѣдоватую бороду: она въ Москвѣ сразу состарила его лѣтъ на десять. «А узнать все-таки нетрудно. Да и скрываться теперь незачѣмъ. Дѣтская игра», — разсѣянно

думалъ онъ, поглядывая на все медленнѣе проходившія за окномъ чистенькія, каменныя, кирпичныя строенія, — «дѣтская игра»... Въ памяти всплыла другая картинка изъ дѣтскаго романа, съ надписью: «Медленно прицѣлился онъ въ неподвижно стоявшаго Корнеліуса»... За окномъ что-то закричалъ дикій голосъ; Вислиценусъ покачнулся отъ толчка. Изъ вагоновъ, суетясь, съ радостными и растерянными возгласами, стали выходить люди. По перрону катилъ повозочку мальчикъ и выкрикивалъ, непріятно-картаво растягивая букву р: «Cafe... Br-rödchen! Belegte Br-r-rödchen»... Вислиценусъ остановилъ его, взялъ картонный стаканъ съ кофе и больше для того, чтобы провѣрить свой выговоръ, — отвыкъ отъ нѣмецкой рѣчи, — спросилъ, какая это станція. — «Франкфуртъ-на-Одерѣ», — съ удивленіемъ отвѣтилъ мальчикъ, почему то обиженно подчеркивая «на Одерѣ», — «Франкфуртъ-на-Одерѣ!» — «Was macht das?» — еще спросилъ Вислиценусъ и, разобравшись въ нѣмецкихъ деньгахъ, заплатилъ, сказавъ, какъ нѣмецъ: «Stimmt» («нѣтъ, не забылъ»). — «Danke sehr, danke schön», — пропѣлъ мальчикъ и покатилъ повозочку дальше: «Cafe, Br-rödchen!..»

Изъ-за угла строенія появился отрядъ дружинниковъ и быстро, тяжелымъ, крѣпкимъ, звонкимъ шагомъ, прошелъ по перрону. На нихъ смотрѣли съ любопытствомъ изъ вагоновъ; чувствуя взгляды, они шли особенно молодцевато, точно въ сраженіе. «Хорошо идутъ», — подумалъ Вислиценусъ. Онъ зналъ въ этомъ толкъ:

въ молодости служилъ въ армiи, — лишь немногимъ было извѣстно, въ какой именно. Здоровыя, энергичныя, молодыя лица, съ общимъ у всѣхъ радостнымъ, самодовольнымъ и тупымъ выраженіемъ, вызвали у него такой приливъ отвращенія и ненависти, что сердце какъ будто снова стало биться сильнѣе. Тутъ же онъ подумалъ, что у той молодежи, марширующей въ Москвѣ, такія же лица и такой же видъ, — развѣ только эти нѣсколько крѣпче, здоровѣе и, главное, чище. И все тутъ, перронъ, мундиры, свастика, бѣлая куртка мальчика, восковыя бумажки бутербродовъ, такъ и сверкало чистотой, отъ которой онъ тоже давно отвыкъ, какъ отъ нѣмецкихъ денегъ. Отрядъ исчезъ въ подземномъ проходѣ вокзала. «Полагалось бы пожелать, чтобы эти обманутые юноши, подъ вліяніемъ пропаганды, перешли въ коммунистическій лагерь», — подумалъ онъ, садясь. Для краткости онъ просто пожелалъ имъ смерти. Вспомнилъ, что много лѣтъ тому назадъ, въ Москвѣ, одна дѣвица, кокетничая, спросила его, задушилъ ли бы онъ своими руками лорда Керзона. Сдѣлавъ страшные глаза, онъ, въ тонъ ей, отвѣтилъ, что ужъ очень неудобно душить своими руками: «Обычно я пользуюсь револьверомъ; а ужъ если душить, то отчего же не прибѣгнуть къ услугамъ товарища палача?» Эффектъ отвѣта, особенно словъ о товарищѣ палачѣ, былъ необыкновенный: «Дѣвица такъ и затрепыхалась, ахъ-ахъ!..» Вислиценусъ зналъ, что ему съ почтительнымъ испугомъ приписываютъ въ прош-

ломъ самые страшные террористическіе акты. «Могъ бы стать въ провинціи первымъ любовникомъ. А въ сущности сказалъ дѣвицѣ правду»... Онъ не чувствовалъ особенной ненависти именно къ лорду Керзону, но, разумѣется, въ свое время не мѣшало повѣсить и лорда Керзона: «Зачѣмъ же ему было умирать въ своей постели? Да и вообще легче перечислить тѣхъ, кого вѣшать не надо»...

Кондукторъ прокричалъ страшнымъ голосомъ: «Einsteigen!..» Поѣздъ тронулся. Висліценусъ умылся, въ купэ былъ умывальникъ краснаго дерева. «Да, они устраиваются удобно», — подумалъ онъ, вспоминая, какъ путешествовалъ въ былыя времена. Роскошь его раздражала — почти все раздражало его, — онъ и теперь, если-бъ былъ свободенъ, взялъ бы билетъ третьяго класса. Но Висліценусъ былъ причисленъ къ посольству: по роду его работы, изъ-за чемодана, который онъ везъ, ему вездѣ, а особенно при проѣздѣ черезъ Германію, былъ необходимъ дипломатическій паспортъ. Посольство же, чтобы не имѣть нежелательныхъ сосѣдей, заняло весь международный вагонъ. «Все равно, провожатый, конечно, отъ Гестапо», — подумалъ Висліценусъ, впрочемъ, довольно равнодушно. Умывшись, онъ поднялъ упавшую съ вечера на полъ книгу, почему-то, случайно, захваченныя письма Достоевскаго, и сталъ лѣниво перелистывать, разыскивая ту страницу, на которой заснулъ наканунѣ. Тамъ рѣчь шла о «Бѣсахъ». Смутно вспомнилъ содержаніе этого романа. «Въ об-

щемъ, идіотская исторія: всемірный бунтарь, пріѣхавшій изъ заграницы въ русскую провинцію устраивать міровую революцію противъ какой-то генеральши... И этотъ мальчишка-сверхъчеловѣкъ, намѣченный за свою красоту въ вожди міровой революціи!..»

Читать Вислиценусу не хотѣлось. Онъ опустилъ книгу на колѣни и долго, глядя въ окно, думалъ о самыхъ разныхъ предметахъ: о Гитлерѣ, о предстоящей войнѣ, о Наденькѣ, о своей миссіи, о своей астмѣ, — еще только ли астма? Въ Москвѣ врачъ, вызванный къ нему въ «Люксъ», съ уклончиво-озабоченнымъ видомъ сказалъ, что современная медицина собственно смотритъ на астму не какъ на самостоятельную болѣзнь, а какъ на симптомъ различныхъ заболѣваній: ему слѣдовало бы вести возможно спокойный образъ жизни. Вислиценусъ только усмѣхнулся, и врачъ понялъ, что далъ не совсѣмъ удачный совѣтъ. «Кажется, онъ македонецъ, что ли? или работалъ долго въ Македоніи? Эти македонскія исторійки вообще не способствуютъ долголѣтію. Годика три-четыре еще протянетъ», — подумалъ врачъ и сказалъ: «Непосредственной опасности нѣтъ никакой, а отдохнуть вамъ очень не мѣшало бы, если, конечно, есть какая-либо возможность»... — «Постараюсь, докторъ, постараюсь, спасибо», — сказалъ Вислиценусъ. Оба поглядѣли другъ на друга съ насмѣшкой. «Мнѣ что, твое дѣло», — подумалъ врачъ.

Изъ корридора послышались негромкіе смѣющіеся голоса. Посольство уже встало. Секретарь прошелъ мимо двери, стеръ съ лица улыбку и холодно бросилъ: «Доброе утро, товарищъ Дакочи»... Его называли также Дакочи; въ газетахъ, при перечисленіи участниковъ съѣздовъ Коммунистическаго Интернаціонала, писали то Дакочьи, то Дакоччи, то Дакочичъ. Лишь виднѣйшіе члены организаціи знали его біографію; а именъ у него вообще было столько, что самъ иногда не могъ вспомнить, гдѣ и когда подъ какой фамиліей жилъ. Псевдонимы онъ выбиралъ долго не задумываясь, какіе придется: былъ и Неемъ, и Чацкимъ, и Кирджали, и Ураловымъ; несерьезное имя Вислиценусъ попалось ему въ какой-то химической книгѣ и понравилось своей звучной неопредѣленностью. Настоящую же фамилію онъ носилъ только въ ранней молодости, еще до того времени, къ которому относился кошмаръ, и она давно была гораздо менѣе настоящей, чѣмъ Вислиценусъ или Дакочи. Онъ не любилъ разсказывать о своемъ прошломъ, и это создавало ему ореолъ. Говорили, что онъ по происхожденію македонецъ или хорватъ или далматинецъ, — или какъ это у нихъ тамъ еще называется? — но учился въ Россіи, въ кадетскомъ корпусѣ; потомъ изъ кадетскаго корпуса молва сдѣлала пажескій. «Это тоже способствовало ореолу, какъ ореолу Ленина у насъ способствовало дворянское происхожденіе, за которое мы же преслѣдуемъ чужихъ людей... Ну, и отлично... Девять десятыхъ престижа Кропот-

кина покоились на его княжескомъ титулѣ, да еще на длинной бородѣ: если-бы его побрить и если-бъ онъ назывался Петровымъ или Шмулевичемъ, то кому онъ былъ бы интересенъ?..»

По корридору стыдливо проскользнула Надежда Ивановна, съ переброшеннымъ черезъ плечо полотенцемъ и съ маленькимъ чемоданчикомъ въ рукѣ. Онъ улыбнулся ей, почувствовавъ радость. И тотчасъ ему самому стало смѣшно: въ этой улыбкѣ, въ этой безпричинной радости, было что-то чрезвычайно банальное и глупое: «при видѣ молодой дѣвушки на суровомъ лицѣ стараго воина выступила ласковая улыбка»... — «Да, да, старый воинъ», — пробормоталъ онъ и лѣниво, въ сотый разъ, попытался обдуматъ отношенія. — «Собственно и обдумывать нечего: никакихъ отношеній нѣтъ... Но они могутъ быть, и если-бъ были, то вышло бы совсѣмъ нехорошо: не просто глупо, но и гадко. Старому человѣку ужъ себя-то обманывать ни въ чемъ не надо, достаточно обманывать другихъ... Да, на шестомъ десяткѣ, съ суконнымъ рыломъ»... — нерѣшительно сказалъ онъ себѣ. — «Въ лучшемъ случаѣ она серьезно вообразила, что я Инсаровъ и что она Тургеневская дѣвушка. Но и Тургеневскихъ дѣвушекъ у насъ нѣтъ — да и нигдѣ нѣтъ и не было, — и Инсарову нельзя быть старше сорока лѣтъ. А въ худшемъ случаѣ играетъ въ поклоненіе старому герою. Комедіантка тоже порядочная», — съ внезапнымъ раздраженіемъ подумалъ онъ, — «и я это скажу ей. По какому

праву? А такъ, безъ всякаго права, и пусть будетъ въ этомъ гадко-старческое, мнѣ совершенно все равно, я не виноватъ, что старъ»... Тотъ человѣкъ, который въ немъ, одновременно изнутри и со стороны, неблагожелательно контролировалъ его чувства, говорилъ ему, что изъ этого положенія выхода нѣтъ. — «Почему же нѣтъ? Изъ всякаго положенія долженъ быть выходъ. — Какая ерунда! Вовсе не изъ всякаго. — Ну, и не надо, и нечего изображать чорта съ Иваномъ Карамазовымъ, всѣ мы пересыщены и отравлены литературой... Скверная сцена, и чортъ скверная выдумка, и очень лубочно игралъ тогда Качаловъ»...

Онъ вспомнилъ о письмахъ, взялъ книгу и насильно заставилъ себя читать, но Достоевскій попрежнему былъ ему непріятенъ и неинтересенъ. «Да, да, смотрите, вотъ какой онъ правый и благонамѣренный, ну, прямо совсѣмъ, совсѣмъ правый... Продержали молодца (онъ чуть было не подумалъ: парня) на каторгѣ четыре года, шелковый сталъ, служилъ имъ вѣрой и правдой весь остатокъ жизни. Но вѣрить въ грубую силу имъ не полагается, избави Господи... Ну и отлично, правый и благонамѣренный, очень пріятно, но мнѣ какое дѣло до него, и до всѣхъ этихъ людей, и до того, что въ Германіи вездѣ такая грязь — а онъ въ Сибири привыкъ къ чистотѣ! — и до его демоническихъ столкновеній съ квартирными хозяйками, и до того, что онъ такъ демонически проигралъ десять талеровъ и не просто заложилъ юбку жены,

а заложилъ тоже демонически, съ самобичеваніемъ?.. Зачѣмъ это издаютъ? Кому нужны заграничныя впечатлѣнія этого замоскворѣцкаго мѣщанина? Онъ — врагъ и къ чорту его! Вѣдь насъ онъ именно «собственными руками задушилъ бы»... Геніальный романистъ? Ну, и издавали бы «Преступленіе и Наказаніе»... — Надежда Ивановна снова проскользнула мимо двери, на этотъ разъ не взглянувъ въ его купэ. — «У нея чистое полотенце и дорожный несессеръ. Чувствуется, что дочь профессора, «изъ хорошей семьи». И мнѣ это нравится»... Онъ почиталъ еще минутъ пятнадцать, чтобы не такъ было явно, затѣмъ положилъ книгу и вышелъ.

II.

Въ большомъ купэ, составленномъ изъ двухъ отдѣленій, кончали утренній завтракъ посолъ Кангаровъ-Московскій, его жена Елена Васильевна, стенографистка Надежда Ивановна и молодой секретарь. Посолъ былъ въ хорошемъ настроеніи, хоть жаловался, что мало спалъ. Наканунѣ они до двухъ часовъ ночи играли въ винтъ, потомъ ему долго снились какіе-то безсмысленно-чудесные розыгрыши и головокружительныя коронки. Игра была именно такая, какую любилъ Кангаровъ: съ прибаутками, съ криками, съ взрывами негодованія, но безъ настоящихъ грубостей и безъ продолжительныхъ ссоръ. Послѣ особенно драматическихъ проис-

шествій онъ ядовито справлялся, у кого именно учился виноватый партнеръ, и вопросительно называлъ имена извѣстныхъ сапожныхъ фирмъ. Посолъ и теперь обсуждалъ съ секретаремъ одно драматическое происшествіе.

— Цыганъ билъ сына не за то, что онъ игралъ, а за то, что потомъ спорилъ, — говорилъ, улыбаясь, Кангаровъ. Онъ улыбался почти неизмѣнно, какъ будто неизмѣнно зналъ что-то такое, чего не зналъ его собесѣдникъ: «ахъ, если-бы можно было имъ все сказать!..» Улыбка у него была всегда сладкая, и всегда разная: степень ея сладости зависѣла не отъ содержанія разговора, а отъ того, съ кѣмъ онъ говорилъ. Но коричневые глаза его никогда не отвѣчали улыбкѣ, въ нихъ постоянно было безпокойство; иногда они желтѣли и сразу становились очень злыми. Въ этомъ полномъ несоотвѣтствіи глазъ и улыбки заключалась особенность его лица, вызывавшая у наблюдательныхъ людей смутную тревогу. — Конечно, надо было прорѣзать даму, это должно быть ребенку ясно, Секретарь Ивановичъ. — У него была давняя шутка: прибавлять отчество Ивановичъ къ произвольно выбраннымъ словамъ. — Если-бы вы прорѣзали, быть бы его превосходительству безъ трехъ. — Его превосходительствомъ Кангаровъ подчеркнуто-шутливо — «что-жъ, мы въ своей компаніи» — называлъ ихъ полуслучайнаго попутчика, виднаго военнаго спеціалиста съ настоящей, но похожей на псевдонимъ, фамиліей Тамаринъ. Онъ не состоялъ въ посольствѣ и ѣхалъ въ Парижъ, въ командировку.

Секретарь спорилъ учтиво и мягко, какъ полагается дипломату, — не надо было думать, что онъ подлаживается и во всемъ угождаетъ начальству, но полпредъ былъ полпредъ, и въ томъ, какъ защищалъ свою игру секретарь, слегка чувствовалось, что онъ признаетъ себя немного неправымъ. Впрочемъ, онъ не подлаживался къ начальству: былъ вообще человѣкомъ порядочнымъ, добродушнымъ и на подличанье неспособнымъ. Но со времени назначенія на дипломатическую службу, секретаря такъ и переполняло счастье; на его лицѣ повисло выраженіе тихаго восторга: «До чего дожилъ!..» Онъ всей душой былъ благодаренъ Кангарову, который добился причисленія его къ посольству; считалъ посла большимъ государственнымъ дѣятелемъ, искренно имъ восторгался. Оберегая свое достоинство, иногда спорилъ и о политикѣ, и о винтѣ, но всегда былъ готовъ признать превосходство собесѣдника. Кангаровъ въ самомъ дѣлѣ прекрасно игралъ въ винтъ; никакихъ другихъ карточныхъ игръ онъ не признавалъ и къ бриджу, которому его учили заграницей, относился сухо-недоброжелательно, какъ относятся къ выскочкѣ, занявшему, благодаря стеченію счастливыхъ обстоятельствъ, высокое мѣсто, принадлежащее по праву другому. Разбивъ молодого секретаря, онъ засмѣялся и ласково потрепалъ его по плечу.

— Во всемъ нужна интуиція, — сказалъ онъ, — интуиція. Въ винтъ вы играете какъ

сапожникъ, будемъ надѣяться, что на дипломатической службѣ интуиція у васъ будетъ.

Кангаровъ-Московскій придерживался того взгляда, что въ немъ должны быть два лица. На службѣ онъ былъ требовательный, властный и даже суровый начальникъ. Но внѣ службы они всѣ равны, всѣ партійные товарищи, и тонъ шутливой фамиліарности — разумѣется, въ извѣстныхъ предѣлахъ — вполнѣ допустимъ: внѣ службы онъ даже не лицо, а человѣкъ, милый, умный, внимательный, обожаемый подчиненными — нѣтъ, не подчиненными, а сослуживцами — человѣкъ. Такъ велъ себя и Ленинъ, — поэтому онъ и былъ «Ильичъ». Степень фамиліарности внѣ службы впрочемъ у Кангарова мѣнялась въ зависимости отъ обстоятельствъ, настроенія и собесѣдника. Больше всего позволялось его любимицѣ, стенографисткѣ Надеждѣ Ивановнѣ.

— Какъ быстро летитъ поѣздъ! — сказала жена посла Елена Васильевна. — У насъ куда медленнѣе... Ахъ, ради Бога, закройте, сажа! — вскрикнула она: секретарь отворилъ окно и выбросилъ оставшіеся отъ завтрака бумажки и кульки. Рванулъ вѣтеръ, кулекъ жалко метнулся къ стѣнѣ вагона. — Сажа! сажа! — съ ужасомъ повторила жена посла.

Кангаровъ пожалъ плечами и, обратившись къ стенографисткѣ, принялся дразнить ее. Лишенный интуиціи секретарь пробовалъ было шутливо пристать къ ихъ разговору, не присталъ

и непринужденно-почтительно, какъ полагалось дипломату, заговорилъ съ женой посла о театрѣ: она была артистка, а ему ничто человѣческое не было чуждо.

Появленіе Вислиценуса должно было внести холодокъ. Посолъ очень его недолюбливалъ, и съ нимъ вдобавокъ было связано свѣжее воспоминаніе о большой непріятности. Кангаровъ-Московскій былъ въ молодости меньшевикомъ и въ пору первой революціи, послѣ провала московскаго возстанія, въ дни экспропріацій, напечаталъ о большевикахъ заграницей статью подъ заглавіемъ: «Опомнитесь, безстыдники!» Это было очень давно, партійный стажъ былъ зачисленъ Кангаровѣу съ 1911 года, онъ считался однимъ изъ лучшихъ экономистовъ партіи, занималъ видные посты, не былъ замѣченъ ни въ уклонахъ, ни въ связяхъ съ оппозиціей и имѣлъ всѣ основанія думать, что его печальное прошлое забыто. Приглашеніе перейти на дипломатическую службу онъ получилъ совсѣмъ недавно. Какъ экспертъ, принималъ участіе въ разныхъ международныхъ конференціяхъ, гдѣ его таланты и познанія были оцѣнены и начальствомъ, и иностранными спеціалистами. На какой-то конференціи самъ Шахтъ сказалъ о немъ: «вотъ съ такимъ человѣкомъ пріятно имѣть дѣло»... Когда были возстановлены дипломатическія сношенія съ одной изъ далекихъ и менѣе важныхъ монархическихъ странъ, Кангарову было предложено занять должность полномочнаго представителя. Онъ съ радостью согласился, но, переоцѣнивъ свой вѣсъ въ

партіи, по неопытности и неосвѣдомленности, поставилъ условіе: никто не долженъ вмѣшиваться въ его работу и вставлять ему палки въ колеса. «Никто» это означало Коминтернъ. Непосредственный начальникъ Кангарова, самъ ненавидѣвшій Коминтернъ, посмотрѣлъ на него, вздохнулъ и ничего опредѣленнаго не сказалъ. На прощальной аудіенціи у диктатора Кангаровъ совершенно неожиданно узналъ, что къ его штату прикомандировывается Вислиценусъ. Преодолѣвая тотъ почти физическій страхъ, который ему, какъ всѣмъ членамъ партіи, внушалъ Сталинъ, Кангаровъ съ достоинствомъ (съ самой сладкой своей улыбкой) напомнилъ объ условіи и принялся было объяснять свою точку зрѣнія. Однако диктаторъ тотчасъ перебилъ его и, посмотрѣвъ на него съ насмѣшкой тяжелымъ взглядомъ жестокихъ глазъ, сказалъ, что никакихъ условій онъ ставить не можетъ, а долженъ и будетъ дѣлать то, что ему прикажутъ. При этомъ недвусмысленно далъ понять, что печальное прошлое не забыто — гдѣ-то хранится статья «Опомнитесь, безстыдники!» — и неожиданно перешелъ на ты. Правда, ты было товарищеское, но оно было товарищески-одностороннее, и Кангаровъ-Московскій вспоминалъ объ аудіенціи съ самымъ непріятнымъ чувствомъ.

Онъ не подалъ вида, что появленіе Вислиценуса ему непріятно. Въ глазахъ его мелькнула злоба, но сладость улыбки повысилась. Здороваясь, онъ даже привсталъ съ мѣста, что дѣлалъ толь-

ко для лицъ немалаго положенія (передъ высокопоставленными, естественно, вставалъ).

— Выспались? Позавтракали? — спросилъ онъ (два вопроса показывали, что не надо отвѣчать ни на одинъ) и тотчасъ обратился къ Надеждѣ Ивановнѣ, продолжая начатый разговоръ: — Да-съ, дѣтка, такъ и знайте, всѣхъ насъ схватятъ и посадятъ въ темницу. Какого это нашего посла султанъ бросилъ въ Семибашенный замокъ? Ну, не въ Семибашенный замокъ, а въ концентраціонный лагерекъ попадете.

— Вотъ тебѣ разъ! А дипломатическій иммунитетъ? — спросила притворно-испуганно стенографистка. Было молчаливо условлено, что Кангаровъ считаетъ ее наивнымъ ребенкомъ. Ему было пріятно, что онъ немного напугалъ ребенка.

— «Дипломатическій иммунитетъ»! Скажите пожалуйста, какія она знаетъ слова! А кто провалился на экзаменѣ по политграмотѣ? И кто это отъ меня скрылъ? Зналъ бы, ни за что не взялъ бы тебя со мной.

У Кангарова не было никакихъ основаній называть стенографистку дѣткой и говорить ей ты: ей шелъ двадцатый годъ. Но это сдѣлалось само собой: въ первый разъ онъ ласково обратился къ ней на ты съ наскока, съ тѣмъ, чтобы можно было, въ случаѣ неудачи, тотчасъ вернуться къ вы. Она не протестовала, и теперь онъ переходилъ на ты очень часто, хоть тоже всегда съ наскока. Это доставляло ему наслажденіе. Онъ даже иногда гладилъ ее по головкѣ и дѣлалъ это демонстративно-открыто: никто не долженъ былъ думать, что

тутъ что-то надо скрывать, — жестъ отеческій и самый естественный.

Надежда Ивановна съ дѣтской наивностью откликнулась и на упоминаніе о невыдержанномъ экзаменѣ по политграмотѣ: что-жъ дѣлать, ей такъ не повезло, экзаменаторъ попался злющій-презлющій, о діалектикѣ и обо всемъ такомъ она отвѣчала, право, недурно, — «и о тактическихъ взглядахъ группы «Освобожденія труда» еще тоже туда-сюда, но ужъ когда онъ спросилъ, въ чемъ былъ шагъ впередъ «Рабочаго Дѣла» въ сравненіи съ «Рабочей Мыслью», — тутъ я вправду сѣла. — Не знаю, говорю. Оказывается, «Рабочее Дѣло» стояло не только за стачки, но и за демонстраціи»... Посолъ хохоталъ.

— Клянусь собакой, я самъ этого не зналъ! — сказалъ онъ такимъ тономъ, въ какомъ разсказываютъ анекдоты, будто въ гимназіи учитель словесности поставилъ тройку съ минусомъ за сочиненіе, написанное для гимназиста Тургеневымъ, или будто Анри Пуэнкаре не могъ рѣшить алгебраическую задачу, заданную его племяннику въ лицеѣ. — Такъ «Рабочая Мысль» стояла не только за стачки, но и за демонстраціи?

— Что вы! Это «Рабочее Дѣло»!

— Пардонъ, «Рабочее Дѣло»! — Кангаровъ хохоталъ, показывая смѣхомъ, что все это совершенно ненужно: только путаетъ мелкая сошка. — Вы знали, Эдуардъ Степановичъ?

— А тутъ еще онъ сказалъ: «маспарвпрабкооп», а я не знала, что это такое, — разсказывала Надежда Ивановна. — Я ему говорю: «това-

рищъ, этого въ программѣ нѣтъ», а онъ отвѣчаетъ: «Я сужу, товарищъ, о вашемъ общемъ развитіи»... Вотъ и провалилась!

— Какъ? какъ? «Моcправра»!.. Нѣтъ, это просто анекдотъ! Ты слышала, Лена? — смѣясь, спросилъ Кангаровъ жену, которая, по его мнѣнію, слишкомъ долго не обращалась къ Надѣ: это могло сойти за высокомѣріе въ отношеніи младшихъ товарищей.

— Нѣтъ, я не очень слушала вашу болтовню, — холодно отвѣтила Елена Васильевна. Она нисколько не ревновала мужа, но ей просто не нравилось, что онъ называетъ эту Надежду Ивановну Надей и дѣткой. «Никакой она не ребенокъ! Просто ломается... У него, правда, такая манера, но это очень глупая манера»...

Ей почти все не нравилось въ мужѣ. Она была дочерью земскаго начальника и въ душѣ считала свой бракъ мезальянсомъ. Елена Васильевна нѣсколько демонстративно («да, дѣйствительно, долго не разговаривала и пока не собираюсь разговаривать!») обратилась снова къ секретарю.

— Ермолова была, конечно, безподобна, но сцену съ кормилицей на лужайкѣ, я прямо скажу, она играла не такъ. У нея не хватало дѣтскости... Дѣтскости... Помните: «Дай насладиться мнѣ новой свободой! — Буду дитятей — будь ты дитя. — Пышный коверъ здѣсь разостланъ природой, — Дай нарѣзвлюся, набѣгаюсь я»... Я тутъ кружусь и танцую, какъ, бывало, мы кружились въ саду, въ институтѣ...

— Какъ жаль, Елена Васильевна, что я васъ не видѣлъ въ роли Маріи Стюартъ, — почтительно сказалъ секретарь.

— И не могли видѣть, — вставилъ посолъ, вдругъ разозлившійся на жену. Ужъ при этомъ господинѣ (онъ разумѣлъ Вислиценуса) она могла бы оставить свои великосвѣтскія замашки и не напоминать, что училась въ институтѣ, если даже въ самомъ дѣлѣ тамъ училась. — И не могли видѣть, потому что она никогда въ этой роли не выступала.

Опять подумалъ, что слѣдовало бы по возможности безболѣзненно разойтись съ женой. «Что-жъ отъ себя скрывать? Я къ ней равнодушенъ, а она меня ненавидитъ. Я не виню ее, но когда разумные люди видятъ, что дѣло обстоитъ такъ, они идутъ другъ другу навстрѣчу»... У него пожелтѣли глаза.

— Дебютъ уже былъ назначенъ, — ледянымъ голосомъ сказала Елена Васильевна. Она была трагической актрисой и любила роли королевъ. Передъ войной интриги помѣшали ей сыграть лэди Макбетъ. Во время войны отдѣлала роли Маріи Стюартъ, Орлеанской Дѣвы и Орленка, — опять помѣшали интриги и отчасти революція. — Если-бъ не сняли съ репертуара, — начала она и, не докончивъ, зѣвнула. — Скушно мнѣ... Слово «скучно» Елена Васильевна произносила сверхъ-московскимъ актерскимъ говоромъ, чтобы глухому и то было ясно: не ч, а ш.

— Насъ, конечно, встрѣтятъ на вокзалѣ Фридрихштрассе, — сказалъ секретарь, дипломатиче-

ски мѣняя разговоръ. Онъ учился въ берлинской технической школѣ и хорошо зналъ городъ.

— Если вообще встрѣтятъ, — отвѣтилъ беззаботно Кангаровъ. — Станутъ эти лежебоки вставать такъ рано. — Они говорили о берлинскомъ полпредствѣ.

Вислиценусъ вышелъ изъ купэ. Всѣ эти люди, кромѣ Нади, раздражали его. Да и на Надю онъ былъ золъ за ея подлаживанье къ послу. «Конечно, она не любитъ и не можетъ уважать этого стараго лавочника съ душой чекиста и съ замашками грансеньера. Дѣвченка, хоть она и подъ Тургеневскую, вообще никого въ душѣ не уважаетъ», — подумалъ онъ. Непріятнѣе всѣхъ ему былъ Кангаровъ. Вислиценусъ большинство людей считалъ прохвостами, но онъ относился гораздо мягче къ тѣмъ изъ нихъ, относительно которыхъ ни у кого сомнѣній не было: если-бъ Кангаровъ самъ зналъ, что онъ прохвостъ, это утѣшило бы Вислиценуса. Однако Кангаровъ былъ, по его мнѣнію, прохвостъ недоказанный. «Со всѣмъ тѣмъ, очень полезный человѣкъ», — по давней привычкѣ онъ составлялъ краткій балансъ людей, съ которыми работалъ. — «Уменъ? Да. Во всякомъ случаѣ очень неглупъ и хитеръ. Знаетъ свое дѣло, на финансахъ собаку съѣлъ. Злой, несмотря на сахариновую улыбку: въ 500 разъ слаще сахара. Добродушіе, шуточки, это напускное: Г.П.У. полно такихъ добродушныхъ людей. Вѣчно всѣмъ говоритъ комплименты, но въ каждомъ комплиментѣ скрывается непріятность... Въ общемъ,

не хуже другихъ, отличный работникъ. Лавочникъ — это неправда, онъ все же человѣкъ идейный»...

Подумалъ, что, въ сущности, никогда, несмотря на тридцатипятилѣтнюю революціонную дѣятельность, не могъ преодолѣть въ себѣ общаго нерасположенія къ евреямъ, унаслѣдованнаго отъ многихъ поколѣній предковъ. «Тщеславный народъ... Впрочемъ, Кангаровъ для нихъ не характеренъ, и мать его не еврейка, да и тщеславіе у него не главное, и вообще національность тутъ ни при чемъ»... Вислиценусъ недолюбливалъ евреевъ и терпѣть не могъ антисемитовъ.

Въ корридорѣ онъ остановился: куда же собственно идти? Въ продолжительномъ путешествіи по желѣзной дорогѣ было что-то общее съ тюрьмою: тамъ нѣсколько шаговъ по камерѣ, здѣсь по вагону, — и сознаніе даромъ уходящаго времени. Онъ сѣлъ на откидной стулъ и разсѣянно уставился въ окно. Думалъ все о томъ же: жить осталось два-три года, — можетъ быть, пять, если взять отпускъ и уѣхать куда-нибудь на Кавказъ или въ Крымъ. Отпускъ получить, разумѣется, легко. Многіе были бы сердечно рады, если бъ онъ перешелъ на положеніе инвалида и безъ борьбы, безъ дрязгъ и интригъ освободилъ мѣсто. Подумалъ было, кто его смѣнитъ, и не остановился на этой мысли. Представилъ себѣ жизнь въ домѣ отдыха или въ санаторіи, съ единой заботой о томъ, какъ затянуть жизнь, и даже улыбнулся. Объ этомъ онъ

и думалъ безъ всякаго волненія: настолько было ясно, что это для него невозможно. «Ну, хорошо, потомъ пойдутъ последнія болѣзни, — при нѣкоторомъ счастьи недолгія, — конецъ, въ лучшемъ случаѣ «сомкнемъ крѣпче ряды надъ могилой стараго борца», почетный караулъ въ Колонномъ залѣ, урна въ Кремлевской стѣнѣ... Фонъ изъ урнъ старыхъ борцовъ для мавзолея Ленина, какъ во «Дворцѣ Инвалидовъ» фонъ изъ генеральскихъ гробницъ для Наполеоновскаго саркофага. Сталину, если его убьютъ и если не побѣдятъ тѣ, которые убьютъ, если вообще умретъ во время — все надо дѣлать во время — отведутъ отдѣльный мавзолей»...

Онъ лѣниво остановился на мысли, гдѣ именно на Красной Площади могутъ воздвигнуть мавзолей Сталину и въ какомъ стилѣ его выстроятъ? «Какъ-то не хорошо два мавзолея. Вотъ какъ во «Дворцѣ Инвалидовъ» былъ бы еще чей-нибудь второй саркофагъ»... Потомъ вернулся къ прежнимъ мыслямъ. «Да, урна въ Кремлевской стѣнѣ, будутъ играть «Интернаціоналъ»... Прежде играли «Вы жертвою пали»... Что лучше?» — Опять немного задержался на мысли: что ему было бы пріятнѣе? «Совершенно все равно. Если умереть во время, то будутъ въ газетахъ пять-шесть «Памяти стараго революціонера» и торжественное засѣданіе съ рѣчами. Быть можетъ, со временемъ найдется и біографъ, больше потому, что жизнь была съ фабулой. Что-жъ, у другихъ не будетъ и этого». — Вислиценусъ думалъ обо всемъ этомъ почти безъ насмѣшки. При жела-

ніи онъ и теперь, послѣ всего что было, могъ настроить душу на возвышенный ладъ. «Разочарованіе? Нѣтъ, особаго разочарованія нѣтъ. «Море крови»? Точно они въ ту войну не пролили такого же моря! Интриги, дрязги, ненависть подъ видомъ обожанія? Если бы однако узнать у наполеоновскихъ маршаловъ, очень ли они при жизни любили человѣка, вокругъ котораго такъ обманно, съ солдатской преданностью, лежатъ во Дворцѣ Инвалидовъ! Такъ всегда было»... Цѣпь силлогизмовъ, выработанная Ильичемъ въ 1918 году и при общей радости всѣми ими усвоенная, оставалась непоколебленной. Идетъ великое дѣло, величайшее изъ дѣлъ, освобожденіе трудящихся всего міра; пусть къ этому дѣлу примазались злодѣи, прохвосты, безсловесные люди, какъ этотъ «Секретарь Ивановичъ»... «Если тотъ еще разъ скажетъ «Коминтернъ Ивановичъ», надо будетъ дать ему по мордѣ, по его подбитой ватой мордѣ!», — съ внезапнымъ бѣшенствомъ подумалъ Вислиценусъ и сейчасъ же взялъ себя въ руки: «совсѣмъ помѣшался, скоро кусаться буду... Ну, примазались, это всегда такъ бываетъ, это неизбѣжно... Да, великому дѣлу, наряду съ людьми прекрасными и кристально-чистыми, служатъ скверные людишки. Только злой мелкій человѣчекъ можетъ сдѣлать изъ этого выводы противъ дѣла. И во всѣхъ лагеряхъ то же самое, у нихъ вдобавокъ и дѣло отвратительное. Что еще? Терроръ? Но правящіе классы никогда бы не отдали своей власти, своихъ денегъ, — вотъ этихъ вагоновъ, — безъ ожесточеннаго сопротив-

ленія. Ихъ сопротивленіе можно было сломить только терроромъ. Безъ «моря крови» у власти нельзя было бы продержаться и полугода. Перешли бы въ исторію въ лучшемъ случаѣ съ репутаціей слабыхъ, неумныхъ и благородныхъ мечтателей, въ худшемъ случаѣ съ репутаціей нѣмецкихъ прихвостней и измѣнниковъ. И надъ нашей слабостью смѣялись бы люди, которые насъ бы свергли! Нѣтъ, ужъ лучше «море крови», чѣмъ «дряблые интеллигенты»! — опять со вспышкой злобы подумалъ онъ. Цѣпь силлогизмовъ оставалась непоколебленной, но она просто его теперь не очень интересовала. Это было хуже всего.

Надежда Ивановна вышла изъ купэ. Ему показалось, что на ея лицѣ проскользнуло неудовольствіе, когда она увидѣла его въ корридорѣ. Висліценусъ почувствовалъ уколъ въ сердце. — «Что за вздоръ!» — сказалъ онъ себѣ, — «какое мнѣ до нея дѣло!» Но то, что онъ называлъ внутренней дисциплиной, не помогло. «Есть дѣло... Да, если-бъ на остающіеся два-три года можно было»... — «Что, Наденька, утомлены дорогой?» — спросилъ онъ и подумалъ, что его «Наденька» мало отличается отъ «дѣтки» Кангарова. Нѣтъ, ужъ себя обманывать отеческимъ отношеніемъ не приходилось. Она заговорила съ нимъ какъ будто совсѣмъ не въ томъ тонѣ, въ которомъ говорила съ посломъ. Теперь ея тонъ былъ нѣжно-восторженный, — такъ она могла говорить съ Кропоткинымъ, — но и въ этомъ тонѣ былъ тотъ же обманъ. «Послу ей, однако, нужно угождать, а мнѣ какъ будто незачѣмъ. Она хо-

четъ нравиться всѣмъ, это скверная болѣзнь, но съ ея умомъ она могла бы понять, что мнѣ нисколько не нравится, когда меня стилизуютъ подъ Инсарова, а тѣмъ болѣе подъ Кропоткина», — подумалъ онъ. Въ его отвѣтахъ проскользнулъ холодокъ, она взглянула на него и вспыхнула, — отъ этого раздраженіе у него тотчасъ улеглось. — «Хочу взять книгу», — сказала она. Онъ неохотно приподнялся со своего откидного стула, чтобы пропустить ее. Толчокъ поѣзда бросилъ ее на него. — «Что вы теперь читаете, Наденька?» — вздрогнувъ, спросилъ онъ и почувствовалъ, что ему очень хотѣлось сказать: «Что ты сейчасъ читаешь, Наденька?..» — «Новый романъ Викки Баумъ», — нарочно солгала она. Онъ не зналъ или не помнилъ этого имени, но почувствовалъ интонацію отвѣта: «получай!..» — «Ну и отлично, въ самомъ дѣлѣ, знай сверчокъ свой шестокъ... Въ этомъ ящикѣ навсегда повернуть ключъ!..» Надежда Ивановна вошла въ свое купэ и затворила за собой дверь. Висліценусъ прошелъ къ себѣ, сѣлъ, взялъ письма Достоевскаго, посмотрѣлъ на часы. До Берлина еще было далеко. «Да, съ Тамаринымъ поговорить», — вспомнилъ онъ устало.

III.

Бывшій генералъ-майоръ, а теперь командармъ 2-го ранга, Константинъ Александровичъ Тамаринъ, въ своемъ купэ занимался отъ скуки

рѣшеніемъ крестословицъ. Онъ любилъ это развлеченіе и считалъ его полезнымъ для людей умственнаго труда: подобно шахматной игрѣ, оно требовало напряженія мысли (полезно, какъ постоянная тренировка) и вмѣстѣ съ тѣмъ давало отдыхъ отъ привычной работы. Но по утрамъ Тамаринъ никогда крестословицами не занимался, и ему было немного совѣстно. Путешествіе всегда выбивало его изъ колеи. Наканунѣ вечеромъ онъ игралъ съ попутчиками въ винтъ слишкомъ долго. Въ былыя далекія времена, въ Петербургѣ, всегда кончалъ игру около полуночи, затѣмъ легко ужиналъ и выпивалъ двѣ рюмки хереса. Объ его хересѣ на сонъ грядущій всѣ знали; клубный лакей подавалъ ему бутылку безъ заказа, и онъ немного этимъ гордился, какъ гордился вообще регулярностью своей жизни и тѣмъ, что отлично спитъ послѣ ужина: другіе люди его лѣтъ передъ сномъ не ѣли ничего.

Игралъ онъ въ винтъ мастерски и былъ когда-то въ клубѣ признаннымъ авторитетомъ. За прекрасную игру его не разъ приглашали въ партіи самыхъ высокопоставленныхъ людей. Въ поѣздѣ за игрой вышла необыкновенная, рѣдчайшая комбинація, съ малымъ шлемомъ безъ козырей, — почти совершенно тождественная съ той, которую онъ когда-то разыгралъ въ Яхтъ-клубѣ: память вообще и въ частности память къ карточной игрѣ у него были необыкновенныя. Его партнеръ Кангаровъ сыгралъ точно такъ, какъ тогда сыгралъ великій князь. Тамарину воспоминаніе

было немного смѣшно, но прежнее чувство неловкости — «съ кѣмъ игралъ когда-то, съ кѣмъ играю теперь!», — мучившее его въ первые годы близости къ большевикамъ, давно разсѣялось. «Что-жъ, и тѣ были не ангелы, да и среди этихъ не всѣ скоты, попадаются и порядочные люди... Вотъ и въ винтъ играютъ одинаково», — почти весело подумалъ онъ, снова сдавая карты.

Кончили они игру поздно, затѣмъ изъ вѣжливости надо было еще хоть немного поговорить. Посмѣялись за разсчетомъ: въ какой валютѣ расплачиваться? Игра была далеко не крупная, но секретарь проигралъ нѣсколько больше, чѣмъ ему слѣдовало бы по жалованію и по суточнымъ. Посолъ, чтобы его утѣшить, былъ съ нимъ особенно ласковъ. — «Зато въ любви какое счастье этому красавцу!» — говорилъ онъ (секретарь былъ уродливъ), — «представьте себѣ, изъ-за него три женщины покончили съ собой... Эдуардъ Степановичъ, сколько вы въ общемъ выплачиваете алиментовъ въ мѣсяцъ? Нѣтъ, положительно пора бы вамъ остепениться...» — «Спасибо, я уже смѣялся», — невпопадъ отвѣтилъ, стыдливо улыбаясь, секретарь. — «Значитъ, быстрота и натискъ. Храбрость города беретъ», — тоже невпопадъ поддержалъ шутку посла Тамаринъ. «Что-жъ, приблизительно такъ же шутили и въ Яхтъ-клубѣ», — разсѣянно подумалъ онъ. «А шлемикъ, Командармъ Ивановичъ, хоть этотъ фушеръ вамъ очень помогъ, вы разыграли на ять», — призналъ Кангаровъ, — «это что и говорить»... За картами они постоян-

но обмѣнивались комплиментами, въ тонѣ Наполеона, отдающаго должное эрцгерцогу Карлу. У каждаго былъ свой стиль игры, находившій признаніе у другого. Впрочемъ, они и вообще были довольны другъ другомъ. «Вотъ и этотъ не совершенный скотъ», — думалъ Тамаринъ, — «хоть посломъ его можно было сдѣлать развѣ для смѣха». — «Не орелъ, конечно, его превосходительство, но пріятный человѣкъ, понявшій урокъ исторіи и ошибки своего класса», — думалъ Кангаровъ. Въ свое купэ генералъ вернулся въ четверть третьяго. Отъ хереса онъ давно отвыкъ, но ему хотѣлось закусить: обѣдъ, какъ всегда въ вагонъ-ресторанѣ, былъ не очень хорошій и довольно дорогой.

На ночь Тамаринъ, по своему обыкновенію, прочелъ главу изъ «Hinterlassene Werke». У него было отличное Дюммлеровское изданіе Клаузевитца, съ которымъ онъ никогда не разставался: скорѣе отправился бы путешествовать безъ паспорта или безъ зубной щетки, чѣмъ безъ этихъ небольшихъ книгъ въ старинныхъ переплетахъ изъ гладкой желтой кожи. Самый видъ ихъ, суховатая бумага, послѣднее слово или послѣдній слогъ внизу страницы передъ переходомъ на новый листъ, маленькое *е*, вмѣсто «умлаута», надъ *о*, *и*, *а*, дѣйствовали на него умиротворяюще. Обычно онъ прочитывалъ одну главу и засыпалъ. Но на голодный желудокъ заснуть было нелегко, и книга раскрылась на очень сильной главѣ. Сначала попался одинъ изъ тѣхъ коротких, отчетливыхъ, похожихъ на приказъ афо-

ризмовъ, которые доставили Клаузевитцу любовь всѣхъ военныхъ людей міра: «Der Krieg hat freilich seine eigene Grammatik, aber nicht seine eigene Logik»... «Какъ вѣрно и ясно!» — съ наслажденіемъ подумалъ Тамаринъ. Открывшуюся главу онъ помнилъ не такъ хорошо, и былъ этому радъ, какъ радуются иные читатели, что немного забыли «Мертвыя души»: можно будетъ перечитать. Онъ сталъ читать дальше:

«Die ungeheueren Wirkungen der französischen Revolution nach Aussen sind aber viel weniger in neuen Mitteln und Ansichten ihrer Kriegführung als in der ganz veränderten Staats- und Verwaltungskunst, in dem Charakter der Regierung, in dem Zustande des Volkes u. s. w. zu suchen. Dass die andern Regierungen alle diese Dinge unrichtig ansahen, dass sie mit gewöhnlichen Mitteln Kräften die Wage halten wolten, die neu und überwältigend waren: das alles sind Fehler der Politik. Hätte man nun diese Fehler von dem Standpunkte einer rein militärischen Auffassung des Krieges einsehen und verbessern können? Unmöglich».

Мысли эти его взволновали, онъ прочелъ во второй разъ: на словахъ: «Mitteln Kräften» была какъ будто неувязка. «Можетъ, простая опечатка? Да не въ томъ дѣло»... Изъ этихъ словъ, очевидно, слѣдовали выводы, имѣвшіе значеніе для всей его работы, какъ-то по новому оправдывавшіе его жизнь. Однако въ третьемъ часу почи Тамаринъ былъ не въ силахъ обдумать прочитанное и зналъ, что, если начнетъ объ этомъ думать, то не заснетъ. Онъ хотѣлъ было зало-

жить уголъ, но пожалѣлъ: ужъ очень хорошо было изданіе — и рѣшилъ запомнить страницу: 148. «Сто сорокъ восемь», — сказалъ онъ вслухъ и спросилъ себя, нѣтъ ли мнемоническаго пріема: восемь вдвое больше, чѣмъ четыре, но первая цифра... «Да, разумѣется, буду помнить: сто сорокъ восемь», — подумалъ онъ и заснулъ. Спалъ онъ много хуже обыкновеннаго, снились ему вещи безсмысленныя: великій князь игралъ съ Клаузевитцемъ въ винтъ и въ карты имъ смотрѣлъ царь Петръ, Клаузевитцъ прорѣзалъ на шлемѣ, оставилъ противниковъ безъ ста сорока восьми. «На ять сыграли, Клаузевитцъ Ивановичъ!» — сказалъ въ восторгѣ Петръ Великій.

На этомъ Тамаринъ проснулся и что-то еще могъ съ улыбкой вспомнить изъ нелѣпаго сна. «Царь Петръ тутъ при чемъ? Кажется, годъ какъ о немъ не думалъ!..» (только дня черезъ два случайно вспомнилъ, что въ Яхтъ-клубѣ на стѣнѣ висѣлъ портретъ Петра). За окномъ свѣтились огни. Поѣздъ стоялъ. Генералъ взглянулъ на часы: шесть. — «Не граница ли?» — Посмотрѣлъ въ окно и, увидѣвъ, при тускломъ свѣтѣ фонарей, офицера въ нѣмецкомъ мундирѣ, ахнулъ: Германія! Онъ наскоро одѣлся, надѣлъ пальто, поднялъ воротникъ и вышелъ, чувствуя непонятное волненіе.

Со времени войны онъ заграницей не былъ. Наканунѣ они проѣхали черезъ Польшу, но ему какъ-то трудно было считать Польшу «заграницей», а Варшаву, гдѣ онъ въ молодости состоялъ въ штабѣ генералъ-губернатора, столи-

цей иностраннаго государства. «Вотъ это настоящая заграница... Не такъ собирался сюда войти двадцать два года тому назадъ»... Одни чиновники страшнаго вида провѣряли паспорта, другіе — багажъ. Въ совѣтскій дипломатическій вагонъ никто не заглядывалъ; самый страшный изъ чиновниковъ только обмѣнялся нѣсколькими словами съ секретаремъ, который видимо былъ и перепуганъ, и счастливъ. Затѣмъ чиновникъ приложилъ руку къ козырьку и отошелъ, впрочемъ, безъ большого почтенія на лицѣ. Генералъ, вздрагивая, гулялъ по перрону. Все тутъ неопредѣленно его волновало, — особенно видъ нѣмецкаго офицера. Этотъ офицеръ искоса на него поглядывалъ, видимо тотчасъ безошибочно признавъ въ немъ военнаго; и Тамаринъ, разумѣется, сразу замѣтилъ всѣ перемѣны въ германскомъ мундирѣ. Почему-то, при видѣ офицера, онъ пожалѣлъ, что вышелъ изъ вагона не бритый и безъ воротничка. Ему хотѣлось выпить кофе или, лучше, чего-нибудь нѣмецкаго, напримѣръ, данцигской водки? Но въ ранній утренній часъ на перронѣ еще ничего не продавали. Начала работу только газетная будка. Генералъ нерѣшительно оглянулся: его положеніе было очень прочнымъ, бояться какъ будто ничего не приходилось, но, можетъ быть, все-таки было бы лучше нѣмецкой газеты не покупать (да еще сразу, на первой станціи: «набросился!») Онъ разсердился и купилъ газету; сложилъ ее вдвое, спряталъ въ карманъ и вернулся въ свое купэ. «Собственно, теперь, при желаніи,

можно было бы остаться здѣсь совсѣмъ», — вдругъ пришла ему въ голову дикая мысль. «Стать эмигрантомъ, какъ тѣ... Вздоръ какой!.. Волноваться не отъ чего, ну, жили такъ, теперь живемъ иначе... И они тоже не совсѣмъ такъ живутъ, какъ раньше»... Въ купэ было тепло, онъ все еще вздрагивалъ. «Да, не думалъ, не думалъ... Не надо было выходить не одѣтымъ»... Разсѣянно просмотрѣлъ мелочь, сдачу, данную ему при покупкѣ газеты. Видъ нѣмецкихъ монетъ тоже волновалъ его: онъ когда-то провелъ годъ въ командировкѣ въ Германіи, и это было одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній его жизни. «Не надо было выходить безъ воротничка»...

Поѣздъ тронулся. Тамаринъ снялъ пальто, повѣсилъ его на крючекъ, раздѣлся и снова легъ, дрожа подъ легкимъ одѣяломъ. Думалъ, что засыпать теперь уже не стоитъ, но задремалъ и проснулся лишь на остановкѣ во Франкфуртѣ, отъ свистковъ и шума за окномъ. Больше не выходилъ: пользуясь остановкой, выбрился. Въ Россіи всегда съ этого начиналъ день. Никакихъ Жиллетовъ онъ не признавалъ; у него отъ лучшихъ временъ сохранился приборъ изъ семи превосходныхъ англійскихъ бритвъ: для каждаго дня была положена особая — на рукояткахъ были выгравированы слова Monday, Tuesday, Wednesday, — затѣмъ лезвею давалась недѣля отдыха; отъ этого оно становилось лучше. Въ первые годы революціи брившіеся прежде люди, случалось, отпускали бороду въ цѣляхъ

экономіи, а бородатые начинали бриться въ цѣляхъ гигіены. Тамаринъ носилъ по старинному бакенбарды подъ Александра II, — такія и до революціи были развѣ у одного человѣка изъ тысячи: ни цѣль экономіи, ни цѣль гигіены не достигалась; однако у него и въ тѣ годы подбородокъ былъ всегда пробритъ безукоризненно, бакенбарды тщательно расчесаны. Въ этихъ бакенбардахъ было нѣчто контръ-революціонное, и на улицахъ прохожіе, особенно тѣ, что постарше, поглядывали на него съ удивленіемъ и даже не безъ испуга. Сбрилъ онъ бороду лишь въ пору самаго страшнаго голода и нищеты, — показалось дико ходить такъ дальше, да и очень ужъ онъ вдругъ посѣдѣлъ. Жизнь его точно раздѣлилась на два періода: съ бакенбардами и безъ бакенбардъ. Съ того времени у него немного убавилось и уваженія къ себѣ.

День его въ Россіи проходилъ очень правильно. Послѣ бритья, если можно было, принималъ ванну; но и въ ту зиму, когда люди сидѣли дома въ шубахъ, ежедневно обливался водой и носилъ сносное бѣлье. Хозяйство вела кухарка, прослужившая у нихъ много лѣтъ и оставшаяся при немъ послѣ смерти жены. Ни дѣтей, ни близкихъ родныхъ у него не было. Вся жизнь Тамарина сводилась къ работѣ. Выкупавшись, онъ всегда самъ заваривалъ чай по своей системѣ: обжигалъ три полныхъ ложечки крутымъ кипяткомъ, давалъ постоять минуты двѣ подъ полотенцемъ и доливалъ доверху кипящей водой. Затѣмъ уносилъ чайникъ въ свой кабинетъ

и за работой выпивалъ три стакана, съ однимъ кускомъ сахара каждый, и съѣдалъ сухарь: хлѣба избѣгалъ, такъ какъ имѣлъ наклонность къ полнотѣ. Это было лучшее его время. Въ эти утренніе часы, отъ 7 до 9, онъ составлялъ доклады, записки и статьи для военно-научныхъ изданій. Сначала набрасывалъ карандашемъ конспектъ, затѣмъ, сразу набѣло, писалъ окончательный текстъ на своемъ старомъ — еще въ три ряда клавишъ, — но совершенно исправномъ Ундервудѣ. Сливаясь, все это, — работа, крѣпкій чай, легкій четкій стукъ машинки, такъ пріятно-отчетливо выводившей его мысли (послѣ машины все становилось особенно яснымъ), — было главной радостью его жизни. Ровно въ 9 часовъ онъ со вздохомъ прекращалъ работу, заботливо накрывалъ крышкой Ундервудъ и уѣзжалъ на службу. Тамъ слушалъ чужіе доклады и читалъ чужія записки. Они въ большинствѣ ему не нравились, но относился онъ къ нимъ очень корректно и заключенія давалъ по совѣсти, если только не было совершенно необходимо лгать.

Въ вагонѣ ничего этого дѣлать было нельзя. Тамаринъ вспомнилъ, что купилъ на границѣ газету. Ему прежде всего бросилась въ глаза статья подъ крупнымъ заголовкомъ: «Die jüdischen Bluthünde». Чувства его къ большевикамъ, о которыхъ говорилось въ статьѣ, были смѣшанныя, но онъ у нихъ служилъ — теперь служилъ вѣрой и правдой, — и ему было не совсѣмъ пріятно, что ихъ такъ называютъ: это косвенно задѣвало и его самого.

Когда-то въ пору гражданской войны онъ поступилъ на совѣтскую службу съ намѣреніемъ либо помочь тому, кто произведетъ переворотъ, либо, улучивъ подходящую минуту, перейти къ бѣлымъ. Изъ этого ничего не вышло. Переворотъ не происходилъ, бѣлые генералы, по дошедшимъ до него слухамъ, называли его кто дуракомъ, кто подлецомъ и измѣнникомъ. А главное, нужно было жить. Онъ пришелъ къ мысли, что можно служить Россіи при любомъ строѣ, особенно когда служишь въ арміи. Въ послѣдніе годы жизнь кое-какъ наладилась, началась работа, почти такая, какъ въ лучшія времена; къ нему относились хорошо и съ мнѣніемъ его очень считались. Въ дуракахъ оказались люди, называвшіе его дуракомъ. Газетъ, которыя могли бы смѣшать его съ грязью, больше не было. Вначалѣ еще тревожила мысль: что, если придутъ т ѣ? Теперь какъ будто ясно было, что т ѣ не придутъ. Иногда впрочемъ ему снилось ихъ возвращеніе. Проснувшись, думалъ, что этого быть не можетъ; но если они и вернутся, то вѣдь должны же будутъ считаться съ оставшимися! Оставшихся было неизмѣримо больше, чѣмъ ушедшихъ, и всѣ они въ эти годы вели себя почти одинаково.

Тамаринъ пробѣжалъ телеграммы. Извѣстія тоже были непріятныя: сообщалось о большихъ успѣхахъ итальянскихъ войскъ въ Африкѣ. По своимъ взглядамъ, онъ желалъ побѣды Италіи: считалъ Муссолини великимъ государственнымъ дѣятелемъ, — «не было у насъ ни одного такого, оттого такъ все и вышло»... Но генералъ

былъ убѣжденъ, что завоевать Абиссинію итальянцамъ будетъ чрезвычайно трудно. Въ одной изъ самыхъ лучшихъ своихъ статей онъ доказалъ, что горная цѣпь Амба̀-Аладжи неприступна. Ссылаясь на его авторитетъ, совѣтская газета высказала даже въ передовой увѣренность, что на эфіопскомъ дѣлѣ имперіалистская банда сломитъ себѣ шею (эта ссылка была для него большимъ служебнымъ успѣхомъ). Теперь въ телеграммѣ сообщалось, что Амба-Аладжи и даже Амба-Арадамъ взяты. «Можетъ, еще неправда?» — усомнился Тамаринъ. Однако сообщеніе какъ будто походило на правду — тѣми почти неуловимыми признаками, которые чувствуются и во враньѣ оффиціальныхъ сообщеній. Генералъ провѣрилъ ходъ своихъ мыслей. Штурмовать отвѣсный горный хребетъ, на которомъ укрѣпилась армія раса Десты, очень трудное, почти немыслимое, дѣло. «И вѣдь не станетъ же тѣмъ временемъ сидѣть, сложа руки, расъ Сейюмъ: тотчасъ, разумѣется, ударитъ на линію Макалэ-Адуя», — подумалъ онъ, отъ всей души желая успѣха расу Сейюму, несмотря на свои загнанные внутрь политическіе взгляды и на преклоненіе передъ Муссолини. Нѣсколько успокоенный, онъ выбросилъ нѣмецкую газету за окно и, открывъ томъ Клаузевитца на 148-ой страницѣ (вспомнилъ и безъ мнемоническаго пріема), сталъ выписывать тѣ строки въ записную тетрадку. Но поѣздъ несся быстро, карандашъ прыгалъ по бумагѣ, выходили каракули. — «Нѣтъ, въ вагонѣ работать нельзя»...

Онъ вынулъ изъ чемодана иллюстрированный журналъ съ крестословицами. Вначалѣ пошло хорошо. Въ вертикальномъ ряду первымъ было: «Имъ славятся Марсель и Казань». — «Мыло, разумѣется», — съ удовольствіемъ подумалъ генералъ. Но затѣмъ пошли загадки: «Энергичнаго человѣка она не заставитъ повернуть обратно»... — «Пуля? Нѣтъ, не пуля. Укрѣпленія? Тоже нѣтъ»... Пропустилъ: легче будетъ, когда выяснится слѣдующій рядъ... — «Префиксъ, заимствованный изъ татарскаго языка». — «Что за вздоръ! Откуда порядочному человѣку знать такія вещи?..» — «Она разсказывала Митрофанушкѣ интересныя исторіи»... Тамаринъ старался вспомнить: Митрофанушка это изъ «Недоросля», но кто же разсказывалъ ему интересныя исторіи? Няня? Мать? Не выходило.

Въ это время въ его купэ вошелъ Вислиценусъ. Генералъ нѣсколько смутился, отложилъ иллюстрированный журналъ и, поигравъ серебрянымъ карандашикомъ, незамѣтно спряталъ его въ карманъ. Съ Вислиценусомъ онъ былъ немного знакомъ по Москвѣ (встрѣчалъ изрѣдка на засѣданіяхъ) и относился къ нему такъ, какъ могъ бы относиться къ пляшущему дервишу или къ существу, прилетѣвшему съ луны: можетъ быть, и хорошее существо, но ждать отъ него можно всего, надо быть очень осторожнымъ. Передъ самымъ его отъѣздомъ изъ Москвы, Тамарину было объявлено, что, быть можетъ, Вислиценусу заграницей понадобится его помощь, — это очень

встревожило генерала, — «совѣтомъ и техническими указаніями», — нѣсколько успокоилъ его начальникъ. — «Неужели пришелъ за помощью?» — подумалъ онъ. Однако его опасеніе было неосновательно: Вислиценусъ просто хотѣлъ побесѣдовать: что за человѣкъ? Почему-то ему нравился командармъ Тамаринъ. У него была слабость къ военному дѣлу и къ военнымъ людямъ. Въ дѣтствѣ онъ страстно мечталъ стать великимъ полководцемъ.

— «Какъ спали?» — спросилъ онъ. — «Какъ изволили почивать?» — одновременно спросилъ генералъ. Оба засмѣялись. Тамаринъ сказалъ, что слишкомъ долго вчера играли въ винтъ. — «Охота вамъ»... — «Отлично играетъ нашъ полпредъ», — замѣтилъ Тамаринъ. — «Вотъ какъ, отлично?» — сказалъ Вислиценусъ, и въ тонѣ его почувствовалось недоброжелательство. «Да, въ винтъ онъ, говорятъ, превосходно играетъ», — подумалъ онъ, — «что-жъ, у каждаго человѣка должно быть что-либо настоящее, свое, подлинное, у него, быть можетъ, винтъ»... — «Я тоже слышалъ, что онъ прекрасный винтеръ», — съ насмѣшкой сказалъ Вислиценусъ. Генералъ насторожился. Ему доставляли удовольствіе раздоры и столкновенія между этими людьми (онъ часто видѣлъ такія сцены въ комиссіяхъ, гдѣ эти люди съ нимъ бывали почти всегда любезнѣе, чѣмъ другъ съ другомъ). Однако Вислиценусъ больше ничего не сказалъ и перевелъ разговоръ на Германію, на нѣмецкіе чистоту и порядокъ. — «На это они точно мастера», —

сказалъ Тамаринъ и вспомнилъ какой-то эпизодъ изъ временъ войны. Эпизодъ былъ мало замѣчательный, но Вислиценусъ терпѣливо слушалъ: можетъ быть, въ концѣ будетъ что-либо интересное? Интереснаго и въ концѣ ничего не оказалось. Попробовалъ наудачу спросить, какую военную школу Тамаринъ ставитъ выше: нѣмецкую или французскую? Генералъ отвѣтилъ, что у нѣмцевъ больше основательности, Gründichkeit, а у французовъ больше — ну какъ сказать? больше бріо: «знаете, этотъ французскій élan?..» Вислиценусъ кивнулъ головой со значительнымъ видомъ, точно только теперь, послѣ разговора съ крупнымъ спеціалистомъ, понялъ въ чемъ разница между обѣими школами. Въ развитіе своей мысли командармъ процитировалъ Клаузевитца: «Die moralischen Hauptpotenzen sind: die Talente des Feldherrn, kriegerische Tugend des Heeres, Volksgeist desselben» и перевелъ: «Таланты полководца, воинская добродѣтель арміи и ея національный духъ»... Сказалъ и пожалѣлъ: лучше было не говорить такихъ словъ. — «Тогда мы хороши», — угрюмо подумалъ Вислиценусъ. — «Да, Клаузевитцъ: «Der Krieg ist eine Fortsetzung der Politik», — отвѣтилъ онъ, показывая, что переводить нѣмецкую фразу было ненужно, — «Ленинъ тоже очень высоко ставилъ вашего Клаузевитца. Я поэтому началъ было его читать и бросилъ: мнѣ показалось скучно, общія мѣста». Генералъ посмотрѣлъ на него такъ, какъ очень терпимый, но вѣрующій мусульманинъ могъ бы смотрѣть на человѣка, отзывающагося

пренебрежительно о Магометѣ. — «Ну, знаете», — сказалъ онъ, — «это какъ кто-то говорилъ, что «Горе отъ ума» — плагіатъ: все состоитъ изъ поговорокъ, тамъ Марья Алексѣвна и все прочее»... Разговоръ сразу оживился и черезъ нѣсколько минутъ оба уже бесѣдовали съ увлеченіемъ.

— ...Да, это отчасти вѣрно, — говорилъ Висліценусъ въ отвѣтъ на приведенную Тамаринымъ цитату, ту, которая наканунѣ такъ его взволновала, — но только отчасти. Вамъ, генераламъ, конечно, эти мысли выгодны. Если вы побѣждаете, честь и слава. А если не побѣждаете, то виновата политика, вы тутъ ничего не могли сдѣлать: «unmöglich», неправда ли? Поэтому-то всѣ вы такъ любите Клаузевитца. Нѣтъ, дѣло не въ политикѣ, а въ техникѣ. Вы, военные люди, германскую войну представляли себѣ какъ японскую, и съ 1905 года по 1914 готовились къ новой японской войнѣ. А теперь вы будущую войну представляете себѣ какъ германскую и опять готовите намъ прошлую войну. А она будетъ совершенно другая. Отчего? Оттого, что какой-нибудь штатскій Майеръ или штатскій Сидоровъ, или штатскій чортъ въ ступѣ выдумаетъ какую-нибудь штучку, изъ-за которой всѣ ваши разсчеты пойдутъ прахомъ.

— Это невѣрно, просто фактически невѣрно, — говорилъ Тамаринъ, сдерживаясь: все-таки онъ не могъ серьезно спорить о военномъ дѣлѣ съ штатскимъ человѣкомъ. — И прежде всего потому невѣрно, что намъ всѣ эти штучки Майера

тотчасъ становятся извѣстными и мы ихъ пускаемъ въ ходъ...

— Ничего вамъ не становится извѣстнымъ, такъ какъ въ мирное время Майеръ ни о какой войнѣ и не думаетъ. Онъ начинаетъ думать о войнѣ, когда война уже идетъ, когда газеты его раскалятъ до бѣлаго каленія, когда у него убьютъ сына, внука, племянника. Вотъ тогда онъ и начинаетъ думать, какъ бы лучше отправить на тотъ свѣтъ тѣхъ «ближнихъ», съ которыми онъ за годъ до того воспѣвалъ братство людей и лакалъ пиво на разныхъ научныхъ конгрессахъ. А такъ какъ у Майера больше знаній и таланта въ головѣ, чѣмъ у всѣхъ генераловъ вмѣстѣ взятыхъ (Тамаринъ пожалъ плечами), то онъ-то, Майеръ, обезьяну и выдумываетъ. Тогда являетесь вы, господа генералы, и «пускаете въ ходъ». Такъ было и съ удушливыми газами, и съ танками...

— Танки изобрѣлъ генералъ! Вашъ примѣръ говоритъ какъ разъ противъ васъ!

— Ужъ будто? Вѣрно, изобрѣлъ какой-нибудь состоявшій при немъ инженеръ, а онъ выдалъ за свое. А ужъ насчетъ удушливыхъ газовъ я твердо знаю: штатскій профессоръ выдумалъ, Габеръ, Хаберъ, Гагеръ, не помню.

— Но если все опредѣляется наукой, то чего же стоитъ вашъ экономическій матеріализмъ? — сказалъ генералъ. Лицо у него измѣнилось, онъ немного поблѣднѣлъ. — Что же тогда руководитъ міромъ? Бытіе или сознаніе?

— Это другой вопросъ!

— Нѣтъ, не другой, а тотъ самый. Я спрашиваю: бытіе или сознаніе? Тогда, извините меня, вашъ матеріализмъ ерунда!..

Онъ спохватился и замолчалъ. Вислиценусъ засмѣялся. Ему все больше нравился генералъ: и тѣмъ, что онъ измѣнился въ лицѣ, когда рѣчь зашла объ его дѣлѣ («да, конечно, у него подлинное это»), и тѣмъ, что перелицованный костюмъ, съ боковымъ карманомъ на правой сторонѣ пиджака, на немъ казался почти новымъ, и тѣмъ, что въ его купэ пріятно пахло туалетной водой, — и всѣмъ вообще своимъ обликомъ. «Обликъ пустяки, но въ какомъ-то смыслѣ мы оба съ нимъ люди стараго времени», — подумалъ Вислиценусъ. Къ собственному его удивленію, эта неожиданная мысль не была ему непріятна.

— Вы меня обошли слѣва, — смѣясь, сказалъ онъ, показывая, что командарму опасаться нечего. — Да я и въ самомъ дѣлѣ плохой марксистъ. — Тамаринъ снова насторожился. «Это можно понимать двояко: «плохо понимаю марксизмъ» или «плохо вѣрю въ марксизмъ»? Ужъ не провокація ли?» — подумалъ онъ. Стукъ поѣзда чуть измѣнилъ тонъ, послышался свистокъ; это какъ будто клало конецъ отдѣлу разговора, какъ въ книгѣ цифра новой главы. Вислиценусъ посмотрѣлъ на часы.

— Медленно идетъ время... Вы позволите? — спросилъ онъ, взявъ съ дивана иллюстрирован-

ный журналъ. — Вы, кажется, занимались крестословицами?

— Да, я въ дорогѣ люблю, — сказалъ, виновато улыбнувшись, Тамаринъ. — Работать вѣдь нельзя, а...

— Я тоже очень люблю. Вотъ эта? «Имъ славятся Марсель и Казань»... Мыло, конечно, — съ торжествомъ догадался онъ.

— Это-то мыло, а вотъ дальше: «Энергичнаго человѣка она не заставитъ повернуть обратно», вы это скажите.

— «Энергичнаго человѣка она не заставитъ повернуть обратно»... Да... «Бомба»? Нѣтъ.., «Красавица?..»

— Нѣтъ, какая же «красавица», четыре буквы. — Генералъ снова вынулъ изъ кармана серебряный карандашъ.

IV.

Надеждѣ Ивановнѣ тоже было отведено отдѣльное купэ: мѣста въ вагонѣ было гораздо больше, чѣмъ требовалось. Проводникъ давно аккуратно прибралъ постель, нигдѣ не было ни соринки. Оглядѣла себя въ зеркало: все въ порядкѣ, развѣ только слѣды сажи въ ноздряхъ. «Ничего, это не противно... Какой чудакъ Дакочи», — подумала она и пожалѣла, что была нелюбезна: онъ вѣдь ничего обиднаго не сказалъ, а нотаціи читаетъ отечески. «Удивительно, какъ много стариковъ относится ко мнѣ отечески. Но

противнаго въ немъ нѣтъ ничего, напротивъ. Что же «напротивъ»? Не выходить же замужъ за старика, глупости!..»

Она сѣла у окна и вынула изъ несессера книгу. За окномъ было тускло, пасмурно: ни зима, ни весна. Въ такую погоду путешествовать и тоскливо, и пріятно. «Немного скучно съ ними... Скоро пріѣдемъ, дальше что? Устроимся на новомъ мѣстѣ, осмотримъ достопримѣчательности, музеи, дальше что?» Дальше ничего не было. «Писать письма подъ диктовку, переводить бумаги? Я не хнычу, это полезное дѣло, кому-нибудь нужно его дѣлать, и я ни на что другое разсчитывать не имѣю права. Весь багажъ: стенографія и три иностранныхъ языка. Вышло отлично, лучше, чѣмъ можно было ожидать: сразу получила командировку, увижу свѣтъ, людей... Это впрочемъ только такъ говорится: людей посмотрѣть, себя показать. И смотрѣть будетъ, вѣроятно, некого, кромѣ Эдуарда Степановича, и себя показывать некому. Жаль, есть что показать», — хотѣла было она подумать, но не осмѣлилась: что за самохвальство! «Да, стенографія, какъ временное занятіе, это ничего, но всю жизнь писать письма я не согласна. Что-жъ дѣлать, талантовъ никакихъ нѣтъ. Есть, правда, такія занятія, искусства не искусства, ремесла не ремесла, для которыхъ особаго таланта не нужно или самый маленькій. Неужели же у меня и маленькаго не найдется? Стать декораторшей? Выжигать по дереву? Фарфоръ? Вкусъ есть, это всѣ признавали, даже враги... Изучить можно

года въ два, только надо, наконецъ, выбрать. Нѣтъ, не пропаду, дѣло найдется»...

Слѣдовало, очень слѣдовало подумать и о другомъ, но это были непріятныя мысли, и ей теперь не хотѣлось объ этомъ думать. «Нѣтъ, потомъ, позднѣе»... Стала смотрѣть въ окно: надо изучать Европу. Она никогда заграницей не была; никакихъ цѣнныхъ наблюденій до сихъ поръ не сдѣлала. «Что-то, кажется, приходило въ голову тамъ на вокзалѣ, что не стыдно будетъ сказать при умныхъ людяхъ. Не помню, надо бы записывать... Если правду говорить, такой ужъ разницы нѣтъ: и люди такіе же, только одѣты всѣ гораздо лучше, мальчики, дѣвушки. Тамъ на станціи это, конечно, были влюбленные»... Она вздохнула. «Ну, вокзалы у нихъ другіе, буфеты. У нихъ это въ провинціи, какъ у насъ въ столицѣ. Посмотримъ еще Берлинъ... У насъ все лучше, разумѣется»... За окномъ стало падать что-то грязно-сѣрое, пристававшее къ стеклу и тотчасъ таявшее. Она засмѣялась. «Хорошъ снѣгъ!..» И сразу ей стало весело: нѣтъ, конечно, все лучше въ Россіи. «Это у нихъ называется морозъ, зима!» Ей радостно вспомнились недавно попавшіеся въ книгѣ, сразу запомнившіеся и понравившіеся, стихи: «Полно! Что зима отниметъ, — Все отдастъ тебѣ весна!..» «Да, все отдастъ, и работа будетъ, и жизнь будетъ, всѣмъ будетъ хорошо и мнѣ будетъ отлично»...

Раскрыла книгу, — воспоминанія извѣстнаго артиста. Царь Николай II умолялъ поссорив-

шагося съ нимъ Далматова вернуться на императорскую сцену. «Вася, — говорилъ мнѣ государь, — вернись на мою сцену! Все у меня есть: гвардія, кавалерія, артиллерія, армія, флотъ, а тебя нѣтъ! Возвращайся же!» — «Нѣтъ!.. — говорю, — ваше величество! Обида горькая, не могу васъ простить!» — И Далматовъ стоялъ гордо поднявъ свою красивую голову... — «Какъ хорошо!» — подумала Надежда Ивановна: — «гордо поднявъ свою красивую голову». Вотъ бы и мнѣ стать артисткой и такъ стоять. Но царей больше нѣтъ. А можетъ быть, онъ тутъ и приврал҄ъ»... Разсѣянно перелистывала книгу то къ концу, то къ началу. «Въ 1910 году меня особенно потрясли два событія: уходъ изъ Ясной Поляны Л. Толстого и смерть «Свѣта моего» — Вѣры Федоровны Коммисаржевской въ далекомъ Ташкентѣ. Масса вечеровъ, концертовъ и засѣданій посвящено было двумъ этимъ грустнымъ событіямъ»... — «Ахъ, если-бъ прожить какъ Коммисаржевская», — съ завистью подумала Надежда Ивановна и вернулась къ уже прочитаннымъ вчера страницамъ. — «Это письмо есть въ нѣкоторомъ родѣ ауто да фэ моего хорошаго отношенія къ вамъ», — писала артисту Коммисаржевская. — «Видите ли, я до боли ищу всегда, вездѣ, во всемъ прекраснаго. Но есть одно свойство человѣческое, не порокъ, а прямо свойство, исключающее всякую возможность присутствія этой искры, понимаете, вполнѣ исключающее — это пошлость... Что могло бы спасти васъ? Одно, только одно: — любовь къ искусству.

Въ Парижской галлереѣ изящныхъ искусствъ есть знаменитая статуя. Она была послѣднимъ произведенiемъ великаго художника, который подобно многимъ генiальнымъ людямъ жилъ на чердакѣ, служившемъ ему и мастерской и спальной»...

Въ книгѣ былъ портретъ автора въ роли Гамлета: онъ полулежалъ въ креслѣ, опустивъ голову на лѣвую руку, далеко отставивъ жирную правую ногу въ длинномъ, до колѣна, чулкѣ. «Какiе безумные глаза!» — съ восторгомъ подумала Надежда Ивановна. Былъ и портретъ Коммисаржевской, тоже съ безумными глазами. «Развѣ вы въ состоянiи пережить то, что пережилъ этотъ скульпторъ? Развѣ вы ощущаете когда-нибудь что-либо подобное? Развѣ уноситъ васъ невидимая могучая сила въ волшебный мiръ необъятной фантазiи, мiръ, исполненный поэтичными образами, неуловимыми видѣнiями, освѣщенными какимъ-то дивнымъ свѣтомъ... Во-первыхъ, вы рано вступили въ эту ядовитую для молодой души атмосферу, а во-вторыхъ, не было возлѣ васъ женщины-друга»... Надежда Ивановна вздохнула. Ее взволновали слова Коммисаржевской; но письма ей не очень нравились, хоть и страшно было критиковать столь генiальную женщину, которую боготворила вся Россiя. «Зачѣмъ же она ему писала это и развѣ нельзя было сказать все это не такъ?.. «Не было возлѣ васъ женщины-друга»... А я могу ли быть женщиной-другомъ? Ну, не при Сашкѣ Павловскомъ, конечно: это просто нахалъ-мальчиш-

ка, и не очень грамотный, и ему просто не надо отвѣчать на его послѣднее письмо, — а, напримѣръ, при этомъ Дакочи или Вислиценусѣ? Говорятъ, онъ страшный человѣкъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ немъ чувствуется большая сила. Это такъ хорошо въ мужчинѣ, но отчего же ему пятьдесятъ пять лѣтъ? Отчего я не встрѣтила его раньше?» — Опять поползли мысли, которыя она на время себѣ запретила, и опять она прибѣгла къ тому же средству: стихи помогли и на этотъ разъ· «Полно! Что зима отниметъ — Все отдастъ тебѣ весна»...

Послышались свистки, Кангаровъ пріотворилъ дверь. — «Дѣтка, сейчасъ Берлинъ, Шлезишеръ Бангофъ», — сообщилъ онъ почему-то нѣсколько встревоженнымъ голосомъ. — «Ахъ, уже Берлинъ!» — отвѣтила она и тоже заволновалась. Бросила еще взглядъ въ зеркало, безъ самохвальства осталась довольна. Она въ самомъ дѣлѣ была очень хороша. «Красавица, прямо красавица», — восторженно говорили въ Москвѣ знакомые молодые люди. — «Ну, красавица, не красавица, носъ можно бы сильно подточить, и нога большая, и чего-то ей въ лицѣ не хватаетъ, но, конечно, она хорошенькая, если хотите, даже очень хорошенькая», — признавали подруги. Надежда Ивановна перетянула поясъ и вышла въ корридоръ. Тамъ уже были всѣ. Вислиценусъ взглянулъ на нее и, ничего не сказавъ, отвернулся къ окну. Елена Васильевна зѣвнула.

— Скушно мнѣ, што-то, очень скушно, — сказала она.

За окнами медленно проплыла огромная фигура полицейскаго. Поѣздъ остановился, кондукторъ, приложивъ руку къ козырьку, почтительно отворилъ дверцы. Въ вагонъ, сгорбившись, поднялся высокій, худой, необыкновенно элегантный старый человѣкъ, въ моноклѣ и въ цилиндрѣ. Кангаровъ едва удержался отъ восклицанія. Это былъ титулованный дипломатъ, видный дѣятель германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ теченіе очень долгихъ лѣтъ — пока можно было — его часто изображали нѣмецкіе каррикатуристы и почти всегда изображали неудачно: вмѣсто каррикатуры получался обыкновенный портретъ, такъ какъ этотъ дипломатъ былъ по внѣшности живой каррикатурой на дипломата. «Смотрите, Вильгельмштрассе прислала представителя!» — взволнованно прошепталъ секретарю Кангаровъ (онъ всегда говорилъ объ иностранныхъ министерствахъ: Вильгельмштрассе, Даунингъ-стритъ, Кэ-д'Орсэ, Балльплатцъ). По правиламъ, правительство нисколько не было обязано посылать своего представителя для встрѣчи посла, назначеннаго въ другую страну и только проѣзжавшаго черезъ Берлинъ. Но, очевидно, министерство иностранныхъ дѣлъ сочло нужнымъ проявить особую любезность, — было и маленькое дѣло, — а высшему правительству можно было сказать, что этого требовалъ дипломатическій

этикетъ. Тѣмъ не менѣе лицо дипломата выражало нѣкоторое смущеніе. На перронѣ онъ даже оглядывался не безъ робости по сторонамъ и по ступенькамъ поднялся тоже торопливѣе, чѣмъ обычно.

Въ вагонѣ произошла нѣкоторая суматоха. Секретарь измѣнился въ лицѣ: «даже въ этой дикой странѣ!..» Кангаровъ радостно пошелъ навстрѣчу дипломату: они не разъ встрѣчались на разныхъ международныхъ конференціяхъ. Онъ познакомилъ гостя съ женой и съ секретаремъ, съ безпокойствомъ взглянувъ на Вислиценуса, — «отъ этихъ людей изъ «Люкса» можно ждать чего угодно», — затѣмъ повелъ дипломата въ свободное купэ, заглянулъ въ купэ Наденьки и сказалъ «виноватъ», хоть тамъ никого не было, былъ только открытый несессеръ.

Они сѣли, поѣздъ тронулся, Кангаровъ ахнулъ, дипломатъ его успокоилъ: «я хотѣлъ доставить себѣ удовольствіе сопровождать ваше превосходительство до слѣдующей станціи». — «Ахъ, Господи, я и забылъ, что у васъ въ Берлинѣ поѣзда проходятъ черезъ всѣ вокзалы», — сказалъ, сіяя улыбкой высшей сладости, Кангаровъ. За окномъ, неестественно близко отъ поѣзда, неслись огромные, новые, не закопченные, какъ будто вчера выкрашенные дома. Дипломатъ освѣдомился о томъ, какъ они путешествовали и не очень ли устали, спросилъ о здоровьи народнаго комиссара и высказалъ свое мнѣніе о погодѣ. Онъ и говорилъ совершенно такъ, какъ говорятъ въ лѣвыхъ пьесахъ лѣвые актеры, изображающіе «дипломатовъ-ра-

молликовъ». Кангаровъ отвѣчалъ съ достойнымъ видомъ, означавшимъ: «да, конечно, мы враги, но корректные враги и прежде всего мы видавшіе виды дипломаты»... Сгоряча онъ даже чуть не спросилъ о здоровьи Гитлера, но во время спохватился и справился о здоровьи министра иностранныхъ дѣлъ. О дѣлѣ было сказано лишь нѣсколько словъ, этого было достаточно: оно большого значенія не имѣло. Поѣздъ снова вошелъ въ полутемную гигантскую сквозную клѣть. Дипломатъ простился съ посломъ и въ коридорѣ низко изогнулъ худую спину передъ Еленой Васильевной.

Вислиценусъ съ усмѣшкой на него смотрѣлъ. Онъ тоже въ свое время встрѣчался съ этимъ дипломатомъ и даже какъ-то разъ съ нимъ поздоровался (нельзя было не поздороваться) въ женевской кофейнѣ «Баварія», въ которой собирались делегаты Лиги Націй, журналисты и просто любопытные люди, желавшіе посидѣть въ одной комнатѣ со знаменитостями, — всегда можетъ подвернуться и случайный фотографъ. Дипломатъ, разумѣется, его не помнилъ, но на всякій случай Вислиценусъ и смотрѣлъ на него съ видомъ, отбивавшимъ охоту къ возобновленію знакомства: «Незачѣмъ пожимать руку этимъ господамъ»... Онъ вспомнилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ дипломатъ гнулъ спину передъ самыми лѣвыми министрами. Толстый, огромный, грубоватый Штреземанъ, съ вѣчно налитыми кровью глазами, съ распухшими жилами на лбу, по обычной своей манерѣ

природнаго вождя людей, народнаго трибуна и «Наполеона мира» (такъ его безсмысленно называли въ «Баваріи») третировалъ дипломата довольно безцеремонно. — «Ну, теперь покланяйся другимъ», — съ ненавистью и почти съ торжествомъ думалъ Вислиценусъ, — «у васъ вѣдь это называется: служить родинѣ независимо отъ ея политическаго строя. Служи, служи, и жалованье идетъ, Богъ дастъ новые чины выйдутъ... И нашъ тоже хорошъ, два сапога пара»...

Дипломатъ во второй разъ сказалъ: «Gute Reise, Exzellenz» и взялся за ручку двери. Дверь толкнули съ другой стороны, въ корридоръ вошелъ Тамаринъ. На этомъ вокзалѣ будка съ напитками оказалась какъ разъ противъ ихъ вагона; тотчасъ по остановкѣ поѣзда, онъ вышелъ на перронъ и выпилъ наскоро чашку кофе, — данцигской водки въ будкѣ не оказалось, продавецъ даже посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ и предложилъ рюмку вейнбранда. Увидѣвъ дипломата, генералъ остолбенѣлъ. Оба изумленно глядѣли другъ на друга съ полминуты, затѣмъ ахнули и засмѣялись. — «Alle Wetter!», — сказалъ дипломатъ не тѣмъ голосомъ, которымъ говорилъ за минуту до того, и съ неожиданной силой хлопнулъ генерала по рукаву (это и представить себѣ было трудно)· — «Donnerwetter!», — проговорилъ, придя въ себя, генералъ.

Они когда-то хорошо знали другъ друга, много разъ встрѣчались во времена доисторическія, — встрѣчались въ совершенно иной обстановкѣ. Обоимъ стало и смѣшно, и весело, и стыдно.

«Das heisst: «vingt ans après», — сказалъ дипломатъ, и въ глазахъ у каждаго изъ нихъ выразилось: «Что? И ты тоже? Да, и я служу такой же сволочи, ничего не подѣлаешь, кончилось наше время»... Больше имъ сказать другъ другу было нечего.

Къ обоюдному ихъ облегченію, кондукторъ заоралъ: «Einsteigen!..» Дипломатъ слабо засмѣялся, развелъ руками, показывая, что ничего нельзя сдѣлать, — видно, не судьба, — крѣпко пожалъ руку Тамарину, оглянулся на улыбавшагося Кангарова и поспѣшно въ третій разъ произнесъ: «Gute Reise, Exzellenz»... Кангаровъ покосился на свиту: «хоть и смѣшно, что Exzellenz, а все-таки слышали?..» — «Старые знакомые?» — полувопросительно сказалъ онъ, съ видомъ полнаго одобренія. Секретарь изучалъ дипломата, стараясь все запомнить: покрой пальто, перчатки, борты цилиндра. — «Какой смѣшной старый нѣмецъ!» — весело думала Надежда Ивановна. У Елены Васильевны былъ видъ Маріи Стюартъ въ сценѣ съ королевой Елизаветой.

V.

Съ вечерней почтой пришло письмо издателя: memento mori. Собственно на первый взглядъ ничего особенно непріятнаго въ немъ не было. Издатель нисколько не былъ неучтивъ или нелюбезенъ: Луи-Этьеннъ Вермандуа занималъ во французской литературѣ такое положеніе, что нелю-

безнымъ издатели съ нимъ быть не могли. Напротивъ, въ письмѣ было очень много комплиментовъ; ихъ было даже, пожалуй, слишкомъ много. Какъ всегда, начиналось оно съ «Cher Maître et ami», а кончалось «Croyez, je vous prie, cher Maître, à mes sentiments admiratifs et cordiaux», — все какъ слѣдуетъ. Издатель не отказывался отъ романа изъ древне-греческой жизни, который ему предлагалъ Вермандуа. Онъ только не соглашался на авансъ въ тридцать тысячъ франковъ и неопредѣленно-уклончиво говорилъ, что рѣчь могла бы идти лишь о гораздо меньшей суммѣ. Собственно, и въ этомъ ничего особенно страннаго не было: издатели всегда торговались, и онъ съ ними всегда торговался. Но въ томъ, что письмо никакой суммы не называло, и въ словахъ «гораздо меньшей» было непріятное и подозрительное. Правда, издатель ссылался на кризисъ и сообщалъ, что ничьи книги теперь не продаются; однако и въ словѣ «ничьи» также было memento mori: какъ будто книги какихъ-то другихъ писателей теперь должны были продаваться лучше его книгъ.

За скучнымъ недолгимъ обѣдомъ стараго одинокаго человѣка, Вермандуа безпристрастно, какъ бы со стороны, обсудилъ положеніе: да, издатель хочетъ пріобрѣсти его романъ, но не очень хочетъ. Письмо дастъ понять, что романъ выпустить можно, но что ни міръ, ни издатель не погибнутъ, если романъ выпущенъ не будетъ. «Гораздо меньшая сумма» это пятнадцать тысячъ франковъ; вѣроятно, можно будетъ

выторговать и двадцать, но ни сантима больше. Лучше было съ двадцати и начать, — впрочемъ тогда издатель предложилъ бы десять. Конечно, 20-тысячный авансъ подъ романъ означалъ верхъ безстыдства... — «Ну, не верхъ безстыдства, но все-таки онъ, скотина, могъ бы заплатить тридцать тысячъ. Чего тутъ бояться? Моей смерти? Въ шестьдесятъ девять лѣтъ писатель, конечно, легко можетъ умереть, не докончивъ обѣщаннаго романа. Но этотъ скряга выпустилъ семь моихъ книгъ», — подумалъ Вермандуа съ усилившимся отъ гипотезы раздраженіемъ, — «и если я умру, онъ такъ это раздуетъ и добьется отъ критики такого потопа слезъ, что семь старыхъ книгъ въ три дня покроютъ его несчастный авансъ»...

Обѣдъ былъ легкій, безъ мяса, безъ вина, безъ всего того, что онъ любилъ, — такъ въ послѣднее пятилѣтіе полагалось ѣсть старымъ или пожилымъ парижанамъ, которые начинали внимательно слѣдить за успѣхами медицины. Болѣзни собственно у него не было никакой. Вермандуа иногда бывалъ у знаменитаго врача, но бывалъ такъ, какъ культурные люди ходятъ раза два въ годъ къ дантисту: зубы какъ будто въ порядкѣ, а все-таки пусть дантистъ посмотритъ. При послѣднемъ визитѣ, на прошлой недѣлѣ, врачъ, внимательно его осмотрѣвъ, ничего дурного не нашелъ, кромѣ развѣ легкаго утомленія сердца, — настолько легкаго, что и сказано о немъ было больше изъ приличія: все-же паціенту шестьдесятъ девять лѣтъ. Желудокъ, лег-

кія, печень, почки, все было въ совершенномъ порядкѣ. «Какъ у молодого человѣка», — весело сказалъ врачъ и съ игривой улыбкой коснулся другого вопроса. «Les femmes, cher Maître, les femmes... J'ai vaguement entendu dire que vous menez une vie de bâton de chaise»... — «Voyons, docteur, voyons, on exagère», — отвѣтилъ польщенный Вермандуа. — «C'est que vous n'avez plus vingt ans, ni même cinquante. Je ne vous dis que ça»... — сказалъ докторъ строго, но съ сочувственной улыбкой. Посовѣтовалъ поменьше ѣсть, поменьше пить, не ужинать и принимать пилюли; давленіе крови шестнадцать, недурно бы довести его до четырнадцати-пятнадцати. По всему было видно, что въ пилюляхъ большой необходимости нѣтъ: если ихъ и не принимать, то никакой катастрофы, въ предѣлахъ человѣческаго предвидѣнья, не ожидается. — «Какъ было хорошо жить, пока вы, врачи, не научились измѣрять давленіе крови! Люди жили безъ всякаго давленія и не безпокоились», — сказалъ, смѣясь, Вермандуа. Оказавшись вполнѣ здоровымъ человѣкомъ, онъ могъ себѣ позволить и нѣкоторый скептицизмъ въ отношеніи медицины. Знаменитый врачъ только пожалъ плечами: что-жъ на это отвѣчать? — «Mais oui, mais oui», — сказалъ онъ, какъ если-бы разговаривалъ съ очень умнымъ и не по лѣтамъ развитымъ ребенкомъ, но съ ребенкомъ.

Не вступая въ споръ, онъ сѣлъ за столъ и все подробно написалъ на вырванномъ изъ блокнота листкѣ, на которомъ въ лѣвомъ верхнемъ

углу были пропечатаны его ученые званія и титулы: чернаго мяса, дичи, острыхъ вещей не ѣсть, крѣпкихъ напитковъ не пить... — «А вино?» — съ испугомъ спросилъ Вермандуа. — «Вино можно, не въ большихъ количествахъ», — разрѣшилъ врачъ и, подумавъ, добавилъ: «Красное. Бѣлаго не надо»... Вермандуа еще немного поторговался о разныхъ другихъ вещахъ. — «Не лучше ли, вмѣсто этого, съѣздить, напримѣръ, въ Ройа и продѣлать тамъ курсъ лѣченія?» — нерѣшительно предложилъ онъ по безсознательной аналогіи съ тѣмъ, что судъ иногда замѣняетъ тюремное заключеніе денежнымъ штрафомъ. — «Нѣтъ, въ Ройа незачѣмъ ѣхать, сердце только чуть-чуть утомлено, болѣзни никакой нѣтъ», — отвѣтилъ врачъ, и Вермандуа съ удовлетвореніемъ убѣдился, что докторъ говоритъ такъ вообще, принимая въ соображеніе его возрастъ, и ни на чемъ въ отдѣльности особенно не настаиваетъ: не будетъ катастрофы ни отъ чернаго мяса, ни отъ бѣлаго вина.

Это было очень пріятно. До визита къ врачу Вермандуа порою чувствовалъ смутное безпокойство: наканунѣ, уронивъ за столомъ книгу, наклонился было, чтобы ее поднять, — и подумалъ, что, быть можетъ, въ его возрастѣ, да еще послѣ обѣда, лучше бы не наклоняться и не дѣлать рѣзкихъ движеній: мало ли что можетъ случиться? Теперь ясно было, что ничего случиться не можетъ. Вермандуа говорилъ и думалъ, что очень усталъ отъ жизни. Но одно дру-

гому не мѣшало: усталость отъ жизни не мѣшала удовольствію отъ словъ врача. — «Вотъ триста франковъ, дорогой докторъ, знаю, что это цѣна вашего времени, которое, я вижу, вы могли бы употребить и съ большей пользой»... Отвѣтъ былъ ему заранѣе извѣстенъ. — «Не триста, а сто пятьдесятъ», — отвѣтилъ докторъ, отлично знавшій порядки. — «Но почему же?..» — «Потому что сто пятьдесятъ», — сказалъ врачъ съ ласковой грубостью.

О дѣлахъ, связанныхъ съ деньгами, люди обычно говорили съ Вермандуа такъ, точно у него въ банкѣ было неограниченное число милліоновъ: оплата его славы какъ бы считалась естественно пропорціональной славѣ. Тѣмъ не менѣе ему въ разныхъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ, даже въ гостиницахъ и нѣкоторыхъ магазинахъ, именно по причинѣ славы полагалась скидка: онъ платилъ часть цѣны тѣмъ удовлетвореніемъ, которое полагалось испытывать отъ оказыванья въ его лицѣ услуги французской культурѣ. Вермандуа развелъ руками, показывая, что онъ тронутъ, смущенъ, огорченъ, но уступаетъ тягостной волѣ почитателя. Пожалъ доктору руку нѣсколько крѣпче, чѣмъ слѣдовало бы по степени ихъ знакомства, и, заплативъ сто пятьдесятъ франковъ удовлетвореніемъ отъ услуги французской культурѣ, положилъ другіе сто пятьдесятъ на столъ.

«Теперь года полтора, а то и два, можно будетъ къ нему не ходить», разсѣянно думалъ Вермандуа вперемежку съ мыслями объ издателѣ.

Онъ лѣниво ѣлъ супъ изъ овощей и какую-то славившуюся своей легкостью рыбу. Стряпала у него — довольно плохо и скучно — femme de menage, старая, сердитая, гипнотизировавшая его своей сварливостью, женщина, неизмѣнно, съ непонятной гордостью, при всякой жалобѣ напоминавшая ему, что она не кухарка и не cordon bleu. Тонъ ея говорилъ, что согласилась она стряпать и вообще служить ему только подъ сильнѣйшимъ его давленіемъ: въ отличіе отъ знаменитыхъ врачей и отъ управляющихъ гостиницами, старуха, видимо, не находила въ общеніи съ нимъ никакого удовольствія. Работала она у него цѣлый день, до восьми вечера. За тѣ же деньги можно было имѣть нарядную молоденькую горничную. Иногда Вермандуа объ этомъ и подумывалъ, но при мысли о томъ, что надо будетъ отказать старухѣ и имѣть съ ней объясненіе, имъ напередъ овладѣвала необычайная скука и усталость. «Не все ли равно? По крайней мѣрѣ она не воровка... И не все ли равно, что ѣсть: эту рыбу, или лангустъ, фазана, страсбургскій пирогъ? Труднѣе безъ хорошаго вина».

Вино стало большой радостью въ его жизни именно на старости лѣтъ. На званомъ обѣдѣ, который на дняхъ давалъ въ его честь богатый финансистъ, былъ изумительный Château Haut-Brion 1918 года. — «Только у насъ во Франціи есть такія божественныя вина», — сказалъ хозяинъ, — «знаете, оно своимъ совершенствомъ, своей выдержанностью, своимъ чувствомъ мѣры напоминаетъ мнѣ вашу прозу»... Верман-

дуа смущенно улыбнулся, — значительная часть обѣдовъ въ его честь всегда проходила въ профессіонально-смущенныхъ улыбкахъ — и подумалъ было, что, пожалуй, слова хозяина можно было бы какъ-нибудь, съ передѣлкой, использовать въ той сценѣ романа, гдѣ Анаксимандръ пьетъ у богача фалернское: оно напоминаетъ хозяину третью пѣсню «Иліады». Однако находка показалась ему мало интересной, и отъ мысли этой до самаго дессерта оставался непріятный осадокъ, — потомъ онъ сообразилъ, что осадокъ вызванъ словомъ фалернское и именемъ Анаксимандръ. — «Да, да, опера, гадкая опера, какъ все», — морщась, подумалъ онъ и теперь. — «А можетъ быть, болванъ-издатель именно того и испугался, что романъ изъ древне-греческой жизни?..» Это новое соображеніе было пріятно Вермандуа: значитъ, дѣло не въ немъ и не въ его старости, а въ сюжетѣ: кому теперь интересна древне-греческая жизнь? По міру разливается волна дикости и невѣжества. — «Ну, хорошо, волна дикости и невѣжества», — тотчасъ отвѣтилъ себѣ онъ. — «Но кого же она въ концѣ концовъ снесетъ? Не Лувръ вѣдь и не Національную библіотеку, а того раффинированнаго банкира. Это я въ силахъ перенести»...

На обѣдѣ хозяинъ старательно поддерживалъ высокій тонъ разговора. Стѣны кабинета, гдѣ гости сидѣли до появленія человѣка въ чулкахъ, сказавшаго: «Madame est servie», были отъ пола до потолка выстланы книгами; надъ великолѣпнымъ письменнымъ столомъ висѣлъ Матиссъ,

купленный, по скромному, вскользъ брошенному, замѣчанію владѣльца, въ ту пору, когда это было еще доступно, «до нынѣшнихъ сумасшедшихъ цѣнъ»; онъ показывалъ рѣдкія изданія въ старинныхъ переплетахъ и гладилъ переплеты съ такой славной гурманной анатоль-франсовской улыбкой, что Вермандуа почувствовалъ острый припадокъ ненависти къ этому человѣку, который ежедневно пилъ или могъ пить Château Haut-Brion 1918 года. Если-бъ финансистъ былъ по крайней мѣрѣ упитанъ и жиренъ, если-бъ у него черезъ жилетъ шла толстая золотая цѣпочка отъ часовъ, если-бъ говорилъ онъ какъ невѣжественный parvenu, все это было бы еще выносимо. Но ничего такого въ финансистѣ не было: хоть разбогатѣлъ онъ въ самомъ дѣлѣ недавно и, какъ говорили, не слишкомъ честнымъ образомъ, видъ у него, и костюмъ, и манеры, и даже анатоль-франсовская улыбка были вполнѣ приличныя. — «Чортъ его знаетъ, можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ любитъ старыя книги»...

Нельзя было въ порядкѣ закона запретить богатымъ банкирамъ интересоваться искусствомъ. Однако необходимость соціальной катастрофы казалась Вермандуа на обѣдѣ особенно ясной. При случаѣ онъ даже полушутливо какъ-то сказалъ вслухъ: «Да здравствуетъ товарищъ Сталинъ!..» Въ другихъ устахъ эта фраза могла бы въ домѣ банкира произвести удручающее впечатлѣніе. Но великій писатель произнесъ ее такъ кстати, такъ мило-шутливо, и видъ его при этомъ былъ такъ не страшенъ, что всѣ гости весело засмѣя-

лись. «Дорогой Вермандуа, выньте изъ зубовъ кинжалъ», — сказалъ хозяинъ и всѣ засмѣялись снова. «Я однако уже сталъ «дорогой Вермандуа»... Что-жъ, за свой Château Haut-Brion онъ имѣетъ на это право», — подумалъ гость. Больше по долгу службы, онъ произнесъ небольшое слово въ защиту коммунизма — или нѣтъ, не коммунизма, а коммунистическихъ идей: нисколько не отрицалъ, что въ совѣтской Россіи не все еще идетъ хорошо; однако въ этой молодой странѣ строится новая жизнь. Одна дама, недавно пробывшая цѣлую недѣлю въ Москвѣ, подтвердила его слова: ужъ она-то, какъ каждому извѣстно, нисколько не коммунистка, — для Франціи все это не годится, — но русскій народъ счастливъ и стоитъ за новый строй, это она можетъ засвидѣтельствовать совершенно опредѣленно. Хозяинъ спорилъ, — коммунизмъ чистѣйшая утопія, теперь все это понемногу отпадаетъ и въ Россіи, тамъ вѣдь растетъ самый настоящій панславизмъ, такой же какой былъ при царяхъ, — и сослался на завѣщаніе Петра Великаго: le testament de Pierre le Grand. Лакей въ чулкахъ подалъ индѣйку; разговоръ нѣсколько отвлекся, но возобновился къ салату. Тонъ Вермандуа былъ приблизительно такой, что, хотя старый порядокъ вездѣ сгнилъ или начинаетъ гнить, но отдѣльные представители стараго порядка могутъ быть совершенно очаровательными, высоко-культурными людьми, собравшими изумительныя художественныя коллекціи, и мы это, конечно, принимаемъ во вниманіе, да и вообще во Франціи до э т о г о дѣло еще

дойдетъ не скоро, — къ большому нашему огорченію. Въ какомъ-то такомъ смыслѣ принимался даже и Château Haut-Brion 1918 года: послѣдніе версальцы брали у жизни все передъ «божественной лихорадкой революціи»...

Старуха подала не индѣйку, а компотъ изъ сливъ; видъ ея говорилъ: «Да, и позавчера былъ компотъ изъ сливъ, и послѣзавтра будетъ компотъ изъ сливъ, самъ велѣлъ, ну такъ и жри, что даютъ, и я тебѣ не cordon bleu»... — «Кажется, можно бы теперь смягчить режимъ», — нерѣшительно подумалъ Вермандуа. О компотѣ изъ сливъ много говорилось при его послѣдней встрѣчѣ съ нѣкоторыми писателями его поколѣнія: каждаго изъ нихъ онъ зналъ лѣтъ сорокъ и его утѣшеніемъ въ старости было отчасти то, что они старились съ такой же быстротой, какъ и онъ. Эмиль подробно разсказывалъ, какъ мало ѣстъ и какъ умѣренно живетъ. Вермандуа слушалъ съ легкимъ недовѣріемъ и съ завистью. «Вѣрно, вретъ... А если и не вретъ, то все это ерунда: можетъ, тотъ банкиръ съ Château Haut-Brion ихъ всѣхъ переживетъ. А если старый дуракъ Эмиль и проживетъ сто лѣтъ и напишетъ еще сорокъ книгъ, то отъ этого никому ни тепло, ни холодно». — Все же ему была непріятна мысль, что Эмиль, благодаря своему благоразумію, умѣренности и компоту, можетъ его пережить, и онъ предписалъ старухѣ подавать почаще компотъ изъ сливъ. При этомъ на ея лицѣ — только гораздо болѣе откровенно и безстыдно — выразились точно такія же мысли: можетъ и съ

компотомъ послѣзавтра помрешь, и бѣды отъ этого большой не будетъ. На этотъ разъ видъ у нея былъ особенно вызывающій: «попробуй, скажи одно слово, я тебѣ скажу десять!» Вермандуа не принялъ вызова, послушно съѣлъ компотъ — что-жъ, это не такъ невкусно, — и велѣлъ подать кофейникъ въ кабинетъ. Лицо старухи показало, что за кофе она не отвѣчаетъ.

Послѣ обѣда Вермандуа надѣлъ бархатный халатъ, мягкія туфли, шапочку и съ наслажденіемъ подумалъ, что сейчасъ начинается лучшее время дня: больше, кажется, никто помѣшать не можетъ. Онъ перешелъ въ кабинетъ и поднялъ крышку американскаго стола; въ его кабинетѣ никакихъ цѣнныхъ вещей не было, — все приносилось въ жертву удобству работы. Заглянулъ въ радіофоническій журналъ и повертѣлъ ручку аппарата на каминѣ. Въ Мюнхенѣ шелъ Бетховенскій фестиваль. Вермандуа любилъ работать подъ негромкую, глухую, еле слышную музыку. Урегулировалъ звукъ и прислушался, — въ кабинетъ вошла старуха, съ демонстративнымъ презрѣніемъ къ музыкѣ растворила окно, и грохотъ сдвигаемыхъ ставенъ раздавилъ Бетховенскую фразу. «Такова и жизнь», — подумалъ было Вермандуа, но самъ устыдился слабости своей метафоры: «Не становлюсь ли и я глупъ какъ Эмиль?..» Онъ вздохнулъ и кротко расплатился съ поденщицей, — это было послѣднее испытаніе за день. Изъ Мюнхена донеслись оглушительныя рукоплесканья.

Утаенное отъ врача кофе онъ готовилъ въ усовершенствованномъ приборѣ изъ двухъ соединенныхъ трубкою стеклянныхъ колбъ, — какъ послѣ войны стали его готовить странно одѣтые восточные люди въ лучшихъ ресторанахъ Парижа. Процессъ варки еще увеличивалъ наслажденіе отъ напитка. Такъ и на этотъ разъ онъ съ особымъ удовольствіемъ зажегъ лампочку подъ нижней колбой и долго смотрѣлъ на воду, — какъ стали подниматься пузырьки, какъ потомъ все пришло въ движеніе, что-то задрожало въ трубкѣ и изъ верхней колбы вернулась въ нижнюю коричневая жидкость.

Мысль объ отвѣтѣ издателя теперь вызывала у него меньше раздраженія и тревоги. Конечно, все было въ сюжетѣ. Объ этомъ свидѣтельствовалъ и унылый видъ, съ которымъ, при ихъ послѣдней бесѣдѣ, издатель, слушая его предварительное небрежное сообщеніе о романѣ, повторялъ: «Très intéressant, Maître»... «Vous allez créer un chef-d'oeuvre, Maître»...

Вермандуа снова пробѣжалъ письмо. «...Vous devinez, cher Maître, que ce n'est pas l'envie qui me manque»... «...la situation empire tous les jours, et je ne vois décidement pas comment»... «...la crise m'impose donc la tâche pénible de»... «Да, это значитъ: пятнадцать тысячъ»... Можно было, конечно, обратиться къ другому издателю. Но если-бъ и тотъ не предложилъ лучшихъ условій, то возвращаться къ первому было бы особенно непріятно: непонятнымъ образомъ издатели неизмѣнно узнавали о самыхъ секретныхъ перегово-

рахъ авторовъ съ другими издателями. А главное, начинать переговоры заново было необычайно скучно, еще скучнѣе, чѣмъ объясняться со сварливой поденщицей. «Ничего не подѣлаешь», — подумалъ онъ, — «придется написать, что я согласенъ на двадцать тысячъ»...

Онъ досталъ приходную книгу и сдѣлалъ краткій подсчетъ; очень точно и аккуратно записывалъ въ книжку всѣ свои поступленія; расходовъ не записывалъ, — въ этомъ не было надобности: у него никогда ничего не оставалось, и расходъ слѣдовательно былъ равенъ доходу или даже нѣсколько его превышалъ, такъ какъ были долги: не дружескіе — къ денежнымъ услугамъ онъ никогда не прибѣгалъ, — а авансы. Счетная книга его не утѣшила; никакихъ другихъ смѣтныхъ предположеній не было: авторское отчисленіе отъ книгъ и ненавистныя статьи въ газетахъ, больше ничего. Свести концы съ концами въ этомъ году было почти немыслимо. «Развѣ если продать тѣ фильмовыя права? Но вѣдь это арабскія сказки»...

Изъ товарищей и сверстниковъ Вермандуа одни говорили, что онъ загребаетъ деньги: «Des mille et des cent, cher ami: les Américains lui payent des sommes folles!..» Другіе, напротивъ, утверждали, что онъ нуждается и чуть только не голодаетъ: «La dèche, vous dis-je, la dèche noire!..» Вермандуа въ среднемъ зарабатывалъ около ста тысячъ франковъ въ годъ. Но изъ нихъ первая его жена получала восемнадцать тысячъ, а вторая, съ которой онъ разошелся уже будучи сравнительно обезпечен-

нымъ человѣкомъ, — двадцать четыре тысячи. Эту расходную статью уменьшить было невозможно.

Очень трудно было сократить и собственные расходы: онъ уже произвелъ всѣ сокращенія, совмѣстимыя съ его положеніемъ. Казалось бы, положеніе Вермандуа въ обществѣ не имѣло ничего общаго съ деньгами; оно всецѣло основывалось на томъ, что онъ былъ знаменитый писатель, — одинъ изъ тѣхъ пяти или шести человѣкъ, которыхъ при перечисленіи лучшихъ писателей Франціи почти навѣрное назвалъ бы каждый образованный французъ. Принимать его считали для себя большой честью богачи, совершенно не интересовавшіеся его заработками. Однако необходимымъ условіемъ для этого былъ извѣстный минимальный уровень расходовъ. Болѣе бѣдный образъ жизни скоро поколебалъ бы и его общественное положеніе, и даже, какъ ни странно, его цѣну въ литературѣ: издатели и редакторы разговаривали бы съ нимъ иначе, если-бъ изрѣдка не читали въ свѣтской хроникѣ газетъ, что онъ обѣдаетъ у пословъ и герцоговъ, а на курортахъ останавливается въ самыхъ дорогихъ гостиницахъ. Собственно больше для этого онъ еще и выѣзжалъ въ свѣтъ, безконечно ему надоѣвшій, и для этого же отбывалъ въ августѣ двѣ недѣли въ лучшей гостиницѣ Довилля, проклиная огромные (несмотря на полагавшуюся ему скидку) расходы. Все это было чрезвычайно глупо; но глупостью жизнь никакъ не могла удивить Вермандуа.

«Что же еще можно сберечь? Переѣхать на другую квартиру?» — угрюмо спросилъ себя онъ и содрогнулся отъ ужаса: при двадцатилѣтней привычкѣ, при библіотекѣ въ шесть тысячъ томовъ, это была бы настоящая катастрофа. Автомобиля у него больше не было: автомобиль былъ проданъ въ самомъ началѣ кризиса, — что было первымъ и немаловажнымъ ущербомъ для общественнаго положенія: «capitis deminutio», — называлъ онъ это съ усмѣшкой. Пріемы у себя, даже дешевыя и потому въ послѣднее время очень принятыя «коктэйль-парти», онъ устраивалъ теперь чрезвычайно рѣдко, — «вѣроятно, друзья уже зовутъ свиньею»... Секретарь?

Обязанности секретаря при немъ съ недавняго времени исполнялъ очень молодой человѣкъ, приходившій всего на два часа въ день. Вермандуа платилъ ему такіе гроши, что иногда неловко было смотрѣть въ глаза этому юношѣ, который, вѣрно, и обѣдалъ не каждый день. «Если продамъ фильмовыя права, надо будетъ дать ему наградныя: тысячу... нѣтъ, пятьсотъ франковъ», — нерѣшительно подумалъ онъ: шансы секретаря на наградныя были невелики. «Со всѣмъ тѣмъ онъ непріятный и не вполнѣ нормальный молодой человѣкъ»... «Со всѣмъ тѣмъ» собственно ничего не значило; но секретарь своей озлобленностью, далеко превышавшей его собственную озлобленность, нѣсколько раздражалъ Вермандуа. «Не надо впрочемъ придавать значенія его способу выражаться: когда онъ на-

зываетъ кого-нибудь сволочью или мерзавцемъ, то это лишь означаетъ, что онъ не чувствуетъ большой симпатіи къ этому человѣку»... Молодой секретарь дѣйствительно чрезвычайно часто говорилъ о самыхъ разныхъ людяхъ: «crapule», «sale crapule», «canaille», «vieille canaille», и, повидимому, эти выраженія у него имѣли лишь стилистическое значеніе. «Меня онъ вѣрно называетъ «vieille canaille», — рѣшилъ Вермандуа и хотѣлъ было разсердиться, но не разсердился: ему было жаль голодавшаго секретаря.

Ненадолго онъ остановился мыслью еще на какихъ-то видахъ экономіи. Нѣтъ, ничего сократить нельзя, кромѣ развѣ пустяковъ: «уговорить Мари, чтобъ приходила не на восемь, а на шесть часовъ, и выдержать ея рычанія? Перейти къ другому портному? При двухъ костюмахъ въ годъ это дастъ гроши, и опять capitis deminutio»... Вермандуа только вздохнулъ. Шестьдесятъ тысячъ въ годъ именно и были тѣмъ послѣднимъ минимумомъ тратъ, при которомъ онъ могъ жить въ Парижѣ. «Если авансъ издателя составитъ двадцать тысячъ, то закончить годъ безъ дефицита немыслимо»... Онъ заглянулъ въ чековую книжку. На текущемъ счету оставалось девять тысячъ, это было все его состояніе. «Нѣтъ ни одного поденщика, который жилъ бы такъ глупо и за полвѣка работы ничего не скопилъ бы... Да, катастрофа, настоящая катастрофа»... Свести концы съ концами можно было бы только въ случаѣ продажи фильма или смерти второй жены, отравившей ему пять лѣтъ существованія.

Первой женѣ онъ смерти не желалъ: о ней у него сохранилось скорѣе пріятное воспоминаніе. «Впрочемъ, пусть живетъ и та дура, лишь бы только порѣже писала свои идіотскія письма»... Ему стало совѣстно, что могла у него проскользнуть и такая мысль, и съ новой силой поднялась все росшая въ немъ съ годами злоба противъ общественнаго строя, который, несмотря на его очень высокое положеніе, на званые обѣды въ его честь, на Château Haut-Brion (хотя бы чужой) и на шесть тысячъ книгъ, былъ по существу такъ безжалостенъ съ нимъ, старымъ, знаменитымъ, всю жизнь много работавшимъ человѣкомъ.

Пламя лампочки пожелтѣло, на днѣ колбы появилось черное бархатистое пятно. Онъ поправилъ фитилекъ и повертѣлъ лампочкой подъ колбой. Жидкость взбѣжала вверхъ и вернулась совершенно черной. Теперь кофе было по крѣпости прямо губительное для здоровья, — но для чего себя беречь при такомъ общественномъ строѣ? Все-же пріятно вспомнились слова знаменитаго врача: «Все въ порядкѣ, все какъ у молодого человѣка»... «Въ самомъ дѣлѣ, какіе же признаки старости? Память такая же какъ была: превосходная. Творческая способность? Не ослабѣла... Или почти не ослабѣла... Женщины?..»

Женщины теперь были главнымъ интересомъ его жизни, — частью со стыдомъ, частью съ удовольствіемъ, онъ думалъ, что не нужны ему

ни слава, ни почетъ, ни литература, что ему нужны только женщины; на улицѣ, въ автобусахъ, въ театрѣ онъ не пропускалъ взглядомъ ни одной молоденькой дѣвушки, и ему приходили въ голову мысли, которыхъ онъ не зналъ, когда былъ молодъ самъ, — или, по крайней мѣрѣ, такъ ему казалось. «Только теперь сталъ понимать, что это такое... И только теперь вообще сталъ понимать, что такое жизнь... Именно теперь, когда ея осталось такъ мало»...

Короткій остатокъ жизни, конечно, надо было бы провести возможно разумнѣе. Вермандуа раза два въ годъ и рѣшалъ начать новую жизнь: ежедневно вставать въ шесть часовъ утра, послѣ легкаго завтрака гулять въ Булонскомъ лѣсу, затѣмъ садиться за работу, а вечеромъ читать настоящія книги и ложиться часовъ въ одиннадцать. Хорошо было бы также, чтобы былъ загородный домъ, — хоть бы какая-нибудь старая лачуга изъ трехъ комнатъ; чтобы скопилась сколько-нибудь приличная сумма на текущемъ счету, а не гроши, оставляемые въ банкѣ изъ приличія, дабы имѣть возможность получать деньги по отчеркнутымъ чекамъ; чтобы вмѣсто старухи служила молодая хорошенькая горничная, которой онъ говорилъ бы «дитя мое» и которая была бы ему предана какъ собака.

Изъ плановъ новой жизни такъ же неизмѣнно ничего не выходило: когда рано вставалъ, туфли оказывались невычищенными, свѣжаго хлѣба къ кофе не было, и въ Булонскій лѣсъ идти было нельзя, такъ какъ шелъ дождь, да и ни-

чего хорошаго въ лѣсу нѣтъ. Работалъ онъ, когда придется, чаще всего по вечерамъ, поддерживая себя крѣпкимъ кофе, засыпалъ очень поздно и вставалъ въ двѣнадцатомъ часу утра. «Да, во всей Франціи нѣтъ человѣка, живущаго столь нездорово и неразумно»...

Онъ вздохнулъ и принялся за работу. Сначала надо было продѣлать механическія дѣла: это втягивало въ трудъ, — потомъ легче было приняться за настоящее. Важныхъ писемъ, къ счастью, не оставалось: все было вчера продиктовано секретарю. Но на столѣ лежали двѣ книги, — книги третьяго столбика.

Вермандуа получалъ еженедѣльно отъ двадцати до сорока книгъ. Тѣ изъ нихъ которыя принадлежали авторамъ завѣдомо бездарнымъ, или совершенно никому неизвѣстнымъ («если-бъ книга чего-нибудь стоила, было бы слышно»), откладывались въ первый столбикъ. Секретарь аккуратно отрывалъ первую страницу съ авторской надписью и относилъ книги перваго столбика букинисту; этотъ небольшой доходъ предназначался на благотворительныя дѣла: деньги отдавались звонившимъ чуть не ежедневно женщинамъ въ полумонашескихъ платьяхъ, — просто поразительно, сколько существуетъ въ Парижѣ полезныхъ учрежденій, нуждающихся въ его помощи. Авторамъ же секретарь разсылалъ карточки Вермандуа съ пожеланіемъ большого успѣха. Во второмъ столбикѣ лежали книги, въ которыя слѣдовало заглянуть (можно и не разрѣзая): онѣ тоже были почти навѣрное ни-

куда негодны, но ихъ авторамъ, по рангу, надлежало отвѣтить не на карточкѣ: секретарь писалъ на машинѣ письма и представлялъ ихъ ему для подписи. На книги третьяго столбика отвѣчалъ самъ Вермандуа, и это было особенно скучно, потому что предварительно требовалось разрѣзать книгу (поручать такую работу секретарю было неловко: все-таки баккалавръ).

На этотъ разъ третій столбикъ состоялъ изъ двухъ книгъ; сверстниковъ Вермандуа, знаменитыхъ писателей, становилось все меньше. Онъ рѣшилъ вторую книгу отложить на слѣдующій день: можетъ, завтра, Богъ дастъ, ничего не придетъ. Разрѣзалъ толстый томъ и, перелиставъ книгу, быстро набросалъ письмо. «...Какъ хороша вся шестая глава!.. Да и весь образъ Антуана!.. О концѣ я не говорю: это шедевръ, шедевръ даже для васъ, дорогой другъ. Не желаю успѣха: когда же у васъ успѣха не было?..»

«Кажется, я еще ему этого не писалъ», — неувѣренно подумалъ Вермандуа. Похвалы образу Антуана его не безпокоили, — по долгому опыту онъ зналъ, что писать такія вещи можно совершенно спокойно: какую бы главу или какое бы дѣйствующее лицо ни назвать, восторженныя похвалы нисколько автора не удивятъ. Собственно проще, чѣмъ лгать, было бы прочесть книгу. Но Вермандуа не чувствовалъ себя въ силахъ читать безъ необходимости новыя художественныя произведенія, хотя бы и хорошія; и онъ лишь освѣжалъ въ памяти прочитанное прежде, — какъ дамы, примирившіяся со старостью,

стараются лишь обновлять и передѣлывать пріобрѣтенный въ молодые годы запасъ дорогихъ, не очень старящихся вещей.

Не отвѣтить вовсе на присылку книги съ надписью Вермандуа считалъ невозможнымъ. Вѣжливость была въ его природѣ. Газетной брани онъ не выносилъ; особенно непріятно его задѣвала литературная грызня, въ которой, въ отличіе отъ грызни политической, непосредственные матеріальные интересы обычно отсутствовали. Грубыя рецензіи приводили его въ раздраженное недоумѣніе: онѣ явно не могли быть полезны ни литературѣ, — время и безъ рецензій все ставитъ на мѣсто, — ни публикѣ, — она слѣдила за этимъ совершенно такъ, какъ зѣваки слѣдятъ за уличной дракой, — ни тому, о комъ писалась статья, ни тому, кто ее писалъ; почти всѣ критики выпускали иногда и книги, почти всѣ писатели порою занимались критикой, всякая грубая рецензія рано или поздно, явно или прикрыто, но неизмѣнно и неуклонно — съ силой закона природы — вызывала другую, благодарственную, столь же грубую. Для чего люди, иногда ученые и талантливые, занимались этимъ нелѣпымъ и безполезнымъ, никому ненужнымъ дѣломъ литературныхъ репрессалій, было совершенно непонятно. Настоящій идейный споръ могъ быть вполнѣ учтивымъ. «Все-таки не созданы же мы для того, чтобы отравлять другъ другу столь короткую, столь и безъ того тягостную, жизнь. А если и созданы, то съ этимъ надо бороться какъ съ

порокомъ, — да и едва ли это можетъ происходить отъ дурного біологическаго устройства людей. Вотъ вѣдь мнѣ, напримѣръ, это совершенно не свойственно»... Его устныя, письменныя, печатныя похвалы не имѣли никакого значенія, и имъ не вѣрилъ никто, кромѣ того лица, къ которому онѣ относились. Но этого было вполнѣ достаточно.

Онъ запечаталъ письмо и съ досадой замѣтилъ что подъ пресспапье лежали еще какіе-то, оставленные для него секретаремъ, листки. Заглянулъ: анкета, исходившая отъ очень мало распространеннаго, почти никому неизвѣстнаго, но бойкаго журнальчика. Люди хотѣли безплатно отъ него получить то, за что полагалось платить ему деньгами или, по крайней мѣрѣ, рекламой. Это съ ихъ стороны было собственно такъ же неприлично, какъ обращаться за юридическимъ совѣтомъ къ случайно встрѣченному на улицѣ знакомому адвокату. Анкеты приходили не столь часто, какъ книги, но все-таки нерѣдко. Молодой секретарь даже нагло совѣтовалъ завести печатныя открытки, какъ у Куртелина: «M. Georges Courteline a reçu votre enquête sur... Il a l'honneur de vous informer qu'il s'en f... complètement». На листкѣ анкеты рукой секретаря было написано: «Formule 2, n'est-ce pas, cher Maître». Въ вопросѣ этомъ, и въ почеркѣ секретаря, и особенно въ словахъ «Cher Maître», тоже было нѣчто наглое. Но по существу онъ былъ правъ: незачѣмъ ссориться и съ неизвѣстными журнальчиками. Вермандуа написалъ: «Mais oui». Это

значило, что секретарь долженъ отвѣтить: за отъѣздомъ г. Луи-Этьенна Вермандуа, отвѣтъ на столь интересную анкету, къ сожалѣнію, данъ быть не можетъ.

Подъ листкомъ анкеты лежало еще два сколотыхъ зажимомъ листка. Вермандуа заглянулъ и съ досадой выругался. Это было настоятельное приглашеніе принять участіе въ митингѣ протеста противъ возмутительныхъ дѣйствій чилійскаго правительства. Онъ въ самомъ дѣлѣ какъ-то обѣщалъ выступить на митингѣ, но не думалъ, что его обѣщаніе будетъ понято такъ буквально: устроители должны были сообразить, что онъ даетъ свое имя лишь для украшенія афиши. Къ письму былъ приложенъ отбитый на машинкѣ секретаремъ проектъ отвѣта. Вермандуа быстро его пробѣжалъ. Въ отвѣтѣ сообщалось, что онъ внезапно заболѣлъ, прійти, къ своему великому сожалѣнію, не можетъ, шлетъ всѣмъ товарищамъ привѣтъ и вмѣстѣ съ ними, отъ глубины души, протестуетъ противъ варварскихъ дѣйствій правительства Чили. Отвѣтъ былъ составленъ недурно, но опять-таки въ тонѣ, въ выраженіяхъ, въ увѣренности этого мальчишки, что cher Maître на митингъ не пойдетъ, было нѣчто наглое, издѣвательское и подмигивающее. Однако и тутъ секретарь былъ правъ. Вермандуа взялъ перо и исправилъ немного стиль. Вмѣсто «flétrir ces actes abominables», написалъ: «flétrir ces actes que la conscience du monde civilisé ne saurait accepter».

Теперь механическая работа была на этотъ вечеръ кончена.

VI.

Вермандуа вынулъ изъ ящика картонную папку: въ ней лежали тонкія записныя книжки, склеенные, перечеркнутые — поправка на поправкѣ, — связанные зажимами листы: матеріалы къ роману изъ древне-греческой жизни. Издателю онъ говорилъ, что «романъ въ сущности готовъ» и съ улыбкой, берущей сказанное въ кавычки, ссылался на слова Расина о «Федрѣ»: «C'est prêt, il ne reste qu'à l'écrire». Но про себя Вермандуа зналъ, что готово лишь очень немногое, хоть планъ тщательно разработанъ, выписки сдѣланы, характеры намѣчены. Мало того, едва ли не впервые въ жизни, ему было неясно, какъ приступить къ работѣ: это былъ его первый опытъ историческаго романа. Онъ хорошо зналъ греческій языкъ и прочелъ не менѣе сотни книгъ о древнемъ мірѣ, — трудность была не въ недостаточномъ знаніи эпохи. «Хуже всего будетъ, если получится головная, вымученная книга»...

Ясна была только основная мысль. Міръ три тысячи лѣтъ находился въ состояніи варварства и всѣ три тысячи лѣтъ смутно это чувствовалъ. Выйти изъ этого состоянія міръ не могъ и не можетъ, вслѣдствіе дурного отъ природы устройства людей. Но во всѣ времена лучшіе или наиболѣе требовательные люди старались найти

такую точку зрѣнія, по которой варварство либо было бы не варварствомъ, либо признавалось бы временнымъ состояніемъ человѣческаго рода. Въ теченіе многихъ вѣковъ человѣчество терпѣливо сносило полновластное царство зла, потому что смотрѣло на земную жизнь лишь какъ на временное, очень несчастное состояніе передъ переходомъ къ вѣчному блаженству. Вѣра эта стала отпадать сто или, быть можетъ, двѣсти лѣтъ тому назадъ, и ее наспѣхъ, неполно, неумѣло, неудачно замѣнили ученіемъ о прогрессѣ. Теперь, съ 1914 года, и это ученіе оказалось совершенно несостоятельнымъ и даже просто неумнымъ: міръ вступилъ въ полосу катастрофъ и вернулся или возвращается къ состоянію исконнаго варварства. Однако за три тысячи лѣтъ было какъ будто одно исключеніе: маленькій народъ въ восточной части Средиземнаго моря, рано и безслѣдно исчезнувшій греческій народъ, который, по непонятной біологической случайности, породилъ непропорціональное, неестественное или сверхъестественное число геніальныхъ людей. Люди эти авансомъ, наскоро, и въ теоріи и на практикѣ, продѣлали весь позднѣйшій опытъ міра и продѣлали его съ такимъ блескомъ, съ такой концентраціей во времени и въ пространствѣ, что основныя проблемы человѣческаго бытія и теперь лучше всего изучать именно на нихъ, на ихъ исторіи, на ихъ миѳахъ. Здѣсь начиналось изложеніе новаго взгляда на эти вопросы, — Вермандуа казалось, что онъ по новому понялъ древнюю Грецію.

Съ камина раздалась фраза «стучащей судьбы». Онъ улыбнулся ея соотвѣтствію мыслямъ, которыя его занимали. «Всегда надо было бы писать подъ музыку Бетховена», — подумалъ онъ и съ непріятнымъ чувствомъ самъ себѣ отвѣтилъ, что въ шестьдесятъ девять лѣтъ не стоитъ обзаводиться новыми привычками работы. «И писать тоже нельзя по новому, это самый худшій видъ снобизма»... Передъ каждой новой книгой ему хотѣлось написать ее совершенно по иному — такъ, какъ онъ никогда не писалъ и какъ никто не писалъ до него. Изъ этого ничего не выходило: все новое неизмѣнно оказывалось старымъ, — «ново лишь то, что забыто». Прогрессъ искусства сводился только къ легкому подталкиванію впередъ того, что было сдѣлано поколѣніями другихъ людей; самые великіе новаторы именно такъ и поступали, а тѣ, которые хотѣли казаться новаторами своимъ современникамъ, забывались обычно черезъ двадцать лѣтъ или уже черезъ десять становились совершенно невыносимыми. «Вотъ и въ этой книгѣ я чуть-чуть подтолкну искусство историческаго романа. Но что такое историческій романъ?..»

Передъ началомъ работы онъ собралъ нѣсколько книгъ, считавшихся лучшими въ этой области. Возлѣ его письменнаго стола стояла вращающаяся этажерка съ книгами, которыя могли ему понадобиться. Здѣсь теперь были ученые труды по греческой исторіи, философіи, быту; были также знаменитые историческіе романы, не имѣвшіе отношенія къ Греціи. «Что если

все-таки заглянуть?» — подумалъ онъ и наудачу взялъ книгу. «Война и Миръ»... — «Нѣтъ, это ни къ чему»... Толстого онъ особенно избѣгалъ по разнымъ причинамъ, а когда читалъ, то обычно кончалъ чтенiе со смѣшаннымъ чувствомъ восторга и подавленности: «Такъ не напишешь... Зачѣмъ же читать книги, отбивающiя охоту къ литературной работѣ? Но какой «Война и Миръ» историческiй романъ?» — сказалъ онъ себѣ. «Его отецъ участвовалъ въ сраженiи подъ Москвой, онъ описалъ въ историческомъ романѣ всю свою семью»...

Взялъ другую книгу: «Девяносто третiй годъ». «Что скажетъ папа Гюго?.. Вотъ это можетъ оказаться болѣе подходящимъ. Впрочемъ, отецъ этого тоже участвовалъ въ событiяхъ романа... Съ отцами мнѣ положительно не везетъ. Мой отецъ никогда не встрѣчался съ Алкивiадомъ»... Онъ тотчасъ пожалѣлъ, что настроился на ироническiй ладъ: ничего не могло быть хуже для гигiены литературной работы. Раскрылъ книгу наудачу. — «Audessus de la balance il y a la lyre. Votre république dose, mesure et règle l'homme; la mienne l'emporte en plein azur. C'est la différence qu'il y a entre un théorème et un aigle. — Tu te perds dans le nuage. — Et vous dans le calcul. — Il y a du rêve dans l'harmonie. — Il y en a aussi dans l'algèbre. — Je voudrais l'homme fait par Euclide. — Et moi, dit Gauvain, je l'aimerais mieux fait par Homère»... Вермандуа зѣвнулъ и засмѣялся, стараясь вспомнить, кто эти люди. «Да, Симурдэнъ фанатикъ, а Говэнъ гуманистъ. Фа-

натикъ казнитъ своего воспитанника гуманиста... А до того долженъ быть процессъ...» Онъ заглянулъ въ главу процесса и прочелъ защитительную рѣчь. То, что въ рѣчи, произнесенной въ 1793 году, была ссылка на сраженіе при Флерюсѣ, бывшее въ 1794 году, его развеселило. «Кажется, критики этого и не замѣтили... Папа Гюго ничего не зналъ»... Онъ перелисталъ книгу. — «...Et la femme qu'en faites-vous? — Ce qu'elle est. La servante de l'homme. — Oui. A une condition. — Laquelle? — C'est que l'homme sera le serviteur de la femme. — Y penses-tu? s'écria Cimourdain, l'homme serviteur! jamais. L'homme est maître. Je n'admets qu'une royauté, celle du foyer. L'homme chez lui est roi. — Oui, à une condition. — Laquelle? C'est que la femme y sera reine»... Ему стало весело. «Нѣтъ, все-таки у меня діалогъ будетъ не хуже, чѣмъ въ этомъ шедеврѣ... Разница въ томъ, что его люди могли такъ говорить, — хоть, конечно, никогда не говорили»...

Совершенно не давался ему стиль романа. Въ черновикахъ рѣчь древнихъ грековъ выходила либо нестерпимо фальшивой, либо нестерпимо дешевой, а чаще всего и фальшивой, и дешевой одновременно. Вермандуа писалъ фразу древняго грека Анаксимандра, и ему казалось, что этотъ древній грекъ уже былъ въ сотнѣ другихъ, очень плохихъ, романовъ и вездѣ говорилъ именно эту аттическую, а на самомъ дѣлѣ банальную и плоскую фразу. Онъ зналъ, что тутъ психологическій обманъ, происходящій отъ несоотвѣтствія слова сказаннаго слову задуманно-

му: все свое всегда кажется хуже, чѣмъ чужое, — въ чужомъ романѣ та же фраза его не задѣла бы. «Но какъ понять душу людей, жившихъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ? Я не знаю секретовъ нашего правительства, болгары или датчанс мнѣ чужды почти такъ же, какъ эскимосы, а я имѣю наглость утверждать, что нашелъ какое-то новое объясненіе «тайны древней Греціи»! Новое объясненіе стоитъ старыхъ, да собственно никакой тайны въ Греціи и не было, а были чужіе, на рѣдкость одаренные, люди, непонятные намъ по отдаленности временъ... Но что-же дѣлать? Отказаться отъ романа изъ древне-греческой жизни?..»

На изученіе эпохи было потрачено столько труда, на обдумываніе книги ушло столько душевныхъ силъ, что бросить работу было почти немыслимо. «Или съѣздить въ Грецію, набраться впечатлѣній?..» На мгновенье его заняла эта мысль. Несмотря на безденежье, съѣздить въ Афины было не такъ трудно. Можно было бы поговорить съ министромъ. То, что Вермандуа примыкалъ къ коммунистической партіи, нисколько не мѣшало казенной командировкѣ, — напротивъ, министру будетъ пріятно засвидѣтельствовать, что онъ совершенно безпристрастенъ, знаетъ толкъ въ искусствѣ и умѣетъ цѣнить людей подобныхъ Вермандуа, къ какой бы партіи они ни принадлежали. Не испытывалъ отъ этого неловкости и онъ самъ. «Можно и сговориться съ какой-нибудь газетой»... Богатыя газеты тоже охотно приняли бы его предложе-

ніе, хоть въ своемъ политическомъ отдѣлѣ громили коммунистовъ. Но самая мысль о новыхъ статьяхъ, о новыхъ обязательствахъ передъ газетами, о новыхъ авансахъ, которые надо было бы погашать заранѣе обусловленнымъ числомъ строчекъ, возбуждала ужасъ и отвращеніе у Вермандуа: газетныя статьи были проклятьемъ его жизни. «Ну, хорошо, поѣхать въ Грецію... Грязноватая гостиница, тяжелая непривычная пища, плохое вино, прозаическій провинціальный народъ, живущій на самомъ священномъ мѣстѣ земли... Допустимъ, что я не заболѣю, что ничего дурного не случится, какая польза для романа отъ наблюденій надъ этой шуткой исторіи? Да, но то же солнце, то же небо, тѣ же желтоватые камни... Я все это видѣлъ когда-то... Сорокъ лѣтъ тому назадъ, какъ тогда полагалось, на Акрополѣ прочиталъ Ренановскую молитву. И ее, вѣрно, лучше теперь не перечитывать, какъ «Девяносто третій годъ»...

Онъ постарался вызвать въ памяти Акропольскій холмъ, облитыя яркимъ бѣлымъ свѣтомъ камни, свѣжій вѣтерокъ, дувшій со стороны моря. Все это было такъ прекрасно... Но теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, вспоминать объ этомъ было тоскливо и страшно. Бетховенская фраза съ камина твердила все свое: умрешь, нельзя умереть, вцѣпись въ жизнь, вбей о себѣ память въ души другихъ людей... «Нѣтъ, объ этомъ не думать!..» Въ послѣднее время онъ все чаще говорилъ себѣ: «Нѣтъ, объ этомъ не думать», — приблизительно потому же, почему въ обществѣ

старался быть особенно любезнымъ, — чтобы не дать возможности замѣтить раздраженіе, злобу, отвращеніе, которыя въ немъ вызывали почти всѣ люди.

Вермандуа поставилъ на полку «Девяносто третій годъ» и взялъ — уже не наудачу — «Боги жаждутъ». Отъ этой книги собственно и ждать было нечего: онъ недолюбливалъ Анатоля Франса. «Хуже всего было бы безсознательно поддаться его вліянію и построить настоящую, серьезную, быть можетъ послѣднюю, книгу на шуточкахъ, на остроуміи, на цитатахъ, на стилистическихъ красотахъ. Тогда, право, ужъ лучше писать статьи объ Иденѣ и Муссолини»...

Историческіе романы знаменитыхъ авторовъ были собственно имъ собраны на этажеркѣ именно для того, чтобы порою сопоставлять свое съ чужимъ и въ зародышѣ убивать возможное, непроизвольное сходство, безсознательно появляющееся по далекимъ воспоминаніямъ, — эта опасность, онъ зналъ, грозила всякому писателю: культура, какъ и некультурность, имѣетъ свои неудобства. Но теперь въ Анатоля Франса онъ заглянулъ въ поискахъ той мгновенной, безслѣдной искры, которая могла бы положить начало его собственной работѣ. Сталъ читать, — ему не понравилось. Эваристъ Гамленъ родился отъ героевъ Гюго, но родился по закону контраста, — какъ его собственный Анаксимандръ могъ родиться по отталкиванью отъ дѣйствующихъ лицъ Анатоля Франса. «Да, да, соловьиное пѣніе, другое соловьиное пѣніе, но тоже соловьиное пѣніе.

Глупо однако пѣть соловьемъ на седьмомъ десяткѣ, когда въ крематоріи уже начинаютъ зажигать для тебя печь! Въ сущности, это faux et usage de faux»... Прочелъ еще нѣсколько страницъ, — конечно, тутъ все было несравненно тоньше и умнѣе, чѣмъ въ романѣ Гюго, но это не было жизненной правдой, не было и правдой революціи. «Его мудрый откупщикъ недалеко ушелъ отъ Говена и Симурдена... Онъ гордится тѣмъ, что не даетъ историческихъ сценъ?... Люди въ пору террора ѣдутъ за городъ, — это значитъ: «смотрите, смотрите, я и не думаю показывать вамъ, какъ Робеспьеръ разговариваетъ съ Дантономъ и Маратомъ, нѣтъ, я показываю вамъ, какъ жили въ пору террора средніе люди». — Но вѣдь и это тысячу разъ использовано, и опера не становится лучше, если въ нее вставить отрывокъ изъ бытовой комедіи. Престарѣлая крестьянка, встрѣченная на пикникѣ парижанами, не вѣритъ, что король казненъ, — «да, это недурно»... Онъ лѣниво прочелъ страницу — и ахнулъ, вдругъ задержавшись глазами на одной строчкѣ: «...Dans les bras de sa mère, elle avait vu passer Louis XIV»... — «Какъ хорошо! Такъ коротко и такъ необыкновенно хорошо!» — подумалъ Вермандуа, — «какая простота и какая сила слова! Я, вѣроятно, тутъ не удержался бы и описалъ бы, хоть кратко, поѣздъ Людовика XIV. Онъ же магической разстановкой словъ, разсчитаннымъ напѣвомъ фразы, даетъ все: и поѣздъ, и Людовика, и зрѣлище королевскаго могущества въ дни его высшей славы, и душу

крестьянки, запомнившей это на всю жизнь, — все въ одной строчкѣ: «Dans les bras de sa mère, elle avait vu passer Louis XIV»... Изумительно, но такія вещи замѣчаетъ и понимаетъ только одинъ читатель изъ тысячи, такъ что цѣль все равно не достигается»...

Съ досадой онъ закрылъ книгу. «Faux et usage de faux, сдѣланное съ мастерствомъ необыкновеннымъ. Во всякомъ случаѣ романъ изъ древнегреческой жизни такъ написать нельзя: бытъ пикника во времена революціи былъ такой же, какъ теперь, и всѣ эти Робеспьеры и Мараты не Анаксимандры. Я порою проклинаю себя, когда нужно писать о современныхъ парижанахъ, о людяхъ, къ которымъ я принадлежу, которыхъ знаю во всѣхъ подробностяхъ ихъ жизни, быта, мыслей, словъ. Я почти не въ состояніи написать, что мосье Дюранъ сѣлъ въ автомобиль и поѣхалъ въ Елисейскія поля, такъ какъ это говорилось въ тѣхъ же словахъ сто тысячъ разъ другими. Но мнѣ еще мучительнѣе сказать то же самое «по своему», «образно», «оригинально», такъ какъ это тоже очень легко и общедоступно, но зато еще и претенціозно, вызываетъ улыбку и отдаетъ ремесломъ. А тутъ я хочу писать о «грекѣ N.», о жизни, которую представить себѣ невозможно, о людяхъ, которые были совершенно отличны отъ насъ, по иному чувствовали, думали, говорили! И все дѣло сводится къ отысканію стилистическихъ пріемовъ, — какъ все это гадко, какая скверная вещь литература!..»

Столь ему знакомое сознаніе фальши, ненужности, неестественности искусства теперь, при работѣ надъ греческимъ романомъ, стало для Вермандуа почти нестерпимымъ. «Но вѣдь и естественность тоже иллюзія. Въ двадцать лѣтъ естественно было писать стихи, и все-таки я въ тѣ времена много думалъ о томъ, какъ бы найти и использовать фокусы, которыхъ не было ни у Маллармэ, ни у Верлена, ни у Рэмбо. И такъ поступаютъ всѣ настоящіе художники, — да, вотъ и онъ, Бетховенъ постоянно объ этомъ думалъ, — а тѣ живописцы, музыканты или писатели, которые объ этомъ не думаютъ и вообще не думаютъ о природѣ искусства, и пишутъ «подчиняясь вдохновенію свыше» — самые недолговѣчные изъ насъ всѣхъ. Но теперь, когда я старъ, думать обо всемъ этомъ, — это именно corruptio boni pessima... Что естественно? Естественно для меня то, что переживаетъ грекъ N., однако объ этомъ писать романъ глупо, совѣстно и незачѣмъ... Надо было бы написать хоть одну настоящую книгу о настоящихъ вещахъ, написать ее, не думая о публикѣ, не думая о критикѣ. Но для того, чтобы написать такую книгу, надо имѣть шу, прежде всего надо имѣть шу»...

Указаніе на шу онъ нашелъ въ чьихъ-то записяхъ о знаменитомъ человѣкѣ. У китайцевъ будто бы есть понятіе шу, означающее уваженіе: не уваженіе къ чему-нибудь въ отдѣльности, а уваженіе къ жизни, ко всему за все, или, вѣрнѣе, способность уваженія вообще. Съ каж-

дымъ годомъ Вермандуа все лучше понималъ и значеніе этого понятія, и то, что самъ онъ былъ отъ природы человѣкъ безъ шу, — и съ каждымъ годомъ у него становилось все сильнѣе сомнѣніе: можно ли безъ шу заниматься искусствомъ, — предполагая, что заниматься искусствомъ стоитъ. Если нельзя, то вся его полувѣковая литературная работа была печальной ошибкой. Митинги съ обличеніемъ звѣрствъ чилійскаго правительства могли, пожалуй, быть нѣкоторымъ — сквернымъ — суррогатомъ шу: «у коммунистовъ шу есть, хоть, можетъ быть, и не очень умное шу», — нерѣшительно думалъ онъ, вспоминая ту ерунду, которая выдавалась за философію въ брошюрахъ о діалектическомъ матеріализмѣ. Въ свое время, окончательно склонившись въ пользу коммунистовъ, онъ пробовалъ было прочесть и «Капиталъ», — но не осилилъ: заглянулъ въ менѣе увѣсистаго Энгельса и сразу рѣшилъ, что можно не читать: человѣкъ не даровитый, хоть на митингахъ и въ статьяхъ его должно называть великимъ мыслителемъ. Было достаточно ясно, что и Марксъ, и Энгельсъ, при всей разницѣ въ ихъ умственномъ ростѣ, оба люди съ шу, — и ему, человѣку безъ шу, изучать ихъ довольно безполезно.

«Но если шу нѣтъ, то остается только философія моего Анаксимандра», — подумалъ онъ. Главное дѣйствующее лицо романа было сначала названо Анаксимандромъ. Однако, по мѣрѣ того, какъ росла груда черновиковъ, Вермандуа все яснѣе чувствовалъ, что назвать своего героя

Анаксимандромъ онъ не можетъ, какъ не могъ бы назвать его Нелюско или Радамесомъ. Чувство это было совершенно безсмысленное: въ Грецiи, конечно, существовало много Анаксимандровъ, и, какое бы другое имя ни взять, оно все равно было бы оперное и все равно звучало бы какъ Радамесъ или Нелюско. Тѣмъ не менѣе въ болѣе позднихъ записяхъ, въ отдѣльномъ «досье» этого дѣйствующаго лица, Анаксимандра уже не было: былъ грекъ N. Сознанiе оперности искусства, всякаго искусства, его искусства, было очень тяжело. «Ну, хорошо, а это?..» Ставшее привычнымъ и нормальнымъ чудо непонятнымъ образомъ, на какихъ-то непостижимыхъ волнахъ, теперь изъ Мюнхена донесло въ кабинетъ Вермандуа бетховенское скерцо. «Старичекъ вдругъ развеселился, съ чего бы? Или судьба больше не стучитъ?»

Онъ, печально улыбаясь, слушалъ столь знакомую ему музыку, вспоминая и ея толкованiе въ трудахъ безчисленныхъ комментаторовъ. «Великая борьба человѣчества», — съ кѣмъ же борьба? Если-бъ было опредѣленное значенiе у этихъ божественныхъ звуковъ, то какъ были бы возможны дикiе переходы отъ отчаянiя къ восторгу, отъ восторга къ отчаянiю. А эти нелѣпыя, почти глуповатыя, программныя названiя: «Скорбь о потерянномъ грошѣ, выраженная въ капризѣ»... «Побѣда Веллингтона или битва подъ Витторiей»... «Принятое съ трудомъ рѣшенiе: должно ли это быть? да, это должно быть»... Онъ писалъ музыку къ Гете, но писалъ

ее и къ Коцебу, слѣдовательно ничего не понималъ въ литературѣ. А ему было бы такъ же смѣшно и гадко то, что я разсуждаю, смѣю разсуждать объ его музыкѣ. Однако всѣ мы, большіе и малые, признаемся служителями какого-то единаго искусства, и предполагается, что у насъ есть общая эстетическая одаренность или воспріимчивость, которой нѣтъ у другихъ людей... Вотъ эта часть за скерцо якобы должна означать вѣчное торжество добра. Онъ думалъ, будетъ лучше, если это будетъ означать торжество добра, а не просто то, что впервые въ исторіи музыки въ симфонію введены тромбоны. Нѣтъ, все это тоже опера, геніальная, но не менѣе неестественная, чѣмъ мой грекъ Анаксимандръ»...

Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ. — «Да, все обманъ! И я почти пятьдесятъ лѣтъ обманывалъ читателей, всячески прикрывая свои пріемы и фокусы, выдавая оперу за жизнь, выдумывая людей, которые никогда не существовали, и руководясь въ выдумываніи отчасти тѣмъ, чтобы мои Радамесы съ ихъ похожденіями никакъ не походили на Радамесовъ, выдуманныхъ до меня другими фокусниками. Ну, конечно, я руководился не только этимъ, но и это соображеніе имѣло нѣкоторое значеніе. И если Аустерлицъ у Толстого повторяетъ Стендалевское Ватерлоо, то, вѣрно, и Толстой старался, чтобы походило все-таки не слишкомъ. Да, у нихъ тоже были Радамесы, въ Фабриціи, въ Жюльенѣ Сорелѣ сидѣлъ Радамесъ, и даже въ

князѣ Андреѣ сидѣлъ Радамесъ, и во всемъ этомъ былъ оперный ядъ, или хоть одна капля опернаго яда. Но тѣ твердо вѣрили и въ права, и въ фокусы искусства, да и жили они почти какъ ихъ собственные герои: Толстой вросъ какъ дубъ въ свою землю, онъ писалъ «органически», потому что органически жилъ, и главное онъ любилъ то, что описывалъ, а когда не любилъ, то и писалъ каррикатуры вродѣ Наполеона. Безъ органичности, безъ радости жизни, безъ любви хоть къ части того, что описываешь, нѣтъ и не можетъ быть искусства. А я, если-бъ хотѣлъ писать «органически», то прежде всего вывелъ бы стараго, скучнаго, усталаго парижанина, которому подъ семьдесятъ лѣтъ надоѣла вся его работа, вся его жизнь, комедія славы, комедія свѣта, комедія политики, и которому въ жизни остались интересны только очень молодыя женщины, — не желающія на него смотрѣть. Можетъ быть, это и было бы искусство, но отъ такого искусства надо бѣжать подальше. Да собственно, когда я задумалъ своего усталаго грека Анаксимандра, то именно это имѣлъ въ виду, и выйдетъ, конечно, дрянь, и нечего выбирать между дрянью и оперой, и надо бы къ чорту бросить весь этотъ романъ!» — съ внезапной злобой подумалъ Вермандуа. Поговорить объ этомъ было не съ кѣмъ: молодые писатели, по его мнѣнію, мало смыслили въ искусствѣ и почти ничего не знали; а старые въ большинствѣ читали только самихъ себя, да еще развѣ классиковъ.

Послѣдняя фраза симфоніи кончилась на какихъ-то ужъ совсѣмъ непонятныхъ по несвязанности съ предыдущимъ звукахъ. Раздались бурныя, долго несмолкавшія рукоплесканья. «Почти какъ если-бъ выступалъ Гитлеръ... Какъ однако все умѣщается въ ихъ дурацкихъ головахъ! Старикъ Бетховенъ, въ которомъ сидѣлъ честный радикалъ-соціалистъ, умеръ бы, если-бъ увидѣлъ, кто ему апплодируетъ», — подумалъ Вермандуа, садясь снова за письменный столъ. «Что-жъ, сжечь все это?» — съ раздраженной усмѣшкой спросилъ себя онъ, — «это было бы ужъ самое оперное изъ всего»... Онъ никогда никакихъ рукописей не сжигалъ, — даже въ самой гадкой можетъ оказаться какая-либо удачная фраза, слово, эпитетъ. — «Нѣтъ, зачѣмъ же сжигать? Можно просто спрятать. Буду утѣшаться тѣмъ, что романъ еще не созрѣлъ: не кончилась работа безсознательнаго»...

Старательно надвинулъ зажимы, затянулъ ремешокъ папки и спряталъ ее въ ящикъ. Сильно раздувшаяся въ послѣднее время папка вдвигалась съ трудомъ, картонъ погнулся, раздраженіе его еще усилилось. «Что-жъ теперь? Статейку написать? Ну, напишемъ имъ статейку. Они просили объ Иденѣ, можно и объ Иденѣ»... Выдвинулъ другой ящикъ, досталъ другую папку, не картонную, а бумажную, очень тоненькую: тамъ были какія-то вырѣзки изъ газетъ, и листокъ съ давно набросанными мыслями о предметѣ статьи. Вермандуа не безъ удовольствія пробѣжалъ запись, она была составлена въ со-

кращенныхъ и очень сильныхъ выраженіяхъ. «Это, по крайней мѣрѣ, совершенно вѣрно, тутъ все безъ обмана и безъ Радамесовъ. И пятьсотъ франковъ за два часа работы, это тоже хорошо»... Онъ вздохнулъ, оторвалъ отъ блокнота листъ бумаги, загнулъ поля и сталъ писать:

Le rôle historique de M. Eden.

«M. Eden a parlé, hier, avec son éloquence coutumière, de la guerre en Afrique et de la Société des Nations. Il a prononcé, paraît-il, un très beau discours: un de plus. Mais le malaise qui règne n'est pas dissipé, loin de là. Ce malaise a trait aux conjonctures extérieures devant lesquelles se trouvent aujourd'hui le pays de M. Eden et le nôtre. Rien n'est plus saisissant que de constater, sur l'exemple du ministre britannique des affaires étrangères, le contraste qui existe entre le rôle qu'un homme d'Etat voudrait jouer et son rôle historique véritable. Pourquoi ne dirions-nous pas que, malgré l'abîme existant entre nos conceptions sociales et les siennes, M. Eden nous inspire une réelle et sincère sympathie? (Вермандуа мысленно выругался). Jeune, brillant, généreux, aimant le bien, croyant en la Société des Nations, il croit servir l'oeuvre de la paix. Mais a-t-il raison de le croire?

Toute la question est là.

Вздохнулъ опять, — ужасный стиль, но иначе нельзя — счелъ строки и продолжалъ писать съ все ростущей злобой:

«Nous croyons (Dieu veuille qu'il n'en soit pas ainsi) que le rôle historique de M. Eden sera des plus funestes. Dans le conflit qui sépare aujourd'hui l'Italie fasciste des grandes démocraties, comme l'Angleterre, la France et l'URSS, l'homme d'Etat britannique a prononcé trop de belles paroles pour ne pas agir. Or, il se trouve aujourd'hui au tournant du chemin. Agira-t-il?

«Non, il n'agira pas. Il ne fera rien. Il ne fera rien du tout. Ou plutôt si, il parlera: il prononcera un discours, deux discours, trois discours. Ce seront de très beaux discours encore. Ne parlons pas de M. Laval, ce n'est pas la peine. Mais en ce qui concerne le jeune ministre anglais, nous l'avons, un instant, cru capable de donner un vigoureux coup de reins à ce monde qui s'écroule grâce à la sottise, à l'impuissance, à l'égoïsme de ses classes dirigeantes. Nous nous sommes trompés. M. Eden ne fera rien. Personne ne fera rien. M. Mussolini qui sait ce qu'il veut obtiendra tout ce qu'il veut. Il se trouvait dans une impasse: que pouvait, que peut l'Italie contre la force réunie de l'Angleterre, de la France, de l'URSS? La fermeture du canal de Suez serait la fin de la triste aventure, la fin du régime fasciste en Italie (et peut-être ailleurs), la fin de M. Mussolini. Rien n'était plus facile que d'assurer cette fois à la démocratie une revanche éclatante, une victoire, un triomphe. Dieu sait si elle en avait besoin! Mais le seul mérite du Duce est de bien connaître, à leur juste valeur, ses adversaires.

«Désormais tout est permis, comme disait l'autre, tout est permis à tous. Le monde s'en ressentira

bientôt et très cruellement. Le rôle historique du jeune et généreux ministre, semblable à celui du gamin du conte charmant, sera non pas de proclamer certes (il connaît trop bien les usages) mais de montrer que le roi est tout nu et que la Société des Nations est une vaste blague»...

VII.

Въ назначенный для пріема день, въ зданіи полномочнаго представительства было сильное волненіе. Затрудненія не прекращались до последней минуты. Утромъ Вислиценусъ заявилъ, что представляться не поѣдетъ. — «Вы какъ угодно, а я дурака валять не желаю!», — угрюмо сказалъ онъ послу. — «Но отчего же вы молчали до сихъ поръ?» — «Я думалъ, что вы сами догадаетесь». — «Я о вашихъ мысляхъ догадываться не могу, да и не желаю», — сухо сказалъ посолъ, — «повѣрьте, мнѣ такъ же мало хочется участвовать въ этой глупой церемоніи, какъ и вамъ. Но вы числитесь въ моемъ полпредствѣ, и я включилъ васъ въ списокъ. Если вы этого не желали, ваша обязанность была предупредить меня. Теперь же ваше уклоненіе обратитъ на васъ особое вниманіе (онъ подчеркнулъ эти слова). По моему, это весьма нежелательно. Со всѣмъ тѣмъ, поступайте какъ знаете, вамъ виднѣе».

Вислиценусъ понималъ, что Кангаровъ правъ, хоть и вретъ, будто ему не хочется ѣхать. «Въ

самомъ дѣлѣ, это пустая формальность», — подумалъ онъ, выходя изъ кабинета. Ему навстрѣчу шла Надежда Ивановна.

— Нѣтъ, положительно, это несправедливо! — смѣясь, сказала она. — Я, кажется, не знаю, что бы дала, чтобы на все это посмотрѣть, и меня не берутъ. А васъ просятъ честью, и вы отказываетесь! Да еще ставите амбассадера въ трудное положеніе»... — «Пусть амбассадеръ скажетъ, что я боленъ», — отвѣтилъ нерѣшительно Вислиценусъ. Надежда Ивановна на него посмотрѣла. «Вотъ что! И ему хочется!..» — «А то поѣхали бы», — сказала она, — «я въ своихъ интересахъ говорю: безъ васъ никто толкомъ не разскажетъ, вѣдь они ничего не видятъ». — «Какая любопытная!..» — Надежда Ивановна побѣжала къ послу. — «Поговорите еще с о с т а р и к о м ъ», — посовѣтовала она съ улыбкой (знала, что улыбка предательская), — «я увѣрена, что онъ поѣдетъ». Черезъ полчаса Кангаровъ, съ плохо скрываемымъ торжествомъ, сказалъ ей: «Согласился, красавецъ! Въ самомъ дѣлѣ только голову морочилъ: «ахъ, я такъ дорожу своей бѣлоснѣжной революціонной ризой!» Точно мнѣ доставляетъ удовольствіе имѣть дѣло съ придворной челядью. Но съ волками жить по волчьи выть»... «И вовсе они ужъ не такіе волки», — подумала Надежда Ивановна, — «я на придворную челядь посмотрѣла бы...»

Съ двухъ часовъ дня секретарь почти не отходилъ отъ окна. Весь персоналъ посольства со-

брался въ примыкавшей къ вестибюлю гостиной перваго этажа. Въ ней немного пахло краской и нафталиномъ. Кангаровъ долго не показывался, у него происходилъ непріятный разговоръ съ женой. Елена Васильевна настаивала на томъ, чтобы быть представленной поскорѣе. — «Ты понимаешь однако, что это зависитъ не отъ меня», — сдерживаясь, сказалъ ей Кангаровъ, — «какъ у нихъ принято, такъ и будетъ»...

Въ гостиной настроеніе было шутливо-приподнятое. Особенно саркастически былъ настроенъ совѣтникъ, уже немолодой человѣкъ, котораго Вислиценусъ называлъ Базаровымъ. — «Вы, Надежда Ивановна, подъ Тургеневскую дѣвушку, а тотъ гусь подъ Базарова», — объяснилъ онъ какъ-то Надѣ. — «Это я подъ Тургеневскую дѣвушку!» — искренно изумилась Надежда Ивановна. — «А то нешто нѣтъ?» — «Ради Бога, не говорите «нешто», вы не командармъ Тамаринъ. Теперь никто «нешто» не говоритъ. А я ни подъ кого, я сама по себѣ»... Тонъ этого разговора показалъ Вислиценусу, что ихъ отношенія измѣнились и что онъ больше не Кропоткинъ. — «Амбассадеръ восхитителенъ», — сказалъ вполголоса Базаровъ, когда Кангаровъ появился въ гостиной. Полпредъ улыбнулся общему ихъ великолѣпію. — «Ничего не подѣлаешь, съ волками жить по волчьи выть», — повторилъ онъ. — «Мы просили этихъ господъ упростить ихъ церемоніалъ, но у нихъ отъ ужаса чуть не сдѣлался родимчикъ. Я однако прошу», — сказалъ онъ строго, обращаясь преиму-

,щественно къ Базарову, — «все выполнять точно, безъ неумѣстныхъ шутокъ». — «Есть», — смиренно отвѣтилъ Базаровъ, — «есть»...

Секретарь у окна ахнулъ. Къ посольству подъѣхали три раззолоченныя кареты съ придворными лакеями. За ними слѣдовалъ конный конвой. «Фу ты, ну ты, ножки гнуты!» — сказалъ Базаровъ. Посолъ на него покосился и торопливо пошелъ навстрѣчу входившему въ вестибюль церемоніймейстеру. Это былъ очень старый, видимо съ трудомъ передвигавшійся, человѣкъ угрюмаго вида. Онъ почти не улыбнулся въ отвѣтъ на улыбку Кангарова и не объяснилъ цѣли своего пріѣзда: ясно и безъ того. Кангаровъ сказалъ, что погода очень хороша; церемоніймейстеръ не выразилъ ни согласія, ни несогласія съ его мнѣніемъ. «Кажется, нѣмой изъ Портичи», — шепнулъ по-русски Базаровъ. Секретарь слабо фыркнулъ и испугался, что фыркнулъ. На нихъ остановился строгій взглядъ посла, означавшій: «Да, кажется, старикъ глупъ, какъ сивый меринъ, но это никакого отношенія къ дѣлу не имѣетъ: мы дипломаты». — «Мы можемъ ѣхать», — сказалъ кратко церемоніймейстеръ. — «Разумѣется», — отвѣтилъ посолъ и добавилъ, обращаясь къ своимъ подчиненнымъ: «Allons, Messieurs»... «Messieurs» было чуть-чуть шутливое, но въ присутствіи этого раззолоченнаго старика выговорить слово товарищи было почти невозможно. «Аллонъ-з-анфанъ де ля патри», — пробормоталъ Базаровъ.

На тротуарѣ уже собралась небольшая толпа. Увидѣвъ конный конвой, Кангаровъ поморщился, какъ бы говоря: «Зачѣмъ все это? Но если у нихъ такъ принято, то что-же дѣлать?..» Они размѣстились по каретамъ и поѣхали въ сопровожденіи конвоя. Въ первой каретѣ заняли мѣста посолъ и церемоніймейстеръ, лицо котораго попрежнему ничего рѣшительно не выражало: съ одинаковымъ правомъ можно было бы предположить, что онъ везетъ жениха на вѣнчаніе или осужденнаго на эшафотъ.

— Какъ хороша ваша столица! — сказалъ посолъ, — меня въ ней поражаетъ сочетаніе грандіозныхъ перспективъ съ какой-то уютностью...

— Да, — сказалъ старикъ, видимо нисколько не считавшій необходимымъ поддерживать разговоръ: можно отлично и помолчать. Кангаровъ былъ нѣсколько озадаченъ и задѣтъ этимъ полнымъ отсутствіемъ любопытства и къ совѣтскому посольству, и къ сценѣ, которую онъ въ душѣ считалъ до извѣстной степени исторической: все-таки сталкиваются два міра. Впослѣдствіи онъ узналъ, что церемоніймейстеръ исполняетъ свои обязанности уже лѣтъ тридцать, что его и при дворѣ считаютъ слишкомъ старымъ, окостенѣвшимъ и недостаточно привѣтливымъ человѣкомъ, но смѣщать все же не хотятъ, именно потому, что онъ такъ долго занимаетъ должность, что онъ очень знатнаго рода и, главное, ничего другого дѣлать не умѣетъ. Старикъ церемоніймейстеръ за свою жизнь привезъ для представ-

ленія не менѣе двухсотъ посольствъ и делегацій; были среди нихъ и китайскія, и негритянскія, и индусскія; онъ съ одинаковымъ отсутствіемъ интереса и предупредительности привозилъ во дворецъ англійскихъ лордовъ и малайскихъ князьковъ. Внѣшній видъ чиновъ совѣтскаго посольства не могъ особенно удивить его; вѣроятно, онъ не былъ бы очень пораженъ, если-бъ на Кангаровѣ оказалась набедренная повязка съ колчаномъ для стрѣлъ. Еще меньше интересовало церемоніймейстера то, что этотъ посолъ представлялъ первую въ исторіи міра соціалистическую республику. Кангаровъ невольно подчинился его настроенію и молчалъ всю дорогу. Отъ посольства до дворца было впрочемъ недалеко. Кареты замедлили ходъ, стало болѣе медленнымъ отчетливое цоканье копытъ конвоя, отворились огромныя раззолоченныя ворота. Они въѣхали во дворецъ.

..Музыка заиграла «Интернаціоналъ». Отрядъ гвардейцевъ отдалъ честь. Кангаровъ, проходя, наудачу нерѣшительно приподнялъ цилиндръ. На подъѣздѣ стояло нѣсколько человѣкъ въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ. «Не разберешь, кто у нихъ придворный, кто лакей. Да это собственно одно и то же», — подумалъ Кангаровъ, стараясь защититься отъ робости учтивымъ презрѣніемъ. Онъ боялся сдѣлать какую-нибудь грубую ошибку. — «Въ концѣ концовъ, не все ли равно? Я себя за принца крови никогда не выдавалъ и не обязанъ знать ихъ идіотскій этикетъ»... Вислиценусъ поглядывалъ на него

со злобной усмѣшкой. Въ огромномъ вестибюлѣ навстрѣчу имъ съ ласковой привѣтливой улыбкой шелъ очень красивый, представительный пожилой человѣкъ, тоже въ раззолоченномъ мундирѣ, съ жезломъ. Это былъ оберъ-гофмаршалъ.

— Я очень счастливъ, — сказалъ онъ, крѣпко пожимая руку послу...

Завтракъ во дворцѣ прошелъ въ этотъ день непріятно. Король былъ человѣкъ современный и держался того взгляда, что по службѣ (онъ всегда полушутливо говорилъ о своей службѣ) поневолѣ приходится принимать всевозможныхъ людей, пожимать имъ руку и говорить любезныя слова. Но у королевы, когда она вышла въ столовую, лицо было въ красныхъ пятнахъ. Она, очевидно, плакала, и король чувствовалъ себя смущеннымъ. На бѣду къ завтраку былъ приглашенъ престарѣлый принцъ, извѣстный своимъ тяжелымъ характеромъ, рѣзкостью рѣчи и обращенія: какъ старѣйшій членъ семьи, онъ не церемонился съ самимъ королемъ, котораго вдобавокъ недолюбливалъ.

Принцъ ненавидѣлъ все новое, отъ соціалистическихъ кабинетовъ до коктэйлей и грэпфрута, и былъ убѣжденъ, что настоящая жизнь была только до войны, что порядочная исторія навсегда кончилась, уступивъ мѣсто историческому періоду прохвостовъ и хамовъ. Въ этотъ день за завтракомъ онъ нарочно, безъ всякаго повода, все время говорилъ о русской царской семьѣ, о прежнихъ встрѣчахъ съ ней и объ Ека-

теринбургскомъ преступленіи. Къ концу завтрака онъ, также безъ повода, спросилъ бывшаго въ числѣ приглашенныхъ министра иностранныхъ дѣлъ, правда ли, что этотъ господинъ (онъ не назвалъ господина, но всѣ сразу поняли, о комъ идетъ рѣчь) состоитъ членомъ главнаго комитета — или какъ это у нихъ называется?, — по приказу котораго былъ убитъ императоръ Николай. Министръ очень сухо отвѣтилъ, что ему это неизвѣстно. Старый принцъ непріятно засмѣялся.

— Нашимъ газетамъ, — сказалъ онъ, — тоже, повидимому, ничего объ этомъ неизвѣстно. Но я читалъ въ «Figaro»...

При этомъ принцъ радостно вспомнилъ, какъ однажды спросилъ Клемансо, что онъ думаетъ объ этомъ министрѣ. Старикъ отвѣтилъ: «J'ai le plus grand respect pour ses fonctions et la plus vive amitié pour lui. Mais avec toute l'admiration que je lui porte, je dois dire en toute sincérité que c'est un vieux c...» — Отъ Клемансо, каждый разъ какъ онъ открывалъ ротъ, всѣ съ наслажденіемъ ждали: что сейчасъ послѣдуетъ! Этотъ отвѣтъ привелъ принца въ совершенный восторгъ: онъ любилъ особенности французскаго языка и гордился тѣмъ, что все отлично понимаетъ, — но такія слова слышалъ не часто.

— Какъ жаль, что вамъ это неизвѣстно, — сказалъ онъ и, ни къ кому въ отдѣльности не обращаясь, сообщилъ, что его покойный другъ и кузенъ Францъ-Іосифъ до конца своихъ дней не принималъ мексиканскаго посланника, такъ какъ

въ Мексикѣ былъ разстрѣлянъ его братъ Максимиліанъ. — «Въ наше время», — добавилъ принцъ, — «все было по другому, и люди на многое смотрѣли совершенно иначе, чѣмъ теперь»... Это было не только непочтительно, но просто грубо. Однако принцъ, по своему возрасту, по установившейся за нимъ репутаціи и по тому, что онъ ни въ чемъ не зависѣлъ ни отъ короля, ни отъ правительства, ни отъ парламента, могъ себѣ позволить все.

Красныя пятна на лицѣ королевы обозначились еще сильнѣе. Оберъ-гофмаршалъ поспѣшно заговорилъ о нашумѣвшемъ матчѣ бокса и о необыкновенномъ искусствѣ оказавшагося побѣдителемъ чемпіона. Онъ былъ очень доволенъ завтракомъ: писалъ изо дня въ день мемуары, которые должны были появиться въ печати черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ его смерти; этотъ день обѣщалъ для мемуаровъ нѣсколько интересныхъ страницъ.

Старый принцъ и разсказъ о матчѣ выслушалъ недовѣрчиво: какіе теперь могли быть чемпіоны? Джефрисъ или Фитцджеральдъ вывели бы ихъ изъ строя въ первомъ же раундѣ. Уѣзжая послѣ завтрака, онъ довольно громко попросилъ оберъ-гофмаршала всякій разъ предупреждать его, когда во дворецъ на пріемы будетъ приглашаться этотъ господинъ. Оберъ-гофмаршалъ съ улыбкой наклонилъ голову и закрылъ глаза. Онъ очень любилъ — хоть безъ всякаго благоговѣнія и даже безъ чрезмѣрной почтительности — королевскую семью, сроднил-

ся съ ней, не позволялъ себѣ осуждать дѣйствія короля и политикой къ тому же мало интересовался. Однако ему казалось, что престарѣлый принцъ правъ: въ самомъ дѣлѣ что-то какъ будто измѣнилось въ мірѣ. Во всякомъ случаѣ въ словахъ и поступкахъ принца была живописная стильность, подходившая для мемуаровъ какъ нельзя лучше.

Послѣ завтрака оберъ-гофмаршалъ ушелъ въ свои комнаты и отдохнулъ, съ улыбкой думая о старомъ принцѣ и о своихъ мемуарахъ. Ему было очень досадно, что они не появятся въ печати при его жизни. Кое-что онъ все же иногда, съ большимъ успѣхомъ, читалъ вслухъ въ тѣсномъ кругу надежныхъ друзей. Куря сигару, онъ затѣмъ поработалъ надъ своей коллекціей марокъ, собственно занимавшей теперь главное мѣсто въ его жизни. Онъ былъ богатъ и не слишкомъ честолюбивъ, — добился всѣхъ тѣхъ успѣховъ, которыхъ могъ и хотѣлъ добиться; свѣтскія развлеченія ему смертельно надоѣли, — онъ часто повторялъ изреченіе, приписывавшееся то Пальмерстону, то какому-то французскому политическому дѣятелю: «La vie serait très supportable sans les plaisirs». Марками же онъ увлекался съ каждымъ днемъ все больше. У него были самыя восхитительныя: и Багдадская розовая, на которой забыли выставить цѣну, и не выпущенная въ обращеніе лиловая американская въ 24 цента, и синяя Тринидадская «Лэди Макъ-Леодъ» съ пятномъ въ верхнемъ лѣвомъ углу, и

Британская Гвіана съ «patimus» вмѣсто «petimus», — не было, разумѣется, Британской Гвіаны 1856 года «black on magenta, the famous error»; о ней онъ только мечталъ въ безумныя минуты, и даже откладывалъ на нее по 3.000 долларовъ въ годъ изъ предназначенной для марокъ части своего бюджета. По случаю нынѣшняго пріема оберъ-гофмаршалъ заглянулъ съ пренебреженіемъ и въ совѣтскій отдѣлъ своей коллекціи. Серія спартакіады у него была, но она была у всѣхъ филателистовъ его круга. «Развѣ попытаться достать черезъ этого господина, по приличной цѣнѣ, воздушную консульскую?» — нерѣшительно подумалъ онъ. За воздушную консульскую съ него просили 1.500 долларовъ; зналъ, что отдадутъ и за 500, но она и пятисотъ не стоила.

Поработавъ, онъ надѣлъ придворный мундиръ, взялъ высокій золоченый жезлъ (несмотря на долголѣтнюю привычку, ему всегда было немного совѣстно ходить съ жезломъ), заглянулъ въ пріемныя залы и, убѣдившись, что все въ порядкѣ, ровно въ три часа спустился въ вестибюль. Еще на лѣстницѣ онъ услышалъ звуки военнаго оркестра и догадался, что играютъ «Интернаціоналъ», — мелодія соціалистическаго гимна была ему неизвѣстна. «Хорошо, что старикъ уѣхалъ: его отъ этой музыки разбилъ бы параличъ», — съ улыбкой подумалъ онъ.

Принявъ привычное ему выраженіе торжественной радости, оберъ-гофмаршалъ поздоровался съ Кангаровымъ и крѣпко пожалъ руку сопровождавшимъ его людямъ необычнаго во дворцѣ вида. Взглядъ его наткнулся на взглядъ Вислиценуса. «Этотъ больше похожъ на человѣка, чѣмъ другіе. Въ немъ есть стиль», — подумалъ онъ, почти какъ о старомъ принцѣ. — «Остальные хуже... У молодого видъ, какой можетъ быть у пингвина, который при первомъ своемъ полетѣ съ острова встрѣчаетъ въ морѣ «Норманди»... — Оберъ-гофмаршалъ съ удовольствіемъ занесъ свое сравненіе въ память для мемуаровъ. — «Этотъ старый шутъ съ золотой палкой теперь, вѣроятно, желалъ бы, послѣ рукопожатій съ его превосходительствомъ Кангаровымъ-Московскимъ и со всѣми нами, вспрыснуть руки одеколономъ. Но мнѣ онъ еще противнѣе, чѣмъ я ему», — думалъ Вислиценусъ, злобно оглядывая великолѣпныя залы, по которымъ ихъ вели. Оберъ-гофмаршалъ искоса бросилъ на него взглядъ, и чувство вѣжливой гадливости въ немъ ослабѣло. «Да, этотъ, кажется, настоящій», — подумалъ онъ, вводя посольство въ большую залу, въ которой на возвышеніи стояло подъ балдахиномъ раззолоченное шелковое кресло. — «Тронъ!» — блаженно прошепталъ рядомъ съ Вислиценусомъ молодой секретарь. Вислиценусъ посмотрѣлъ на него съ отвращеніемъ.

Почти незамѣтно, съ ласковой улыбкой, оберъ-гофмаршалъ разставилъ ихъ такъ, какъ имъ полагалось стоять (взглядъ его опять, съ легкимъ

ло въ головѣ у посла. Онъ озабоченно оглянулся, какъ фехтовальщикъ, передъ началомъ дуэли изучающій мѣсто боя, и опять со строгимъ видомъ сдѣлалъ знакъ персоналу: «что же дѣлать, если у нихъ такіе обычаи!..» — «Есть, слышали, продѣлаемъ и этотъ номерокъ», — смиренно-весело отвѣтило лицо Базарова. Оберъ-гофмаршалъ предвкушалъ наслажденіе: нѣтъ, эту главу непремѣнно надо будетъ прочитать въ тѣсномъ кругу. Однако, къ большому его сожалѣнію, церемонія отступленія къ двери не состоялась: по разсѣянности ли или изъ желанія облегчить положеніе посольства, король слегка поклонился и, пожавъ руку послу, первый вышелъ изъ залы.

Министръ иностранныхъ дѣлъ подошелъ къ Кангарову и спросилъ его, какъ онъ себя чувствуетъ въ ихъ странѣ. Сіяя улыбкой, какъ послѣ хорошо выдержаннаго экзамена, посолъ отвѣтилъ, что чувствуетъ себя отлично. — «Очень нравится мнѣ ваша столица», — сказалъ онъ, — «въ ней всего лучше сочетаніе уютности съ грандіозной перспективой»... Ему захотѣлось добавить, что король показался ему прекраснѣйшимъ человѣкомъ; но онъ не сказалъ ничего лишняго и велъ себя достойно.

Дежурный камергеръ сообщилъ послу, что его величество желалъ бы съ нимъ побесѣдовать отдѣльно съ глазу на глазъ. Кангаровъ простился съ министромъ и поспѣшно пошелъ за дежурнымъ камергеромъ, больше не чувствуя

Все прошло гладко и торжественно. Въ обѣихъ рѣчахъ высказывалась горячая надежда на установленіе между обѣими странами самыхъ сердечныхъ дружественныхъ отношеній, отвѣчающихъ ихъ интересамъ, чувствамъ и намѣреньямъ, а также твердая увѣренность, что каждая изъ нихъ совершенно воздержится отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла другой. Министръ иностранныхъ дѣлъ слушалъ чрезвычайно внимательно, точно содержаніе рѣчей было ему совершенно неизвѣстно, — одну изъ нихъ онъ тщательно изучилъ, а другую самъ написалъ отъ перваго слова до послѣдняго. Кромѣ любопытства, лицо его еще выражало глубокое убѣжденіе въ томъ, что въ обѣихъ рѣчахъ каждое слово правда. Оберъ-гофмаршалъ былъ очень доволенъ — но почему-то рѣшилъ, что не можетъ быть и рѣчи объ обращеніи къ послу по дѣлу «воздушной консульской».

Кангаровъ опять выступилъ впередъ, съ такимъ же поклономъ взялъ рѣчь, которую ему передалъ король, и, отступивъ, вручилъ ее Базарову, на котораго опять посмотрѣлъ строгимъ взглядомъ, говорившимъ: «Думать можете что угодно, и я съ вами въ душѣ, конечно, согласенъ, но извольте все дѣлать такъ, какъ было указано». Теперь должна была состояться наименѣе отвѣтственная и самая трудная часть церемоніи. По этикету страны, посолъ и его свита должны были отступить къ двери, не поворачиваясь спиной къ королю. «Какъ бы не наступить на кого-нибудь, не упасть», — промелькну-

торая могла сойти за хозяйскую улыбку. Король каждый разъ наклонялъ голову и произносилъ нѣсколько любезныхъ словъ, по существу однихъ и тѣхъ же, но безъ буквальныхъ повтореній. Руки онъ никому, кромѣ посла, не подалъ, — позднѣе Кангаровъ узналъ, что это считалось знакомъ неблагосклоннаго пріема: король умышленно остался въ предѣлахъ обязательнаго минимума любезности.

Министръ иностранныхъ дѣлъ съ поклономъ вручилъ королю большой листъ бумаги. Король, занявшій мѣсто передъ срединой троннаго возвышенія, приготовился слушать рѣчь посла. Кангаровъ вынулъ изъ кармана свой листъ и принялся читать. Онъ предварительно разъ пять прорепетировалъ рѣчь и читалъ отчетливо и громко; удачно сошли даже самыя трудныя французскія слова, только французское eu напоминало русское э. Закончивъ чтеніе, довольный его внушительностью, онъ сдѣлалъ два шага впередъ, съ почтительнымъ поклономъ передалъ королю листъ и отступилъ назадъ на прежнее мѣсто. «Прямо маркизъ», — сказалъ про себя Вислиценусъ. Король съ минуту просматривалъ рѣчь посла, точно обдумывая, что̀ бы на нее отвѣтить, затѣмъ отдалъ ее министру иностранныхъ дѣлъ и прочелъ свою рѣчь, менѣе внушительно, чѣмъ Кангаровъ. «Все-таки, и ему должно быть очень непріятно», — подумалъ утѣшенно Вислиценусъ, — «онъ тоже чувствуетъ себя оплеваннымъ»...

безпокойствомъ, задержался на Вислиценусѣ) и попросилъ у посла разрѣшенія покинуть его на одно мгновенье. Къ Кангарову тотчасъ подошелъ сопровождавшій ихъ другой человѣкъ въ раззолоченномъ мундирѣ, дежурный камергеръ, и спросилъ, очень ли утомительна была ихъ поѣздка изъ Москвы. — «Утомительна? Ахъ, нѣтъ, нисколько! Нисколько не утомительна», — отвѣтилъ Кангаровъ немного тише, чѣмъ говорилъ камергеръ. Голосъ его чуть сорвался отъ волненія. Онъ что-то добавилъ еще, но не успѣлъ закончить фразу. Дверь залы отворилась настежь, чей-то громкій голосъ неестественно прокричалъ: «Его величество!..» Въ сопровожденіи министра иностранныхъ дѣлъ, оберъ-гофмаршала и еще какихъ-то людей въ мундирахъ, въ залу вошелъ король. Посолъ и чины посольства отвѣсили низкій поклонъ, какъ ихъ учили въ Москвѣ. Вислиценусъ тоже наклонилъ голову, чувствуя знакомое стѣсненіе въ груди, — какъ будто приближался припадокъ астмы. «Стоило бы, хоть для того, чтобы сдѣлать имъ непріятность», — подумалъ онъ. Король поспѣшно направился къ послу и быстро, точно желая сразу отдѣлаться отъ самаго непріятнаго, крѣпко пожалъ ему руку.

Посолъ попросилъ разрѣшенія представить его величеству своихъ сотрудниковъ и назвалъ ихъ имена и должности. Кангаровъ овладѣлъ собой и называлъ имена даже нѣсколько громче, чѣмъ полагалось, — оберъ-гофмаршалъ только поглядывалъ на него съ пріятной усмѣшкой, ко-

никакого смущенія. «Онъ сейчасъ скажетъ: «Король Ивановичъ», — подумалъ Вислиценусъ.

Камергеръ проводилъ посла въ сосѣднюю небольшую гостиную. Король сидѣлъ въ креслѣ и любезнымъ жестомъ пригласилъ Кангарова сѣсть. Этотъ дополнительный къ торжественному пріему частный пріемъ былъ всегда тяготенъ королю: онъ отъ природы былъ очень застѣнчивъ. Обычно онъ заранѣе намѣчалъ тему для разговора съ иностранными послами: чаще всего разспрашивалъ о здоровьи монарха, котораго представляло посольство, и членовъ его семьи, затѣмъ вспоминалъ и освѣдомлялся о людяхъ, извѣстныхъ ему въ столицѣ посла, или же въ благосклонныхъ выраженіяхъ отзывался о прежнемъ послѣ, предшественникѣ новаго. На все это уходило десять минутъ, — ровно столько, сколько требовалось. Политическихъ разговоровъ обычно можно было и не вести. Но Кангарова ни о чьемъ здоровьи спрашивать, очевидно, не приходилось, предшественниковъ у него не было и общихъ знакомыхъ съ нимъ навѣрное не оказалось бы. Король заговорилъ о Москвѣ, — сказалъ, что въ молодости посѣтилъ ее и сохранилъ о ней самыя лучшія воспоминанія: это прекрасный городъ.

— Какъ хороша ваша столица, сиръ! — сказалъ посолъ, не безъ удовольствія произнося слово «сиръ», — меня очень въ ней поражаетъ грандіозная перспектива и вмѣстѣ съ ней какая-то уютность...

— Я очень радъ, что она вамъ понравилась, господинъ посолъ. Надѣюсь, что вы будете въ ней себя чувствовать хорошо...

Король хотѣлъ было еще сказать нѣсколько словъ о необходимости установить самыя добрыя отношенія между обѣими странами и о томъ, что его правительство сдѣлаетъ для этого все возможное. Онъ даже началъ было фразу, но остановился и отвелъ глаза въ сторону. Совершенно неожиданно для себя самого, онъ вдругъ почувствовалъ, что продолжать аудіенцію не въ состояніи: можетъ выйти что-либо нехорошее, никогда съ нимъ не бывавшее.

— Да, я надѣюсь, что вы будете себя чувствовать у насъ отлично, — торопливо проговорилъ король и поднялся, хоть вмѣсто полагавшихся десяти минутъ, прошло не болѣе трехъ. — Очень былъ радъ васъ видѣть, — сказалъ онъ, подалъ руку Кангарову и поспѣшно вышелъ.

Ровно черезъ полминуты въ гостиную къ нѣсколько озадаченному послу вошелъ оберъ-гофмаршалъ. Любезно занимая Кангарова разговоромъ, онъ проводилъ его въ гостиную, гдѣ посла ждали свита, министръ, дежурный камергеръ и мрачный церемоніймейстеръ. Секретарь озабоченно прошепталъ Кангарову: «Вы просили напомнить о визитахъ»... — «Ахъ, да», — сказалъ посолъ и обратился къ министру: «Я собираюсь въ ближайшіе дни начать визиты... Членамъ семьи его величества и членамъ правительства, правда? Не укажете ли вы намъ, въ

какомъ именно порядкѣ слѣдовало бы завезти карточки?..» Министръ немного уклончиво обѣщалъ прислать списокъ. «По-моему, онъ долженъ начать со старика», — весело подумалъ оберъ-гофмаршалъ, — «тотъ вполнѣ способенъ приказать лакеямъ вышвырнуть его вонъ»... Мысль о физіономіи стараго принца въ ту минуту, когда ему подадутъ карточку посла, привела оберъ-гофмаршала въ чрезвычайно радостное настроеніе. Онъ рѣшилъ сейчасъ же сѣсть за мемуары.

Совѣтникъ, секретарь и Вислиценусъ заняли свои мѣста во второй каретѣ. Базаровъ хохоталъ: «Ну и дурачье же!.. Однако, братишки, и мы съ вами хороши болваны!..» — «Говорите за себя, товарищъ», — отвѣтилъ секретарь обиженно. Вислиценусъ смотрѣлъ на выстроившійся во дворѣ отрядъ гвардейцевъ и во всѣхъ подробностяхъ представлялъ себѣ, какъ сюда во дворецъ ворвется вооруженная толпа. «А можетъ быть, и не дождемся», — подумалъ онъ вслухъ. — «Какъ вы сказали, товарищъ?» — переспросилъ секретарь. — «Я сказалъ: «медленно прицѣлился онъ въ неподвижно стоявшаго Корнеліуса», — проговорилъ Вислиценусъ. Секретарь вытаращилъ глаза. Кареты выѣхали на площадь. «Да здравствуютъ совѣты!» — закричалъ вдругъ кто-то на тротуарѣ; еще нѣсколько голосовъ жидко повторило крикъ. Съ восторженнымъ ужасомъ — «демонстрація!» — секретарь откинулся на спинку сидѣнья: дипломаты

въ демонстраціяхъ участія не принимаютъ. За каретами слышался пріятный, мягкій, все ускорявшійся топотъ коней конвоя.

VIII.

Командармъ Тамаринъ пріѣхалъ въ Парижъ подъ вечеръ. Онъ никогда во Франціи не жилъ и зналъ ее гораздо хуже, чѣмъ Германію, въ которой служилъ и бывалъ въ продолжительныхъ командировкахъ. Въ послѣдній разъ посѣтилъ Парижъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ, а до того былъ еще раза три; въ 1900 году, они съ женой совершили свадебное путешествіе на выставку. По случайности, онъ всегда попадалъ во Францію весной, въ ясную солнечную погоду, и отчасти поэтому въ немъ еще закрѣпилось то впечатлѣніе веселья, радости, беззаботной жизни и сплошного развлеченья, которое, по вѣковой традиціи, связывалось съ Парижемъ у всѣхъ иностранцевъ, особенно у русскихъ. Теперь былъ холодный зимній вечеръ.

Онъ купилъ на вокзалѣ недорогой путеводитель и, стоя въ очереди у барьера въ таможенномъ сараѣ, просмотрѣлъ списокъ гостиницъ. Съ женой они жили въ «Отель де Бадъ», на бульварѣ, — гостиницѣ повыше средняго разряда, но и не очень роскошной: богаты никогда не были. Въ послѣдній разъ, пріѣхавъ уже въ генеральскомъ чинѣ и зная, что центръ города передвинулся въ Елисейскія поля, остановился

въ «Элизе-Паласъ». Въ путеводителѣ ни «Отель де Бадъ», ни «Элизе-Паласъ» не было, и это было ему непріятно, точно и съ гостиницами ушелъ кусокъ жизни: ужъ въ Парижѣ-то ничто не должно было бы мѣняться, застой такъ застой. Ждали въ таможнѣ въ прежнія времена какъ будто не такъ долго, и чиновники были любезнѣе, и носильщики почтительнѣй. Онъ далъ носильщику три франка: что-жъ, прежнихъ тридцать копѣекъ, довольно, — тотъ едва поблагодарилъ.

— «Chauffeur, êtes-vous libre?», — спросилъ Тамаринъ; говорилъ по-французски какъ русскіе образованные дворяне его круга и поколѣнія: не очень хорошо, но гладко и бойко, — иногда даже позволялъ себѣ прежде разные «Oh, la-là!», и «Tu parles!», и «Et ta soeur!..» Нерѣшительно освѣдомился объ «Отель де Бадъ» и «Элизе-Паласъ». Шофферъ захохоталъ и тоже сказалъ — но иначе — «Oh, la-là!»: давно и въ поминѣ нѣтъ ни «Элизе-Паласъ», ни «Отель де Бадъ». Тамаринъ подумалъ, что все равно ему въ такихъ гостиницахъ и неудобно было бы останавливаться: государство пролетарское, да и не по карману: суточныя ему полагались небольшія, а онъ еще хотѣлъ заказать костюмъ. Велѣлъ ѣхать въ Латинскій кварталъ: отъ этой части города осталось у него пріятное воспоминаніе. Остановился въ гостиницѣ, которая показалась ему не то, чтобы студенческой, но и не роскошной. Слуги внесли его чемоданъ въ комнату, приготовили ему ванну, говорили «Oui,

Monsieur», «Monsieur désire?» — къ этому «Мосье» онъ все не могъ привыкнуть, — будто не къ нему обращались. Въ ванной дали три полотенца и простыню. Онъ испытывалъ странное чувство, точно никогда не жилъ въ гостиницахъ. Надѣлъ свой второй штатскій костюмъ, лучшій, не перелицованный, прослужившій всего три года, — заказалъ тогда, когда получилъ неожиданно гонораръ за второе изданіе своего труда: «Нѣкоторыя мысли о роли моторизованныхъ частей въ свѣтѣ современной тактики».

Затѣмъ надо было являться. Тамаринъ пробовалъ разобрать по плану, какъ пройти пѣшкомъ или проѣхать въ автобусѣ, но не разобралъ и рѣшилъ, что въ первые два-три дня придется тратиться на автомобили. Вышелъ на улицу все съ тѣмъ же страннымъ чувствомъ: въ Парижѣ!.. Изъ безчисленныхъ кофеенъ — что ни домъ, то кофейня — доносились гулъ, смѣхъ, музыка. «Да, здѣсь Г. П. У. нѣтъ. Не убивай, не грабь, не воруй, и тогда живи какъ хочешь. Вотъ это и есть буржуазная мораль» (онъ невольно теперь, употреблялъ такія слова). Въ воздухѣ стоялъ тотъ же запахъ автомобильныхъ испареній, навсегда связавшійся въ его памяти съ Парижемъ. Движеніе стало еще болѣе чудовищнымъ: просто улицы не перейти. Замѣтилъ новое: гвозди въ мостовой, — не сразу догадался объ ихъ назначеніи: хорошо придумано. Исчезли лошади. Цилиндровъ совершенно не было видно: жаль, куда же они дѣлись? Что еще?..

Онъ взглянулъ на часы и подошелъ къ первому шофферу на стоянкѣ. — «Chauffeur, êtes-vous libre?» — спросилъ онъ и вдругъ, мгновенно, самъ почти не зная какъ, понялъ, что это русскій и офицеръ, изъ т ѣ х ъ!.. Чуть не отшатнулся было къ слѣдующему автомобилю, — «нѣтъ, неловко»... Тамаринъ указалъ невѣрный номеръ дома: не 79, а 59, и сѣлъ съ мучительно-тревожнымъ чувствомъ, точно сейчасъ что-то выплыветъ наружу. Не было никакихъ основаній думать, что этотъ незнакомый ему человѣкъ можетъ узнать его; да если-бъ и узналъ, то никакой бѣды не произошло бы. Однако чувство тревоги не покидало его всю дорогу. Выйдя изъ автомобиля, онъ поспѣшно расплатился и далъ на чай два франка; шофферъ, приподнявъ фуражку, съ чисто-русскимъ акцентомъ сказалъ: «Мерси боку, мосье»... Тамаринъ остановился у дома и при свѣтѣ фонаря, точно боялся ошибиться, долго всматривался въ номеръ, пока автомобиль не отъѣхалъ. Затѣмъ, нервно подергиваясь, пошелъ дальше, къ 79-му номеру. «По возрасту, вѣрно, капитанъ или, быть можетъ, подполковникъ... Два франка начай: двугривенный, — «мерси боку, мосье»... Что-жъ, это честный трудъ... Но правы были мы, а не они»...

Приняли его очень любезно: поговорили немного о служебныхъ дѣлахъ, — видно, особой спѣшки не было, — немного о московскихъ новостяхъ, — осторожно и уклончиво съ обѣихъ сторонъ. Записали его адресъ, — противъ го-

стиницы никакихъ возраженій не послѣдовало. Дали совѣты, гдѣ и какъ лучше устроиться на продолжительное время, но ничего ему не навязывали, — онъ опасался, что навяжутъ, — и попросили «захаживать». Все было очень корректно, даже проводили до лѣстницы. «Нѣтъ, все-таки они здѣсь стали европейцами», — думалъ онъ, съ облегченіемъ выходя снова на улицу.

Въ свой кварталъ онъ вернулся пѣшкомъ: кое-какъ замѣтилъ дорогу и, къ нѣкоторому своему удовлетворенію, легко разыскалъ гостиницу. Однако подниматься не было смысла: что сейчасъ дѣлать въ номерѣ? Настроеніе у Тамарина стало очень хорошее. «Вотъ привелъ Богъ снова побывать въ Парижѣ»...

Онъ гулялъ, съ любопытствомъ всматриваясь въ витрины, въ надписи, въ людей. «Да, хорошо живутъ»... Прошелъ по бульвару, узналъ Пантеонъ и обрадовался, что узналъ. «А то, значитъ, была Сорбонна, ну да, какъ же»... Справа чернѣлъ садъ. Онъ не могъ вспомнить, какой это садъ, но и садъ, довольно мрачный въ зимній вечеръ, очень ему понравился. Свернулъ раза два, большая прелесть была и въ старыхъ узенькихъ улицахъ. Пронесшійся автобусъ освѣтилъ на мгновенье своими огнями длинный узкій темный проходъ въ стѣнѣ стараго дома. Тамъ устроился старичекъ букинистъ. «Какъ хорошо!» — подумалъ Тамаринъ, — «и дому этому, вѣрно, лѣтъ двѣсти»... Хотѣлъ даже порыться въ книгахъ: книжные магазины уже бы-

ли закрыты. «Нѣтъ, успѣется»... Багровымъ пламенемъ горѣло на стержнѣ одинокое огромное пенснэ, — не жалѣютъ свѣта. У аптекарскаго магазина на стойкѣ были выставлены тысячи разныхъ баночекъ, коробочекъ, склянокъ, футляровъ, — чего только у нихъ нѣтъ! Въ витринѣ винной лавки стояло ужъ никакъ не менѣе сотни бутылокъ разной формы, глиняныхъ сосудовъ, кувшинчиковъ, — какъ хорошо, съ какимъ вкусомъ подано! На ободранной стѣнѣ, подъ фонаремъ, висѣло нѣсколько огромныхъ афишъ. «Non, tout de même!..», — значилось огромными буквами на одной. «En prison les bandits!» — орала другая. Всѣ честные люди, еще не окончательно потерявшіе совѣсть, призывались на большой митингъ, на которомъ, въ числѣ другихъ ораторовъ, долженъ былъ выступить съ протестомъ противъ возмутительныхъ дѣйствій чилійскаго правительства знаменитый писатель Луи-Этьеннъ Вермандуа (его имя было выдѣлено въ особую строчку). Тамаринъ читалъ съ нѣкоторымъ испугомъ — ничего не зналъ о возмутительныхъ дѣйствіяхъ чилійскаго правительства — и дочитавъ почти до конца, увидѣлъ, что подпись была коммунистической партіи. — «Тьфу! Стоило пріѣзжать!..»

На широкой улицѣ открылась сіявшая разноцвѣтными огнями кофейня. Закрытая терраса съ жаровней — этого, кажется, тоже не было прежде: какъ умно! — была переполнена людьми. На стойкѣ у входа, въ плетеныхъ корзинахъ, лежали груды устрицъ, раковинъ, ка-

кихъ-то морскихъ чудовищъ. «Clams», «Claires extra», «Armoricaines», «Oursins», — читалъ Тамаринъ, — «и слова какія пріятныя!». Онъ почувствовалъ аппетитъ, заглянулъ въ вывѣшенную карту, и въ глазахъ замелькало отъ разныхъ «Sole au Chablis», «Rognon de veau flambé à l'Armagnac», «Pied de Porc Ste Ménehould», «Faisan cocotte aux truffes»... Нерѣшительно посмотрѣлъ на цѣны: хорошо пообѣдать влетитъ франковъ въ сорокъ, а то и въ пятьдесятъ. Онъ мысленно подсчиталъ расходы за день: завтракъ въ вагонъ-ресторанѣ, носильщикъ, автомобили, — много ушло денегъ. «Ну, да это первый день, дорога, можно и выйти изъ суточныхъ».

Зашелъ въ кофейню: дивно! Вѣроятно, еслибы въ прежнія времена въ Петербургѣ или Москвѣ открылось подобное заведеніе, Тамаринъ пришелъ бы въ ужасъ. Стѣны были трехъ оттѣнковъ желтаго цвѣта, съ неровными несимметричными зеркалами, съ чѣмъ-то зеленымъ въ нишахъ. Главная задача декоратора, очевидно, заключалась въ томъ, чтобы никакъ нельзя было догадаться, откуда падаетъ свѣтъ. Поэтому лампы тщательно скрывались, а тамъ, гдѣ были видны, походили на тарелки для супа, на сосуды для проявленія фотографій или на оранжерейныя крышки. Впрочемъ, наряду съ этимъ прячущимся стыдливымъ свѣтомъ, вызывающе играли красными, фіолетовыми, зелеными огнями другія лампы въ формѣ длинныхъ стеклянныхъ трубъ: эти, очевидно, единственной цѣлью могли имѣть порчу зрѣнія людямъ. Вмѣсто по-

толка былъ куполъ святого Петра. Кофейня была переполнена такъ, что едва можно было протолкаться. «Кажется, наверху есть мѣста», — подумалъ Тамаринъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ, каждая ступенька которой твердила непонятное слово: пергола, пергола, пергола... «Ну ладно, слышалъ, что пергола», — примирительно подумалъ онъ и занялъ мѣсто у перилъ открывавшагося въ первый этажъ провала.

Лакей въ бѣлой курткѣ подбѣжалъ къ столику: сбоку вспыхнули двѣ параллельно насаженныя на вертикальный стержень суповыя тарелки и, мило выдѣляясь, зажглась на столикѣ маленькая лампочка подъ абажуромъ, ни за что другое себя не выдававшая. «Ахъ, какъ хорошо!» — подумалъ Тамаринъ: въ этой смиренной, не притворявшейся, лампочкѣ была особая прелесть. Подбѣжала дико разодѣтая женщина — не то албанка, не то мексиканка — и отобрала у него пальто и шляпу. Подбѣжалъ мальчикъ въ зеленомъ мундирѣ и предложилъ газеты. Подошелъ болѣе солидный, чрезвычайно предупредительный человѣкъ въ обыкновенномъ черномъ костюмѣ, отодвинулъ столъ и подалъ двѣ карты. Мѣсто было не очень удобное: у стойки, — «ничего, отлично»... Дама, обѣдавшая съ молодымъ человѣкомъ за сосѣднимъ столикомъ, бѣгло окинула взоромъ Тамарина. «Хорошенькая»...

Онъ заглянулъ внизъ, въ провалъ. — «Господи! Ни одного свободнаго мѣста! А говорятъ, гиб-

нутъ отъ кризиса. Нѣтъ, кажется, капитализмъ еще поживетъ... Прежде все-таки было элегантнѣе... Хорошенькихъ у насъ, пожалуй, больше, но гдѣ же! не та культура!..» Дамы всѣ были въ мѣхахъ. «У которой одна чернобурая лисица, у которой двѣ. Это у нихъ какъ у комдива два ромба, а у комкора три... А вотъ эта цѣлый командармъ: пелерина изъ лисицъ! четыре ромба!..» Ему было весело. Все вызывало у него восхищеніе: дамы, буржуазная культура, фрески, изображавшія голыхъ женщинъ со змѣями, — «что-жъ, кто знаетъ, можетъ, и это очень хорошо?», — омары, яркимъ нагло-красивымъ пятномъ выдѣлявшіеся на низкомъ бѣлоснѣжномъ столикѣ, и то, что на стойкѣ рядомъ съ нимъ однихъ сортовъ горчицы было не менѣе десяти, и то, что сосѣдямъ подавали блюдо, горѣвшее блѣдно-синимъ пламенемъ, и то что у нихъ на столѣ одна бутылка стояла въ ведеркѣ, а другая лежала въ продолговатой корзинѣ.

Обѣдъ онъ заказалъ не гастрономическій, хоть когда-то зналъ толкъ въ ѣдѣ. Отъ непривычки разбѣгались глаза. Вина спросилъ лишь полбутылки, съ неизвѣстнымъ ему названіемъ: шавиньоль. Никогда не пилъ много. Вино было хорошее, а ѣда, коктэйль изъ устрицъ, какой-то Navarin de Homard, почки, были прямо превосходны: двадцать лѣтъ такъ не обѣдалъ! Тамаринъ не голодалъ въ послѣднее время и въ Москвѣ, — «но развѣ тамъ теперь знаютъ эти блюда и эти

слова? Отъ однихъ названій появляется аппетитъ. Право, почти какъ у Донона или въ «Прагѣ» когда-то...» Заиграла музыка: попурри изъ «Карменъ». Тамаринъ засмѣялся отъ радости, услышавъ знакомыя съ дѣтства мелодіи. Онъ пожалѣлъ, что не спросилъ хереса: «Папà, царство Небесное, всегда пилъ хересъ, какъ столовое вино... Но въ Парижѣ надо пить французскія вина...»

На аріи торреадора настроеніе у него измѣнилось. Вокругъ него люди, кто какъ умѣлъ, подпѣвали оркестру, — точно всѣ гордились, что знаютъ эту арію, — и всѣ съ необычайной энергіей, раскачиваясь, пѣли одно слово: «Тор-ре-адо-ръ»... Почему-то Тамаринъ опять вспомнилъ о встрѣчѣ съ дипломатомъ на берлинскомъ вокзалѣ: это воспоминаніе непріятно безпокоило его всю дорогу. Вспомнилъ балъ у чарующаго любезностью Вильгельма, охоту въ какомъ-то замкѣ съ труднымъ названіемъ, подумалъ объ артисткѣ, съ которой когда-то познакомилъ его этотъ дипломатъ: съ ней весело прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Это было тридцать пять лѣтъ тому назадъ, — нѣтъ, больше: тридцать семь или тридцать восемь.

Потомъ мысли его перешли къ женѣ: ихъ бракъ былъ несчастливъ, главнымъ образомъ по его винѣ, — а тогда ему казалось, будто онъ кругомъ правъ. «Такъ и не поняли другъ друга до конца... Яковлевъ отлично это пѣлъ, лучше всѣхъ торреадоровъ, мы съ ней были на его бенефисѣ»... Онъ съ совершенной ясностью вспомнилъ тотъ вечеръ, залъ Маріинскаго театра, непріятный разговоръ на извозчикѣ, потомъ нелѣ-

пую, начавшуюся съ игры Фигнера, тяжелую ссору. «Я ей сказалъ... Нѣтъ, незачѣмъ вспоминать»... Оркестръ заигралъ увертюру четвертаго дѣйствія. Молодой человѣкъ за сосѣднимъ столомъ потушилъ лампочку и снова зажегъ ее, по требованію дамы, ударившей его по рукѣ. «Такая лампочка у насъ стояла на піанино, въ диванной»... Вспомнилъ во всѣхъ подробностяхъ эту небольшую комнату, оклеенную коричневыми подъ кожу обоями, лампу на кружевной салфеточкѣ: «Больше всего на свѣтѣ боялись поцарапать лакъ на піанино!..» Въ диванной и произошла та ссора. Хотѣлъ разойтись, развестись. Она грозила покончить съ собой... Стоило ли ссориться? Гдѣ она теперь? Кромѣ меня, и не помнитъ никто, а когда и я умру, то не останется ничего, вотъ какъ отъ салфеточки, отъ тѣхъ коричневыхъ обоевъ или отъ съѣденнаго коктэйля изъ устрицъ...»

Ему стало страшно. Въ этой кофейнѣ, гдѣ собралось нѣсколько сотъ весело настроенныхъ людей, онъ внезапно почувствовалъ себя какъ въ пустынѣ: никого, ничего, ни души! Командармъ второго ранга на службѣ у міровой соціалистической революціи... Пергола, пергола, пергола... Какъ же это случилось? Какъ все это могло быть? Зачѣмъ былъ этотъ вздоръ? Не только этотъ, а весь вздоръ? Почему такъ странно сложилась жизнь, теперь уже вѣрно подходящая къ концу? Все пергола»... «Та-ра, та-ра», — подпѣвала первой фразѣ увертюры много выпившая дама. Онъ хотѣлъ было встать и уйти, но поду-

малъ, что съ этими мыслями никогда не заснетъ на новомъ мѣстѣ: отъ нихъ и въ Москвѣ, дома, гдѣ стѣны помогаютъ, спасала только работа, упорная работа. «Что же дѣлать?» — думалъ онъ, съ трудомъ справляясь съ дыханіемъ. — «Зачѣмъ было все это? Да, поцарапали лакъ на піанино»... Музыка оборвалась, послышались рукоплесканья, снизу поднялся гулъ голосовъ, какъ будто всѣ себя вознаграждали за отнятое у болтовни время. — «Я люблю только хорошую музыку», — говорилъ молодой человѣкъ, — «а если кто играетъ плохо, то лучше бы не игралъ совсѣмъ... Я самъ играю очень хорошо, правда?» — «Ну да, конечно... Вы стали нахаломъ, Жюль», — отвѣчала, заливаясь смѣхомъ, дама.

IX.

Револьверъ былъ очень хорошій: пятизарядный, съ темной сѣтчатой рукояткой, съ предохранителемъ, съ мушкой въ видѣ полумѣсяца. Браунингъ стоилъ бы слишкомъ дорого, да и не со ста шаговъ стрѣлять. Названія у револьвера, къ сожалѣнію, не было, — звучныя, пріятно-двойныя, названія оружейныхъ фирмъ радуютъ слухъ: Форе-Лепажъ, Веблей эндъ Скоттъ, Холлэндъ эндъ Холлэндъ. Объ этомъ револьверѣ приказчикъ уклончиво сказалъ: «Типа Смитъ-и-Вессонъ, бельгійской работы, отличнаго качества, вы будете очень довольны, мосье». Альвера былъ въ самомъ дѣлѣ доволенъ. Бельгійскій ре-

вольверъ кармана не оттопыривалъ. По пути изъ Парижа въ Лувесьеннъ никто на карманъ никакого вниманія не обращалъ.

Лѣсъ подъ вечеръ былъ пустъ. «Въ самомъ дѣлѣ, воздухъ чудесный. Это они отлично придумали: жить подъ Парижемъ въ деревнѣ, въ своихъ виллахъ... Если я стану богатъ, можетъ быть, сдѣлаю то же самое»... Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на все вокругъ себя: за всю жизнь былъ въ лѣсу не болѣе трехъ или четырехъ разъ: въ свое время на школьныхъ экскурсіяхъ. Деревьевъ онъ не зналъ и не различалъ. «Кажется, это дубъ. А можетъ быть, кленъ или орѣхъ? Слѣдовало бы — когда-нибудь позднѣе — пополнить свое образованіе въ этой области и вообще пройти систематическій курсъ естествознанія. Вотъ тогда и сдѣлаю это, когда куплю тутъ виллу»... Онъ подумалъ, что было бы, какъ они говорятъ, «цинично» купить виллу въ той самой деревнѣ, гдѣ онъ собирался совершить убійство. «Собственно «цинично» также и учиться въ этой деревнѣ стрѣльбѣ. Но если они это считаютъ циничнымъ, то тѣмъ больше основаній именно такъ и поступать».

Альвера оглянулся: никого. За четверть часа ходьбы по лѣсу онъ ни одной живой души не встрѣтилъ. Все же свернулъ въ чащу, прошелъ еще шаговъ сто, — никого! — и сталъ выбирать дерево. Не было, впрочемъ, причины предпочесть одно дерево другому. Выбралъ д у б ъ потолще (окончательно остановился на томъ, что все это дубы) и тутъ только вспомнилъ, что нѣтъ мише-

ни. «Во что же стрѣлять? Ахъ, какая досада!..» Онъ сталъ рыться въ карманахъ, надо бы найти что-либо цвѣтное, яркое, но, кромѣ бумажника и carte d'identité, — не стрѣлять же въ нее, — не оказалось ничего.

Во внутреннемъ карманѣ пальто была книга: «Преступленіе и Наказаніе». Книга эта тоже была взята нарочно, на зло и м ъ. Вырывать листокъ не хотѣлось: онъ любилъ книги. Желтоватая обложка едва ли могла послужить хорошей мишенью, бѣлое будетъ выдѣляться лучше. Книга раскрылась на страницѣ съ заложеннымъ угломъ: «Raskolnikov se laissa tomber sur la chaise mais ne quitta pas des yeux le visage d'Ilya Petrovitch qui semblait fort désagréablement surpris. Tous deux pendant une minute s'entre-regardèrent et attendirent. On apporta de l'eau. — C'est moi... commença Raskolnikov. — Buvez une gorgée. Raskolnikov repoussa d'une main le verre et doucement, avec des pauses et des reprises, mais distinctement il prononça: — C'est moi qui ai assassiné à coups de hache la vieille prêteuse sur gages, et sa soeur Elisabeth et qui les ai volées...»

На поляхъ у этихъ строкъ было написано: «Un fameux cretin, celui-là!» Это мѣсто книги всегда его веселило. «Да, совершенный кретинъ!» — подумалъ онъ, разумѣя и русскаго автора, и кающагося студента. Подумалъ также, что надпись на поляхъ можетъ быть уликой, и вырвалъ страницу. Конецъ тома, съ оглавленіемъ, съ объявленіями о другихъ книгахъ, былъ неразрѣзанъ. Альвера разсѣянно разодралъ пальцемъ

верхъ, съ неудовольствіемъ взглянулъ на образовавшіяся зазубрины и старательно выровнялъ, оторвавъ треугольнички. Подошелъ къ д у б у, попытался прикрѣпить листокъ къ стволу приблизительно на уровнѣ головы, нацѣпилъ было на отступавшій край коры, — вѣтерокъ тотчасъ сорвалъ бумажку. Выругавшись, Альвера досталъ узенькій костяной пятифранковый ножикъ и, съ трудомъ, морщась, — всегда боялся сломать ноготь, — поднялъ единственное лезвее. Затѣмъ приложилъ листокъ къ стволу и сильнымъ ударомъ всадилъ ножъ черезъ бумагу въ дерево. Листокъ повисъ, только края немного загибались отъ вѣтерка. Въ этомъ с и л ь н о м ъ у д а р ѣ ножа было нѣчто пріятное, рѣшительное, густавъ-эмаровское. Онъ подумалъ, что въ немъ еще сидитъ мальчишка, и усмѣхнулся. На листкѣ слѣдовало сдѣлать черный кружокъ. Альвера полѣзъ въ боковой карманъ за самопишущимъ перомъ и съ досадой замѣтилъ, что оно — тоже дешевенькое и дрянное — свалилось со стерженькомъ съ борта вглубь кармана. Опять въ крышкѣ будутъ чернила, пальцы измажутся, скверно... Дѣйствительно, весь конецъ ручки, надъ крошечнымъ, поддѣльнаго золота, перомъ былъ въ чернилахъ. Старательно взявъ ручку повыше, онъ постарался начертить кружокъ, — бумага не приставала къ корѣ, чернила на поднятомъ перѣ не выступали. Встряхнулъ, — послѣдняя капля чернилъ сорвалась, резервуаръ былъ пустъ, — раздраженно снялъ листокъ, потеръ его срединой о конецъ пера, затѣмъ снова вонзилъ перо-

чинный ножъ. Но на этотъ разъ рѣшительный ударъ не удался, лезвее захлопнулось, чуть царапнувъ руку. Онъ испуганно выронилъ ножикъ, — нѣтъ, крови нѣтъ. Кое-какъ, уже безъ удара, Альвера прикрѣпилъ къ дереву листокъ съ размазавшимся въ срединѣ чернильнымъ пятномъ. Затѣмъ старательно, какъ указывалъ приказчикъ, зарядилъ револьверъ; патроны онъ везъ отдѣльно: зачѣмъ рисковать въ вагонѣ несчастнымъ случаемъ?

Нѣсколько разъ передвинулъ вверхъ и внизъ предохранитель. Не помнилъ твердо, въ какомъ случаѣ предохранитель дѣйствуетъ: если кнопка наверху или если она внизу? «Кажется, если наверху. Но надо провѣрить»... Разрядилъ, попробовалъ и опять зарядилъ: теперь механизмъ револьвера былъ ясенъ. Альвера старательно отмѣрилъ пять шаговъ — въ этомъ тоже было нѣчто пріятное: не густавъ-эмаровское, а дуэльное. Оглянулся въ послѣдній разъ, — попрежнему, никого, — отставилъ назадъ лѣвую ногу, чуть согнувъ колѣно, — говорятъ, отдача бываетъ сильна — вытянулъ руку съ револьверомъ, прищурилъ глазъ, прицѣлился — мушка, чернильное пятно, все такъ — и выстрѣлилъ. Звукъ выстрѣла оказался гораздо слабѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, а отдачи почти никакой, даже не замѣтилъ. Опять оглянулся, сунулъ въ карманъ револьверъ и подошелъ къ дереву. Къ его разочарованію, дыры не было не только на чернильномъ пятнѣ, но и въ листкѣ.

Снова отмѣрилъ разстояніе, сдѣлалъ шаги поменьше, — а все-таки пять шаговъ, — и съ непріятнымъ чувствомъ замѣтилъ, что, не переведя предохранителя, опустилъ въ карманъ заряженный револьверъ: это свидѣтельствовало о недостаткѣ хладнокровія. «Надо взять себя въ руки», — сказалъ онъ вслухъ и подумалъ, что очень трудно понять сущность того волевого усилія, которое обычно такъ называется. «Ну, вотъ я взялъ себя въ руки, я теперь не таковъ, какимъ былъ только что: я себѣ сказалъ, что ничто не страшно: въ любую минуту я могу покончить съ собой, полминуты мученія, и все кончено, значитъ, бояться нечего. Объ этой жизни, что ли, жалѣть, или о нихъ?» Онъ снова сталъ стрѣлять, теперь дѣйствительно спокойнѣе и лучше. Всего выпустилъ десять пуль (въ коробочкѣ было двадцать пять патроновъ), изъ нихъ три попали въ листокъ: двѣ съ краю, третья почти у чернильнаго пятна. Результатъ его удовлетворилъ. Главное пока пріучить себя къ стрѣльбѣ и къ обращенію съ оружіемъ.

Выполнивъ то, что было назначено на сегодня, онъ съ облегченіемъ положилъ револьверъ въ карманъ пиджака, сунулъ книгу въ карманъ пальто и наткнулся на скомканную бумажку. «Ахъ, какая досада!..» Этотъ испорченный имъ листъ изъ переписанной рукописи заказчика онъ, по ошибкѣ, сложилъ было дома съ другими, а въ поѣздѣ, замѣтивъ ошибку, сунулъ во внутренній карманъ пальто. «Досадно, что не вспом-

нилъ: мишень была бы гораздо лучше, не требовалось вырывать страницу изъ книги»...

Альвера вернулся на большую дорогу и пошелъ по направленію къ вокзалу. «Да, все дѣло лишь въ томъ, чтобы придать убійству совершенно привычную форму. Надо выработать привычку къ стрѣльбѣ, но этого, разумѣется, недостаточно... Хорошо было бы для опыта застрѣлить собаку. Ощущеніе должно быть въ сущности почти такое же, — и главное отличіе относится на счетъ страха гильотины. Убить человѣка очень просто: при нѣкоторой привычкѣ, убивать можно такъ, какъ мясникъ убиваетъ вола, безъ дешевенькихъ разсужденій, безъ Наполеона, безъ чьихъ-то открытій. У средневѣковыхъ головорѣзовъ была такая привычка, и они отлично обходились безъ всякой философіи. У какого-нибудь дюссельдорфскаго вампира привычка, вѣроятно, подъ конецъ выработалась, но тамъ былъ сексуальный мотивъ, а это гадко и непонятно: такіе люди — личная непріятность богословамъ со стороны природы».

Лѣсъ кончился, появились, стали учащаться дома. Встрѣтившаяся женщина посмотрѣла на Альвера, оглянулась и ускорила шаги. Онъ шелъ, съ любопытствомъ читая названія виллъ, надписи, афиши. Два льва въ кружочкѣ стояли на заднихъ лапахъ надъ перекрещенными ключами, съ надписью: «La Vigie mobile. Propriété gardée», — подумалъ, выгодное ли это дѣло, и какъ это общество осуществляетъ надзоръ, — еще не попались бы тогда его люди? Черная

стрѣлка указывала дорогу въ мэрію и церковь. Въ прямоугольникѣ, съ вписанными въ него желтымъ и черными треугольниками, — «какъ глупо и некрасиво!» — двѣ дѣвочки шли, взявшись за руки, — «довольно противныя дѣвчонки, никакой бѣды не будетъ, если ихъ раздавятъ». Вдали какъ разъ показался автомобиль. Альвера медленно шелъ ему навстрѣчу и свернулъ только шагахъ въ пяти; сидѣвшій за рулемъ человѣкъ прокричалъ что-то нелюбезное. «Какъ странно, что мы обычно чувствуемъ себя въ безопасности: одно невѣрное движеніе у этого кретина, мгновеніе невниманія, лишняя рюмка коньяку за его завтракомъ, — и меня нѣтъ. Значитъ, каждый парижанинъ зависитъ отъ милліона такихъ случайностей, въ Парижѣ шофферовъ тысячи. Значитъ, вѣроятность гибели для каждаго не на много меньше, чѣмъ у меня... Значитъ»... Ему надоѣли эти вѣчныя, нудныя размышленія. «Хочешь убить, — убей, но не морочь голову», — сказалъ онъ самъ себѣ. Затѣмъ его разсмѣшила надпись на заборѣ: «Défence de déposer et faire des Ordures sous peine d'Amende». Особенно смѣшно было, что слово «Ordures» напечатано съ прописной буквы. Онъ разсѣянно посмотрѣлъ на часы: до поѣзда оставалось восемнадцать минутъ, — его часы на четыре минуты отставали. Рано.

Отъ перекрестка шла тропинка къ той виллѣ. Онъ хотѣлъ было подойти къ ней и раздумалъ: въ смыслѣ тренировки это почти ничего не дастъ, и есть нѣкоторый рискъ: вдругъ встрѣтишь это-

го кретина. «Онъ удивленно взглянетъ и скажетъ: «Какъ? Вы еще не уѣхали?» Тогда надо будетъ сказать, что я забылъ, на какой страницѣ кончилъ переписку, и не знаю, какую ставить на продолженіи. Это произведетъ на него благопріятное впечатлѣніе. Можетъ быть, онъ даже растрогается и заплатитъ мнѣ за пробѣлы. «За бѣлыя строки, я, молодой человѣкъ, никогда изъ принципа не плачу: что̀ не стоитъ труда, не должно и оплачиваться». — «За бумагу онъ, вѣроятно, тоже изъ принципа не платитъ, и за мой проѣздъ и потраченное время не заплатилъ, точно я обязанъ привозить ему работу въ Лувесьеннъ. — «Вы могли послать ее мнѣ по почтѣ, молодой человѣкъ», — сказалъ онъ голосомъ заказчика, хоть заказчикъ этихъ словъ не говорилъ: о потраченномъ времени рѣчи не было. «Я не могъ сказать ему, что пріѣхалъ на развѣдку, такъ какъ собираюсь его убить», — почти весело подумалъ онъ. «Въ случаѣ, если поймаютъ, я скажу, что убилъ его за неоплаченныя бѣлыя строчки: это будетъ доказательствомъ «моральнаго идіотизма», на судѣ очень хорошо быть моральнымъ идіотомъ...» Потомъ онъ лѣниво подумалъ о Жаклинѣ: очень милая дѣвочка.

Вдали просвистѣлъ паровозъ, Альвера ахнулъ: «опоздалъ! теперь ждать полчаса!» — взглянулъ на часы, — нѣтъ, до его поѣзда было еще минутъ двѣнадцать, — «это, вѣроятно, встрѣчный поѣздъ»...

Остановился передъ большой бѣлой афишей съ зеленой каймой, съ изображеніемъ зеленаго юноши и зеленой дѣвушки необыкновенно бодраго вида. Какое-то гимнастическое общество приглашало молодыхъ людей записываться: «Pour une jeunesse saine, forte, joyeuse le sport c'est la joie et la santé»... «Но если они веселы и здоровы, то зачѣмъ же имъ еще веселье и здоровье? Какіе кретины! «...La fédération sportive et gymnique du travail vous accueillera dans un de ses clubs»... Что такое «gymnique»? я не зналъ, что есть такое слово... Собственно они и меня приглашаютъ, это я jeunesse saine, forte, joyeuse»!.. Онъ опять засмѣялся, прочелъ всю афишу до конца, прочелъ и объ условіяхъ пріема, и о членскихъ взносахъ. Кандидатамъ въ возрастѣ до 18 лѣтъ предлагалась скидка. — «Жаль, я не подхожу: мнѣ двадцать первый»... Подумалъ, что **тамъ** тоже по возрасту **скидки** не будетъ. Ему было вполнѣ точно извѣстно, кто по закону считается малолѣтнимъ, кто несовершеннолѣтнимъ. «Въ двадцать — отправятъ на гильотину очень просто...»

Онъ радостно представилъ себѣ, какъ остолбенѣетъ Вермандуа, прочитавъ въ газетѣ объ убійствѣ: «Его секретарь! Господи, **его** секретарь — и такое дѣло!..» «Особенно онъ будетъ въ ужасѣ отъ того, что надо будетъ давать показанія, сначала слѣдователю, потомъ на судѣ: какая скука, какая потеря времени! А журналисты! Вѣдь они явятся за интервью, набросятся какъ коршуны, имъ за это платятъ франкъ за строчку: одно

хорошее, приличное убійство, и можно жить припѣваючи двѣ недѣли! Впрочемъ, интервью, даже по такому дѣлу, это тоже реклама, а плохой рекламы нѣтъ... Потомъ ему придетъ въ голову, что вѣдь я съ такой же легкостью могъ бы убить его самого, онъ затрясется, вспотѣетъ и похолодѣетъ отъ ужаса. И я въ самомъ дѣлѣ могъ бы убить этого пошлаго маніака. Но тогда на меня сразу пали бы подозрѣнія: я единственный бѣдный человѣкъ, бывающій въ его домѣ... Вермандуа коммунистъ или что-то въ этомъ родѣ, но бѣдныхъ знакомыхъ онъ терпѣть не можетъ. Притомъ убійцу великаго писателя полиція разыскивала бы получше. Зато если убить его, то можно надѣяться на мѣсто въ исторіи литературы. Кажется, такого случая не было? Да и ему собственно только это и могло бы обезпечить славу: его нынѣшнее безсмертіе будетъ продолжаться ровно годъ, до пріема въ Академію его преемника. И сейчасъ уже никто его не читаетъ: онъ уже, слава Богу, тридцать лѣтъ «cher maître». Но когда онъ немного успокоится, то проявитъ великодушіе и даже подыщетъ мнѣ защитника, средняго, не очень дорогого. Впрочемъ, по его приглашенію пойдетъ безплатно и самый дорогой, имъ тоже нужна реклама... Быть можетъ, онъ даже разъ навѣститъ меня въ тюрьмѣ и принесетъ четверть фунта ветчины... Нѣтъ, въ тюрьму онъ не пойдетъ, скучно. Но на судъ явится непремѣнно и произнесетъ слезливое слово — что-нибудь о современной молодежи, о потерѣ идеаловъ. Каждая

газета напечатаетъ строкъ по двадцати, этимъ тоже пренебрегать нельзя: будетъ «le grand écrivain», «le célèbre écrivain», «l'illustre écrivain». Присяжные растроганно его выслушаютъ, затѣмъ вынесутъ вердиктъ безъ смягчающихъ обстоятельствъ, прежде всего потому, что кража, я могъ, значитъ, обокрасть и ихъ, и еще потому, что я «sale étranger», «un de ces étrangers indésirables qui viennent chez nous et qui...»

До поѣзда оставалось семь минутъ: все-таки рано! Альвера остановился передъ другой афишей, старой, полуистлѣвшей. Мѣстный отдѣлъ коммунистической партіи приглашалъ всѣхъ явиться на митингъ: «Pour (дальше было стерто) ...liberté! Pour... blique des Soviets en France!» Альвера прочелъ афишу съ отвращеніемъ: онъ терпѣть не могъ коммунистовъ.

Показался невысокій, желтосѣрый вокзалъ. Черезъ площадь поспѣшно проходили люди. «Въ толпѣ никто замѣтить не можетъ... Хоть нечего замѣчать, да пока и ни къ чему... Смотрите сколько вамъ угодно»... Билета никто не спросилъ: контроля у входа не было. «Хороши порядки!..» Сталъ соображать, можетъ ли, при такихъ условіяхъ, недобросовѣстный пассажиръ обмануть желѣзнодорожное вѣдомство. «Въ Парижѣ при выходѣ спросятъ билетъ, но вѣдь я могъ бы выйти изъ поѣзда на послѣдней станціи передъ Парижемъ и купить тамъ, такъ обошлось бы значительно дешевле. Неужели они объ этомъ не подумали? Этакіе кретины!»

Онъ прошелся по перрону, все съ тѣмъ же напряженнымъ любопытствомъ читая надписи. «Электрическій рельсъ на пути заряженъ»... «Да, вѣдь дорога электрическая. Если стать ногой на эту штуку, а другой на тотъ рельсъ, то конецъ. Легкій? Тотъ же электрическій стулъ... На долю ни въ чемъ невиновныхъ людей очень часто выпадаетъ худшая насильственная смерть, чѣмъ на долю такъ называемыхъ преступниковъ»... Онъ задумался, что̀ хуже: электрическій стулъ или гильотина? «Въ Сингъ-сингѣ, говорятъ, это длится нѣсколько минутъ. Но когда падаетъ, напримѣръ, аэропланъ, летчики тоже горятъ минуты двѣ-три. А отъ какого-нибудь рака языка люди въ мученіяхъ умираютъ годами»... Ему вспомнилось что-то непріятное: «да, да, la kératite interstitielle, l'hépatite diffuse, les convulsions épileptiformes, le retrécissement mitral»... «Вѣрно, и этотъ выродокъ съ тикомъ, безъ моей помощи, умеръ бы отъ какой-либо гнусной мучительной болѣзни... Если будетъ погоня, можно будетъ вскочить на этотъ рельсъ. И тогда любезно протянуть имъ руку, пусть однимъ мерзавцемъ будетъ на свѣтѣ меньше».

Нервно зѣвая, онъ прошелъ до конца перрона, повернулъ назадъ, остановился передъ огромнымъ градусникомъ, наверху котораго красный и бѣлый человѣчки съ необыкновенно веселымъ видомъ несли какую-то бутылку. «Сенъ-Рафаэль Кэнкина». Кажется, никогда не пилъ или, по крайней мѣрѣ, не помню вкуса... Вообще мало пилъ: «Jeunesse saine, joyeuse»... какое было

третье слово?» Но третьяго слова онъ, къ своему безпокойству, вспомнить не могъ.

Вдали пропѣлъ пѣтухъ. Альвера чрезвычайно удивился. Ему казалось, что пѣтухи поютъ только на разсвѣтѣ. Лишь теперь онъ замѣтилъ, что все это селенье, Лувесьеннъ, утопало въ зелени. По обѣ стороны сквозного вокзала видны были высокія деревья, гряды цвѣтовъ, цвѣты. «Да, красивое мѣсто... Послѣ дѣла можно было бы, пожалуй, тутъ купить виллу и поселиться... Можно было бы даже купить эту самую виллу, она, вѣрно, будетъ продаваться съ аукціона. Было бы забавно, и окончательно разсѣяло бы подозрѣнія: какой же убійца купитъ домъ, гдѣ «его будетъ посѣщать кровавый призракъ?» Надо будетъ подать эту мысль адвокату. А Вермандуа, если онъ навѣститъ меня въ тюрьмѣ, я скажу, что убилъ на зло Достоевскому. Онъ будетъ въ восторгѣ и вставитъ въ свой романъ обо мнѣ, — какой блестящій парадоксъ: романы великаго славянскаго моралиста только способствуютъ развитію преступности среди этихъ несчастныхъ дѣтей!»

Проходившій по перрону пассажиръ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на невысокаго, худого, безобразнаго юношу, на лицѣ у котораго повисло напряженное выраженіе страданія и ужаса, точно съ нимъ только что случилось большое несчастье. — «Онъ такъ можетъ и назвать романъ: «Преступленіе въ Лувесьеннѣ»... Нѣтъ, для него это слишкомъ бульварное заглавіе, романъ будетъ психологическій, съ блестящими

парадоксами и съ авансомъ въ тридцать тысячъ франковъ. Вотъ бы ему сказать: «Défense de faire des ordures»... Онъ засмѣялся. Вдали показался небольшой, странно-медленно шедшій зеленый поѣздъ. Альвера удивился, что нѣтъ ни дыма, ни локомотива, опять вспомнилъ, что дорога электрическая — «вѣдь только что объ этомъ думалъ», — тяжело вздохнулъ и занялъ мѣсто въ вагонѣ второго класса. «Такъ они это называютъ въ насмѣшку надъ нами, на самомъ дѣлѣ это четвертый классъ. Они нарочно сдѣлали здѣсь все какъ можно болѣе неудобнымъ и непріятнымъ: нужно вѣдь наказать человѣка за то, что у него нѣтъ денегъ на болѣе дорогой билетъ»...

X.

Когда поѣздъ пришелъ въ Парижъ, было уже почти совсѣмъ темно. Альвера разсѣянно направился къ выходу. На этотъ разъ билетъ спросили. «Нѣтъ, вѣроятно, обмануть этихъ бандитовъ трудно. Вся ихъ жизнь построена на рутинѣ, — если-бъ и рутина была негодной, они не могли бы существовать». На улицахъ горѣли фонари. Послѣднія лавки закрывались. Онъ ускорилъ шаги: дома никакой ѣды нѣтъ, кромѣ масла и оставшихся со вчерашняго дня трехъ — нѣтъ, двухъ — яицъ. Въ его кварталѣ съѣстные припасы стоили нѣсколько дешевле, но ѣхать было далеко, надо все купить тотчасъ. Сосчиталъ мысленно свои деньги: когда выходилъ изъ

дому, было пятьдесятъ пять франковъ, восемьдесятъ четыре получено за работу, на билетъ въ два конца истрачено восемь, и куплены билетики въ автобусъ: шесть. Итого, должно быть сто двадцать пять. Опустивъ руку въ карманъ, — опять упало самопишущее перо, — не нашелъ сразу стофранковой ассигнаціи и похолодѣлъ отъ ужаса. «Ахъ, нѣтъ, вотъ она! слава Богу!..» Мелочь тоже оказалась въ цѣлости, счетъ былъ вѣренъ. «Послѣзавтра получу у Вермандуа двѣсти. Хватитъ»...

Свернувъ въ боковую улицу, онъ остановился у лавки мясника. У дверей висѣла огромная окровавленная туша. Можно было купить за три франка бифштексъ и дома зажарить. Но видъ крови показался ему необыкновенно противнымъ. Изъ двери вышелъ съ палкой, напоминающей вилу, мясникъ, почти столь же окровавленный какъ туша, и у него на глазахъ закрылъ лавку съ видомъ нѣсколько демонстративнымъ, точно зналъ, что этотъ покупатель спроситъ именно одинъ бифштексъ: обойдусь и безъ твоихъ трехъ франковъ. Альвера купилъ въ сосѣдней лавкѣ ветчины. «На три франка, нарѣзанной. И колбасы, на два франка, безъ чесноку». Продавщица нарѣзала колбасу какъ будто съ демонстративнымъ нетерпѣніемъ, — можетъ быть, тоже для того, чтобы показать пренебреженіе. Онъ слѣдилъ за движеніемъ огромнаго ножа и думалъ, что у палача, вѣроятно, движенія столь же ровны, ловки, привычны. «А эта ветчинная гильотина напоминаетъ ту, настоящую»... Ку-

пилъ еще сыру и два яблока, съ пріятнымъ сознаніемъ, что не отпуститъ дерзкую продавщицу, пока всего не получитъ: теперь и х ъ законъ дѣйствовалъ за него и противъ продавщицы. Расплачиваясь, тоже съ пріятнымъ чувствомъ подумалъ, что не вышелъ изъ бюджета ни на грошъ.

У лавки находилась стоянка автобуса, того самаго, который былъ ему нуженъ. Въ автобусѣ оказалось свободнымъ его излюбленное мѣсто: у окна, на скамейкѣ отдѣленія для двухъ пассажировъ. Это было еще пріятнѣе. Онъ положилъ на колѣни кульки, уперся въ стѣну и устало откинулся на спинку. Сосѣдка сзади, шляпу которой онъ задѣлъ, что-то пробормотала. Рядомъ съ нимъ сѣла какая-то дама, онъ не обратилъ на нее вниманія, не почувствовалъ прикосновенія ея тѣла, и только, когда она встала у моста, замѣтилъ, что она была молода и недурна собой, — самъ удивился своей нечувствительности. «Однако, Жаклинъ...»

Автобусъ прошелъ мимо зданія суда. Альвера лѣниво-пріятно представилъ себѣ, какъ его будутъ судить: «въ какой залѣ? куда выходятъ окна? не эти-ли?» Представилъ себѣ судей, прокурора. Присяжные удалятся въ совѣщательную комнату, онъ останется съ жандармомъ, который будетъ съ состраданіемъ отводить глаза, какъ полагается человѣку изъ народа у гуманныхъ писателей. «A Dieu dans ses pauvres»... Бѣдные называются Его бѣдными, это, очевидно, насмѣшка: вотъ бы Ему сдѣлать ихъ богатыми»...

Автобусъ свернулъ на бульваръ Араго. «Гильотину ставятъ тутъ между этими двумя деревьями... «Du courage, Alvera, l'heure de l'expiation est venue»... Надо будетъ выдавить улыбку, — выйдетъ натянутой, но если очень постараться, можно улыбнуться вполнѣ прилично. — «Я давно готовъ... Ну, а если не готовъ, тогда что: мы отложимъ?» Отъ взволнованныхъ объятій защитника можно отказаться. Папиросу, рюмку рома принять и сказать: «Merci, Monsieur, bien aimable»... Потомъ видъ машины и полагающійся «судорожный, нервный шокъ»... Нѣтъ, не страшно. Во всякомъ случаѣ, можно себя пріучить, думая объ этомъ постоянно. Въ смерти тоже, какъ это ни глупо, привычка играетъ нѣкоторую роль. Застрѣлиться, повѣситься особенно трудно потому, что револьверъ, веревка намъ непривычны. Отравиться же навѣрное легче: глотать порошки дѣло обыкновенное... Собственно, убійство можетъ разсматриваться, какъ наиболѣе рѣдкая форма самоубійства»...

Онъ сошелъ на своемъ углу, поглощенный этой заинтересовавшей его мыслью. Поднялся на седьмой этажъ: снималъ комнату для прислуги, безъ права пользоваться подъемной машиной, — «тоже въ наказаніе за то, что нѣтъ денегъ». Комната была безъ проточной воды, но недурная, прилично обставленная; мебель пріобрѣталась имъ постепенно на толкучемъ рынкѣ. Письменный столъ подъ красное дерево былъ и совсѣмъ хорошъ. Все находилось въ образцовомъ поряд-

кѣ. На столѣ были очень аккуратно разставлены чернильница, лампа, лодочка для перьевъ и карандашей. Каждая книга имѣла точно опредѣленное мѣсто на полкахъ, — у него, по тщательно, съ номерами, составленному каталогу, было двѣсти семьдесятъ двѣ книги. Томикъ Достоевскаго значился подъ номеромъ 196.

Альвера поставилъ книгу на мѣсто, еще разъ пожалѣвъ о вырванной страницѣ, и разсѣянно спряталъ прострѣленную бумажку въ средній ящикъ письменнаго стола; въ этомъ ящикѣ лежало все важное: тетрадь, лицейскій дипломъ, рекомендаціи, оплаченные счета. Затѣмъ онъ снялъ воротничекъ, повѣсилъ галстукъ на ленту, протянутую изнутри на доскѣ шкафа, надѣлъ мягкія туфли и съ досадой замѣтилъ, что правый носокъ продрался на большомъ пальцѣ. Разложилъ на бѣломъ некрашеномъ столикѣ съѣстные припасы, сходилъ въ корридоръ за водой, заварилъ на спиртовкѣ чай, зажегъ вторую лампу на письменномъ столѣ и увидѣлъ на столѣ счетъ электрическаго общества: забылъ, совершенно забылъ вчера послать деньги по счету! Квитанція доставлялась въ первый разъ, прервать токъ никакъ не могли, все же это очень его взволновало. Онъ платилъ по счетамъ немедленно: и прачкѣ, и булочнику, и газетчицѣ. Записалъ въ карманной тетради: непремѣнно, первымъ дѣломъ завтра съ утра послать. «Денегъ все-таки хватитъ».

Онъ зарабатывалъ секретарскимъ трудомъ и перепиской не менѣе восьмисотъ франковъ въ

мѣсяцъ, а случалось, и всю тысячу. Острой нужды почти никогда не испытывалъ. Зимой появились было даже небольшія сбереженія, но ушли на бѣлье, на костюмъ, на обувь: для исполненія секретарскихъ обязанностей при Вермандуа надо было одѣваться прилично. «Этотъ прохвостъ одѣвается у лучшаго портного. Одинъ красный халатъ стоитъ, вѣрно, больше, чѣмъ я зарабатываю въ мѣсяцъ... Къ Новому Году можно было бы опять скопить тысячу»... Самъ удивился: какой же Новый Годъ, какая тысяча, если состоится дѣло! На голодъ и нищету защитнику будетъ ссылаться трудно, такъ что тѣмъ болѣе ces étrangers qui viennent chez nous»... Иностранцемъ Альвера собственно могъ считаться лишь по паспорту: отецъ, бѣжавшій изъ Южной Америки послѣ какого-то переворота, привезъ его во Францію, когда ему не было трехъ лѣтъ. Онъ говорилъ только по-французски, ничего испанскаго не зналъ и не любилъ, своего длиннаго имени немного стыдился: Рамонъ-Грегоріо-Гонзало, — это Гонзало, казавшееся ему и глупымъ, и смѣшнымъ, особенно его раздражало. Въ лицеѣ онъ былъ Рэймонъ Альверà съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, — «но тамъ, конечно, выплыветъ и Гонзало».

Въ шкапу, пріобрѣтенномъ за пятьдесятъ франковъ и стоившемъ по меньшей мѣрѣ двѣсти (воспоминаніе объ этой покупкѣ было особенно пріятно), справа отъ заканчивавшихъ отдѣлъ бѣлья, аккуратно, столбикомъ, сложенныхъ полотенецъ, стояла банка съ вишневымъ варень-

емъ. Въ этомъ вареньи было, — онъ чувствовалъ, — нѣчто одновременно и постыдное, и особенно уютное. Альвера поужиналъ съ аппетитомъ, выпилъ стаканъ чаю, поставилъ на письменный столъ другой, чуть не на треть наполненный вареньемъ, убралъ остатки провизіи, всполоснулъ посуду. Затѣмъ досталъ изъ ящика толстую тетрадь въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ. Въ ней былъ большой трудъ: «Энергетическое міропониманіе».

Онъ задумалъ работу еще въ лицеѣ, когда узналъ, что энергія можетъ быть представлена, какъ произведеніе множителей напряженности и количества, и что физическіе процессы идутъ съ убываніемъ множителя напряженности. Мысль эта его заняла еще тогда, и онъ часто къ ней возвращался. Позднѣе ему пришло въ голову, что можно создать соціально-философскую систему, въ основѣ которой лежала бы математическая формула: онъ представлялъ себѣ большую, красиво изданную книгу, гдѣ изъ такой формулы исходило бы все. Купилъ тетрадь и на первой страницѣ, неровной, справа чуть загибавшейся кверху строкой, написалъ: $A = U + T \frac{dA}{dT}$. Теперь онъ уже не вполнѣ твердо помнилъ, что въ физикѣ означаютъ всѣ эти буквы. Основой же его системы было то, что соціальные и психологическіе процессы должны идти съ возрастаніемъ множителя напряженности. Для математической части труда было оставлено двадцать бѣлыхъ страницъ, — это можно заполнить позднѣе, послѣ лучшаго ознакомленія съ физикой и ма-

тематикой. Съ 21-й страницы шла чистая соціологія, — ея пока было тридцать семь страницъ. На двухсотой страницѣ, съ закладкой, начинались стихи, переписанные въ тетрадь набѣло, — концы строкъ все немного забѣгали вверхъ. Альвера окунулъ перо въ чернильницу и почувствовалъ, что сегодня работа не пойдетъ. Лѣниво нарисовалъ на поляхъ непристойный рисунокъ, тотчасъ объ этомъ пожалѣлъ, — зачѣмъ пачкать рукопись? — и съ досадой спряталъ тетрадь въ ящикъ.

Въ комнатѣ было холодно, много холоднѣе, чѣмъ на улицѣ. — «Ужъ не ознобъ ли?» — Его манило теплое одѣяло постели. Однако совѣстно было ложиться совсѣмъ въ десятомъ часу вечера. Компромиссъ могъ бы заключаться въ томъ, чтобы лечь временно, накрывшись пальто; правда, если такъ проспать часа два, то ужъ потомъ не заснешь до утра. Онъ все же пошелъ на компромиссъ, взялъ съ полки первую попавшуюся книгу, — вышелъ № 64 — и легъ, устроившись на постели такъ, чтобы не попасть въ провалъ тюфяка. Провалъ впрочемъ тоже былъ, какъ все здѣсь, свой и уютный. Снизу доносилась музыка. Это въ квартирѣ шестого этажа играла на піанино дочь хозяйки. «Если въ десять игра не прекратится, я пожалуюсь: она не имѣетъ права»... Онъ прислушался и не узналъ, что играютъ. «Но что-то очень знакомое и банальное. Теперь надо было бы совершенно передѣлать музыку, такъ больше нельзя. Публика ничего не

понимаетъ: если піанистъ бьетъ по клавишамъ какъ боксеръ и изо всей силы нажимаетъ на педаль, ей нравится мощь его игры; а если онъ играетъ піаниссимо, ей нравится задушевность»...

Піанистка перестала играть. Онъ читалъ, почти не думая надъ тѣмъ, что читаетъ: зналъ, что, когда понадобится, подумаетъ и составитъ свое мнѣніе. Теперь удовольствіе было автоматическое, почти такое, какъ отъ прогулки или отдыха. Потомъ мысли его отвлеклись, опять къ философской работѣ. «Быть можетъ, я злоупотребляю идеей привычки, множителемъ количества?» Ему пришла въ голову новая мысль, слѣдовало бы тотчасъ ее записать, — но садиться опять за столъ не хотѣлось. Вздрагивая отъ холода и волненія, — «кажется, въ самомъ дѣлѣ лихорадка: не можетъ быть, чтобы лѣтомъ въ комнатѣ было такъ холодно», — онъ перелисталъ страницы. «Le coeur débordant de passion, la tête forte d'un enthousiasme raisonné» (Альвера засмѣялся), «les yeux perdus dans la contemplation des splendeurs qu'elle entrevoit, l'humanité se dirige, irrésistible, vers la Terre promise où chacun pourra vivre dans la paix de son coeur et de sa conscience, aimant et aimé, sans contrainte et sans haine, sans envie, sans entrave, dans le rayonnement bienfaisant des passions satisfaites, dans l'affinement vigoureux des facultés décuplées dans l'épanouissement fécond des originalités et des caprices» (онъ засмѣялся опять), «dans la suave caresse des rêves et des aspirations vers le sublime et l'idéal, les sens

apaisés par des fêtes de la chair réhabilitée, le cerveau élargi par la science fortifiée, l'oreille bercée par l'harmonique vibration des choses, le coeur gonflé de l'amour d'autrui...»

Ему стало очень весело. Нѣтъ, право, анархисты еще глупѣе коммунистовъ. Этотъ отлично понимаетъ, что убивать и воровать можно, но убивать и воровать онъ явно боится и потому придумываетъ всевозможныя увертки: «отдѣльные акты воровства и убійства развращаютъ и унижаютъ человѣка»? Ну, а меня не развращаетъ и не унижаетъ то, что я долженъ, какъ милости, искать работы у всевозможныхъ негодяевъ, что я долженъ лебезить передъ людьми, которыхъ я презираю и ненавижу? Да, этотъ господинъ такъ же, какъ они всѣ, дѣлаетъ карьеру на красивыхъ фразахъ: у соціалистовъ всѣ вакансіи были заняты, поэтому онъ объявилъ себя анархистомъ, вотъ тоже очень красивое слово. Погоди, погоди, я тебѣ покажу l'harmonique vibration des choses», — съ внезапной злобой подумалъ онъ. — «Точно люди живутъ для идеала, или для чего-нибудь, или почему-нибудь! Живутъ потому, что живутъ, умерли, ну и мертвы».

Свѣтъ лампочки чуть утомлялъ глаза; они у него всегда были красные, немного опухшіе: «хроническій конъюнктивитъ, съ этимъ не шутятъ», — сказалъ студентъ-медикъ, бывшій товарищъ по лицею. Альвера высунулъ руку изъ-подъ пальто и повернулъ выключатель. Въ комнату проникъ блѣдный свѣтъ фонаря. Стало еще

уютнѣе. «Такъ, быть можетъ, крыса дорожитъ норою и находитъ ее уютной... Да, пока я не преступилъ ихъ законовъ, сюда никто не ворвется, никто меня не потревожитъ, завтра я пойду въ кофейню пить горячее кофе съ круассанами, мнѣ обезпеченъ завтракъ, обѣдъ (развѣ только Вермандуа выгонитъ? Нѣтъ, не рѣшится), здѣсь все мое, — что-жъ, видимость ли это или настоящая человѣческая независимость? Анархисты орали на митингѣ, что во Франціи тоже рабство, трехцвѣтный фашизмъ, и въ этомъ я былъ согласенъ съ ними, но у входа на улицѣ стоялъ отрядъ полиціи, чтобы охранять ихъ, если-бъ на нихъ напали коммунисты или правые. Видимость? И не глупость ли, не чудовищная ли глупость то, что я затѣялъ?» — Онъ точно повторялъ безпристрастно доводы противной стороны. — «Что-жъ, я могу передумать, еще есть время».

Мысль объ отсрочкѣ была ему пріятна. Въ эту минуту онъ былъ увѣренъ, что передумаетъ. «Да, уютная крысиная нора... Эта складчатая занавѣска на стеклѣ днемъ особенно уютна. Она похожа на спектръ поглощенія». Сравненіе съ запомнившимся рисункомъ въ учебникѣ доставило ему удовольствіе. «Во всякомъ случаѣ эта ночь моя, пусть всего пять или шесть часовъ. Человѣческая жизнь состоитъ изъ кусковъ, изъ маленькихъ, совсѣмъ маленькихъ кусочковъ, и каждый кусочекъ надо принимать и расцѣнивать отдѣльно: «за этотъ кусочекъ благодарю», хоть благодарить некого, и быть можетъ, цѣн-

нѣйшіе куски жизни будутъ именно въ тюрьмѣ, мои пять-шесть часовъ въ камерѣ передъ эшафотомъ. Общій же счетъ у всѣхъ одинаковый: чистый ноль»... Онъ вспомнилъ, что по дорогѣ изъ Лувесьенна было еще что-то пріятное, но другое, — теперь и свои, и чужія мысли онъ расцѣнивалъ не по ихъ существу, а по тому удовлетворенію или раздраженію, которое онѣ у него вызывали. «Что же это было? Ахъ, да»... Пріятны въ дорогѣ были мысли объ изумленіи, ужасѣ, растерянности Вермандуа, когда онъ прочтетъ въ газетѣ объ арестѣ Лувесьеннскаго убійцы. Альвера засмѣялся отъ радости — и черезъ минуту заснулъ. Въ далекой древней странѣ пастушокъ поссорился съ солнцемъ, и солнце рѣшило ему отомстить и ввело законъ, — пріятный законъ, пріятный для него и для потомства пастушка: jeunesse saine, forte et joyeuse... Да, вотъ третье слово, слава Богу! Потомъ былъ кошмаръ, — горничная, проснувшаяся въ сосѣдней комнатѣ, выругалась и сердито подумала, что надо будетъ пожаловаться консьержкѣ на этого молодого урода, который по ночамъ кричитъ, какъ идіотъ, и будитъ людей, встающихъ въ шесть часовъ утра.

XI.

«Ужъ не сталъ ли на старости лѣтъ сантименталенъ?» — подумалъ съ досадой Вислиценусъ. Онъ не могъ справиться съ волненіемъ. Да, это

была та самая улица, и въ ней не измѣнилось почти ничего. Только съ правой стороны, прямо противъ дома, гдѣ жилъ Ильичъ, теперь тянулось длинное красное зданіе. Прежде тутъ былъ садъ какого-то церковнаго или монастырскаго учрежденія, — они никогда въ точности не знали, какого именно, да и не интересовались. Кромѣ появленія оскорбительно-новаго зданія, на крошечной улицѣ все было то же. Такъ же тянулась по лѣвую сторону однообразная громада высокихъ узкихъ домовъ. Сердце у него забилось — «только этого не хватало!..» Въ домѣ за четверть вѣка не измѣнилось рѣшительно ничего: тѣ же балкончики на каждомъ этажѣ, тѣ же непонятные хоботочки вокругъ средняго балкона, та же стеклянная дверь въ глубинѣ темноватаго входа, — по вечерамъ они долго у нея стояли, повторяя, кто совсѣмъ робко, кто рѣшительнѣе: «Cordon, s'il vous plaît»... Ильичъ смертельно боялся исторій съ консьержками; съ другой квартиры пришлось съѣхать именно изъ-за этихъ «Cordon, s'il vous plaît». То же низенькое окно погреба, — отсюда онъ, когда начиналась весна, съ радостнымъ оживленіемъ выводилъ свой велосипедъ. Вислиценусъ какъ живого увидѣлъ Ленина, у этого самаго окна, безъ пиджака, съ засученными рукавами, по провинціальному, — на этой улицѣ тогда можно было, — можно, вѣрно, и теперь. «Ахъ, это вы, зд-г-авствуйте, зд-г-авствуйте. Отчего вы не ѣздите на велосипедѣ? Хотите, купимъ вамъ въ г-азс-г-очку, полезно и для г-аботы, и для здо-г-овья, и такая

г-адость»... «Мнѣ тогда стало смѣшно, что онъ «радость» произноситъ почти такъ, какъ «гадость», и я подумалъ, что вѣрно онъ сталъ картавить въ обществѣ евреевъ и отъ нихъ же, родившись въ Симбирскѣ, научился говорить: «пара дней» и «пара франчковъ», и я тогда устыдился, что подумалъ это... А вотъ этихъ: «Piqûres. Ventouses. Massages médicaux» тогда, кажется, не было. Да, не было».

Изъ отвореннаго окна третьяго этажа кто-то съ удивленіемъ смотрѣлъ на страннаго долговязаго человѣка, который, разставивъ ноги, въ позѣ, напоминавшей Эйфелеву башню, неподвижно стоялъ противъ двери дома. «Да, конечно, глупо, и въ самомъ этомъ паломничествѣ есть нѣчто глупое и странное»... Онъ хотѣлъ было подняться во второй этажъ, позвонить и подъ какимъ-либо предлогомъ заглянуть въ чужую квартиру: кто теперь тамъ живетъ, не имѣя, конечно, понятія о своемъ предшественникѣ? что стоитъ въ «кабинетѣ» въ правомъ углу, вмѣсто низкаго, широкаго, покрытаго чехломъ дивана, съ шахматной доской на валикѣ. «...Глупое, странное и тревожно-сантиментальное»... Вислиценусъ отошелъ отъ двери и направился къ Avenue d'Orléans.

Зажигались огни. Откуда-то издали доносилась музыка. Вся ихъ жизнь когда-то проходила въ этомъ кварталѣ, между домомъ Ленина и типографіей, — въ городъ (такъ и говорили: «въ городъ») ѣздили рѣдко. Онъ возстанавливалъ въ

памяти все, умилялся, читая знакомыя названія улицъ, и самъ недоумѣвалъ, что умиляется: не могли же измѣниться улицы. «Здѣсь покупалъ табакъ, — на готовыя папиросы денегъ не хватало, и въ процессѣ набиванія папиросъ было нѣчто успокоительное» («значитъ, и тогда пошаливали нервы», — съ облегченіемъ подумалъ онъ: если пошаливали и тогда, то не такъ страшно нынѣшнее). «Тутъ въ шесть часовъ покупалъ Temps. Вотъ онъ, все по старому. Здѣсь бралъ въ долгъ колбасу»... Въ немъ вдругъ поднялась злоба при воспоминаніи о томъ, какъ однажды, когда долгъ дошелъ до тридцати франковъ, хозяинъ запретилъ дальше отпускать товаръ въ кредитъ, и продавщица сконфуженно положила назадъ уже завернутый въ бумагу кусокъ колбасы съ начинкой и съ желе, «вотъ съ этимъ самымъ желе...» Да, ничего отраднаго не было, по крайней мѣрѣ, въ голодѣ, въ погонѣ за грошевымъ заработкомъ, даромъ расчувствовался»... Измѣнились цѣны, — онъ припоминалъ, сколько за все платилъ, — было по стариковски пріятно и то, что все помнитъ, и то, что все стоило такъ дешево. «Но если появилась старческая размягченность, то надо закрывать лавочку!..» Съ жаровни издали потянуло чѣмъ-то ароматнымъ, онъ не видѣлъ и не помнилъ, что это, но запахъ этотъ вдругъ съ необычайной силой напомнилъ ему молодость, прежній Парижъ.

Ничего не измѣнилось и въ домѣ типографіи. У того же стараго магазина на улицѣ были выставлены, разложены пестрыя вещи, клеенка,

щетки, платки, куски обоевъ, убогая роскошь для прельщенія бѣдняковъ. Вислиценусъ ахнулъ: за кассой сидѣлъ тотъ же владѣлецъ, въ черной ермолкѣ, теперь глубокій старикъ. «Да, очень живучій народъ и очень устойчивый бытъ»... Но дѣлать тутъ, какъ и передъ домомъ Ленина, было рѣшительно нечего, и незачѣмъ было приходить: жизнь та же, но теперь чужая и чуждая еще гораздо больше, чѣмъ когда-то. Звуки музыки все усиливались, онъ увидѣлъ карусели, начинался народный праздникъ. «Почему-то здѣсь и тогда постоянно устраивались праздники. Жизнелюбивый народъ»... Видъ чужого веселья былъ ему непріятенъ.

Тягостное свиданіе было назначено въ четверть восьмого, въ ихъ кофейнѣ: Вислиценусъ адреса другой кофейни въ Парижѣ не помнилъ и далъ этотъ. Зналъ, что разговоръ по важному политическому дѣлу будетъ весьма непріятнымъ, и разсчитывалъ закончить его въ полчаса. Въ восемь былъ назначенъ обѣдъ въ ресторанѣ съ пріѣхавшимъ въ Парижъ Кангаровымъ-Московскимъ.

Съ нимъ онъ разстался довольно давно. Отношенія по службѣ оставались у нихъ прежнія: корректныя и холодныя. Старались разговаривать другъ съ другомъ поменьше. При встрѣчѣ Кангаровъ улыбался еще издали, но глаза у него желтѣли. Случалось въ бесѣдахъ обмѣниваться и непріятностями, но обычно въ формѣ дружескихъ совѣтовъ, по самымъ лучшимъ партійнымъ побужденіямъ, — вродѣ какъ Гоголь,

по самымъ любвеобильнымъ побужденіямъ, совѣтовалъ Віельгорской не танцовать, ибо она кривобока. Вскорѣ послѣ представленія королю, Вислиценусъ получилъ спѣшную командировку въ Испанію. Тамъ онъ пробылъ много дольше, чѣмъ предполагалось. Кангарова же встрѣтилъ въ Парижѣ неожиданно, въ полпредствѣ, и опять посолъ сладко улыбнулся еще шаговъ за десять, крѣпко пожалъ руку и пригласилъ Вислиценуса въ ресторанъ на обѣдъ.

— Пожалуйста, со всѣми онерами, — сказалъ онъ и въ объясненіе приглашенія, добавилъ: «Хочетъ съ вами встрѣтиться Зигфридъ Майеръ, нѣмецкій эмигрантъ, знаете? все ко мнѣ пристаетъ. Вотъ и приходите, чѣмъ назначать ему отдѣльное свиданіе... Если, разумѣется, у васъ не слишкомъ важные секреты?» — сказалъ онъ съ улыбкой, въ полувопросительной формѣ. Вислиценусъ ничего не отвѣтилъ. У Кангарова пожелтѣли глаза. — «Заодно увидите Надежду Ивановну. Она т о ж е о васъ спрашивала». — «Развѣ она здѣсь?» — вспыхнувъ, поспѣшно спросилъ Вислиценусъ, за минуту до того собиравшійся отказаться отъ приглашенія. — «Да, я взялъ ее съ собой, мнѣ нужна переводчица: тонкости французскаго языка отъ меня ускользаютъ, а она у меня дока по части языковъ», — небрежно сказалъ посолъ. — «Что-жъ, я, пожалуй, приду, спасибо, мнѣ въ самомъ дѣлѣ надо повидать этого Майера», — такъ же небрежно отвѣтилъ Вислиценусъ, — «а какъ она вообще живетъ?» — «Кто?» — «Надежда Ивановна». —

«Наденька? Ничего, процвѣтаетъ. Въ Парижѣ какъ рыба въ водѣ. Такъ, пожалуйста, ровно въ восемь. Запишите адресъ». — «Слушаю-съ». Обоимъ было неловко. «Экій дуракъ, покраснѣлъ!» — проклиная себя, подумалъ Вислиценусъ и тотчасъ простился съ посломъ. — «Конечно, онъ замѣтилъ, не могъ не замѣтить»...

Въ кофейнѣ онъ поспѣшно опустился на диванъ: вдругъ почувствовалъ себя совсѣмъ плохо. Закололо въ груди, точно кто-то вонзилъ въ нее колъ. Боль распространилась на плечо, перешла въ руку. «Странно, этого, кажется, никогда не было? Неужели и это отъ астмы? Нѣтъ, конечно порокъ сердца, что-жъ отъ себя скрывать и бояться слова? «Неврозъ», «порокъ», не все ли равно? важно то, что нехорошо дѣло»... Лакей принесъ стаканъ молока. Юноша съ сосѣдняго столика со снисходительнымъ пренебреженіемъ взглянулъ на пившаго молоко рантье. Сзади пріятно-отчетливо, какъ тогда, щелкали билліардные шары. На тѣхъ же мѣстахъ попрежнему играли въ шахматы любители 14-го округа. Около досокъ лучшихъ игроковъ, обмѣниваясь вполголоса замѣчаніями, такъ же толпились зрители... «Не хотите ли слона впе-г-едъ? Вы, почтеннѣйшій, иг-г-аете, какъ какой-нибудь па-г-шивый впе-г-едовецъ! Я вамъ не слона, а фе-г-зя могу дать». — «Не хвались, идучи на рать». — «Это вы г-ать? Хо-г-оша г-ать! Г-г-иго-г-ій, это онъ г-ать! Вамъ, уважаемый, въ ду-г-ачки иг-г-ать, а не въ шахматы!» Волненіе Вислиценуса переходило въ галлюци-

націю, — «это отъ того, что я что-то такое видѣлъ на сценѣ, въ старыхъ трагедіяхъ или читалъ, будто такія галлюцинаціи бываютъ. И мнѣ теперь должно показаться, что Ильичъ займетъ вонъ-то центральное мѣсто за столомъ, за его столомъ»... И тотчасъ въ самомъ дѣлѣ Ленинъ занялъ это мѣсто, и вокругъ него, какъ тогда, отвѣчая почтительнымъ смѣхомъ на незатѣйливыя шутки, размѣстились полуголодные, смѣшные, никому ненужные люди, однако чуть не перевернувшіе весь міръ. Теперь почти всѣ они были въ могилѣ или въ тюрьмѣ. Самые извѣстные недавно были казнены. «Вѣрно, и они передъ смертью вспоминали эту кофейню, народные праздники на этой улицѣ, квартиру изъ двухъ комнатъ, нашу типографію»... — «C'était une erreur! Il ne fallait pas sacrifier le pion!» — «Vous n'y entendez rien, mon vieux». — «C'était une erreur, vous dis-je. La combinaison était fausse!» — слышался сердитый голосъ сзади. — «Да, да, la combinaison était fausse»...

«Ошибка комбинаціи заключалась въ томъ, что теорія наша, какъ ни какъ, строилась на вѣрѣ въ человѣка, на вѣрѣ въ его достоинство, въ возможность и необходимость его моральнаго усовершенствованія, — практика же всецѣло исходила изъ предпосылки, что человѣкъ глупъ, что человѣкъ подлъ и что надо его, — о временно, разумѣется, временно! — для успѣха, ради идеи, сдѣлать еще болѣе глупымъ и подлымъ. Предпосылку эту выработалъ Ленинъ, но онъ

скрывалъ ее отъ насъ до поры, до времени, пока не оказалось возможнымъ начать примѣненіе выводовъ. Мы, когорта политическаго преступленія, послѣдовали за нимъ, какъ всегда за нимъ слѣдовали, — онъ сумѣлъ воспитать въ насъ солдатскіе инстинкты и, какъ всѣ полководцы Божьей милостью, несложными способами добился нашей любви, страха и преданности.

Опытъ произведенъ. Оказалось, что человѣческая душа не выдерживаетъ того предѣльнаго гнета, которому мы ее подвергли, — подъ столь безграничнымъ давленіемъ люди превращаются въ слизь. Мы разлагали ихъ во имя соціалистическаго идеала, они разложились просто, безъ «во имя». Сами того не замѣчая, тоже понемногу, мы создали небывалое въ мірѣ общество. Къ исконному, первозданному человѣческому хамству мы, первые изъ правителей, своего корректива не дали, убравъ всѣ другіе, старые, испробованные. Случилось однако то, чего не предвидѣли и наши практики. Язва, которую они втирали въ души управляемыхъ, скоро переползла на правящихъ. Оказалось, что сила, всегда торжествовавшая въ исторіи, для собственнаго существованія, для того, чтобы не перестать быть силой, нуждается въ какомъ-то сопротивленіи окружающей среды. Съ уничтоженіемъ сопротивляемости подчиненныхъ, превратились въ слизь и мы сами. Мы вогнали въ нихъ моральный сифилисъ, — они заразили имъ и насъ, и всѣ мы теперь развращенные, уничтоженные,

искалѣченные люди, потерявшие уваженіе и къ другимъ, и къ самимъ себѣ.

Если есть предметъ, о которомъ, навѣрное, никогда не думалъ Ильичъ, то это именно счастье человѣчества и моральныя качества людей. Это для него было пустое и скучное «само собой», какъ для шахматнаго игрока Божьей милостью пустое и скучное «само собой» — облагораживающее вліяніе шахматовъ и другая ерунда подобнаго рода. По существу же всѣ его мысли были сосредоточены на игрѣ. Еслибъ Ильичъ думалъ о людяхъ часто, опредѣленно, «художественно», онъ не сдѣлалъ бы ровно ничего. Сила его заключалась отчасти въ томъ, что онъ объ этомъ никогда не думалъ. Онъ игралъ и свою большую игру, игру мизантропическаго, безчеловѣчнаго, соціализма, строилъ на вѣковой ненависти бѣдняковъ къ богатымъ. Никто до Ленина не оцѣнивалъ съ такой проницательностью значеніе этой силы, давшей намъ побѣду и власть. Эта ненависть у насъ получила удовлетвореніе, какого никогда нигдѣ до того въ исторіи не получала. Но радости отъ нея не хватило и для старшаго поколѣнія. Младшее, богачей не знавшее, ея понять не можетъ. Нельзя жить ненавистью къ тому, чего больше нѣтъ. Они богачей видятъ только въ кинематографѣ, и испытываютъ при этомъ не ненависть, а зависть. На западѣ демократія губила и губитъ соціализмъ, такъ какъ стала его суррогатомъ: она по столовой ложкѣ даетъ народу то, что соціализмъ обѣщаетъ, не давая. По своей глупости, эти руч-

ные соціалисты отстаиваютъ демократію, не замѣчая, что она ихъ медленно съѣдаетъ и съѣстъ. Но, въ отличіе отъ насъ, они имѣютъ возможность, впрочемъ безъ всякаго маккіавелизма, осторожно, не очень запальчиво, съ выгодой для себя помахивать красной тряпкой. У насъ ея больше нѣтъ. Красной тряпкой стали мы сами, хоть быкъ научился до поры до времени скрывать свои чувства. За нищету, за голодъ, за рабство, за униженія, за искалѣченную душу, за собственную трусость, за собственную угодливость, они намъ теперь платятъ лютой, звѣриной злобой и, смутно чувствуя ихъ глухую, невидимую, непроявляющуюся ненависть, мы въ нашихъ методахъ ничего измѣнить не можемъ. Кругъ этотъ заколдовали мы сами. Мы создали Брынскіе лѣса, а въ Брынскихъ лѣсахъ ничто не возможно, кромѣ атаманства. Вся наша исторія въ послѣдніе годы свелась къ схваткѣ кандидатовъ въ атаманы, почти безъ примѣси идеи или съ примѣсью совершенно произвольной, зависѣвшей только отъ обстоятельствъ. Вотъ изъ-за чего пролиты, льются, будутъ литься потоки крови, — этого не предвидѣлъ и Ленинъ. Жизнь оказалась еще мизантропичнѣе, чѣмъ онъ, и вела насъ, куда придется, неизвѣстно куда, неизвѣстно зачѣмъ, — компаса нѣтъ, никакой Полярной звѣзды не видно. Атаманомъ оказался, какъ почти всегда бываетъ въ берлогѣ, наиболѣе смѣлый, твердый изъ кандидатовъ. Но и для него не могло пройти безслѣдно подобное двадцатилѣтіе. Умный, хитрый, рѣшительный атаманъ такъ дол-

го выдумывалъ преступленія и подбрасывалъ народу преступниковъ, пока самъ почти во все не повѣрилъ. Теперь настало царство полицейской мифологіи, и она лишь увеличиваетъ въ странѣ глухую ненависть ко всѣмъ намъ: народъ никакъ не можетъ понять, чѣмъ одни изъ насъ хуже другихъ, если этого не понимаемъ мы сами. А кто будетъ правъ въ историческомъ счетѣ, неизвѣстно: можетъ быть, Троцкій, можетъ быть, Гитлеръ...

Не слѣдуя нашей теоріи, порою почти о ней и не вспоминая, мы, въ своемъ ослѣпленіи, приписывали ей внутреннюю силу. Оказалось, что никакой силы въ ней нѣтъ, что побѣду намъ дали только наши методы, и что точно такихъ же или еще лучшихъ результатовъ можно добиться при какой угодно другой теоріи, даже самой низменной и нелѣпой. Мы не приняли во вниманіе ирраціональной стороны ненависти. За предѣлами нашего пресса, вдали отъ него, нашлись люди, понявшіе, что сила наша лишь въ практикѣ, что кромѣ нея у насъ нѣтъ ничего, — они быстро усвоили данный нами міру урокъ вседозволенности, беззастѣнчивости, безнаказанности, они создали прессъ, выкрашенный въ другой цвѣтъ, но столь же легко, успѣшно, безошибочно превращающій людей въ грязную слизь. Ошибаясь въ примѣненіи закона большихъ чиселъ, мы думали, что во всякомъ человѣческомъ обществѣ намъ удастся поднять милліонъ бѣдныхъ противъ десяти тысячъ богатыхъ. Оказалось, что такъ же легко поднять милліонъ противъ милліона, по другому признаку, выкинувъ иную приманку, бросивъ иной

кличъ. Въ формулѣ «грабь награбленное» оказалось психологически вѣрнымъ только «грабь». Мы убѣждали нѣмца-рабочаго считать себя солью земли, такъ какъ онъ рабочій. Теперь онъ сошелъ съ ума отъ радости оттого, что онъ нѣмецъ. И если ихъ «философія» также даетъ людямъ счастье, — то какія собственно основанія предпочитать нашу?

Два человѣческихъ стада выстроились одно противъ другого. Вождей еще удерживаетъ ужасъ передъ рискомъ рѣшенія: какъ промѣнять обезпеченные генеральскіе эполеты на игру, гдѣ въ четъ и нечетъ будутъ разыгрываться эполеты фельдмаршала или веревка палача! Ихъ колебанія — колебанія передъ ставкой va banque азартнаго игрока, всю жизнь занимавшагося крупной игрой. И участь человѣчества теперь зависитъ лишь отъ того, сумѣютъ ли — и когда сумѣютъ — очень смѣлые люди преодолѣть въ себѣ этотъ послѣдній трепетъ.

Что-жъ, пусть преодолѣваютъ! Мы воевать не можемъ, — долго воевать не могутъ, вѣроятно, и они. Можетъ быть, дѣло наше провалится. Но такъ оно провалится навѣрное. Надо довести дѣло до конца и довести его до конца скоро. Затяжка на годы еще мыслима, затяжка на десятилѣтія повлечетъ за собой моральную гибель человѣчества. Какъ ни ужасенъ нашъ опытъ, его надо распространить на весь міръ. Ничто не доказываетъ, что моральный сифилисъ наслѣдствененъ. Выздоровѣвшее поколѣніе еще можетъ стать та-

кимъ, о какомъ когда-то мечтали въ этой кофейнѣ лучшіе и глупѣйшіе изъ насъ»...

На порогѣ кофейни показался человѣкъ очень высокаго роста, въ сѣромъ пальто, въ мягкой сѣрой шляпѣ. Вислиценусъ взглянулъ на него и вздрогнулъ. «Гдѣ это я его видѣлъ?» — тревожно спросилъ себя онъ. — «Однако и лицо же!..» Лицо у незнакомца въ самомъ дѣлѣ было грубое и гадкое. Онъ съ минуту постоялъ у двери, обводя взглядомъ кофейню, точно кого-то искалъ. Взглядъ его скользнулъ по Вислиценусу и задержался всего на мгновенье, однако Вислиценусъ понялъ, что этотъ человѣкъ пришелъ къ нему. Почему-то сердце у него снова застучало. Незнакомецъ, щурясь съ недовольнымъ видомъ, прошелъ мимо него вглубь кофейни, осмотрѣлся еще и тамъ, повернулся съ досадой и направился къ выходу. На столикѣ Вислиценуса оказалась записка. — «Работа хорошая», — подумалъ онъ: записка была положена совершенно незамѣтно, — «но къ чему это?» Человѣка въ сѣромъ пальто уже въ кофейнѣ не было. Вислиценусъ подождалъ съ минуту, — по старой привычкѣ къ такимъ дѣламъ, автоматически: никто за ними не слѣдилъ. Затѣмъ онъ развернулъ записку и прочелъ. Назначенное ему свиданіе отмѣнялось.

XII.

Надежда Ивановна въ самомъ дѣлѣ обрадовалась, когда Кангаровъ-Московскій неожиданно (онъ готовилъ ей этотъ сюрпризъ) сообщилъ, что беретъ ее съ собой въ Парижъ. — «Ты у меня, дѣтка, будешь переводчицей, благодари папу и маму, что научили тебя иностраннымъ языкамъ», — сказалъ озабоченно-радостно посолъ. Теперь онъ уже безъ стѣсненія, открыто, говорилъ ей ты, причемъ служащіе посольства дѣлали невинныя лица: что-жъ, это совершенно естественно. Эдуардъ Степановичъ особенно ясно показывалъ всѣмъ своимъ видомъ: «Отчего же нѣтъ? это совершенно въ порядкѣ вещей, и я тутъ рѣшительно ничего не вижу; да если-бъ и видѣлъ, то я — дипломатъ»... Надежда Ивановна знала, что ея поѣздка съ Кангаровымъ дастъ поводъ къ злословію и къ шуткамъ, но думала, что это ей совершенно безразлично. У нея вообще были холодныя отношенія съ товарищами. «Говорятъ, ну и пусть говорятъ все что имъ угодно». Быть двѣ-три недѣли въ постоянномъ обществѣ Кангарова ей не очень улыбалось, но когда же будетъ другой случай увидѣть Парижъ? Всѣ утверждали, что это лучшій городъ въ мірѣ — послѣ красной Москвы. Впрочемъ разсуждать ей не приходилось: приказъ начальства.

У Кангарова передъ отъѣздомъ вышла ссора съ женой. Елена Васильевна приняла мученическій тонъ, — изъ послѣдняго дѣйствія «Маріи

Стюартъ»: «Графъ Лейстеръ, вы сдержали слово: — Вы обѣщали руку мнѣ подать, — Чтобъ вывести меня изъ заточенья, — И... подаете». Еленѣ Васильевнѣ изъ-за революціи не удалось сыграть роль Маріи Стюартъ, но, по тому, какъ она хотѣла сыграть эту роль, краткая, заключительная сцена съ графомъ Лейстеромъ передъ эшафотомъ выходила потрясающей, — особенно должна была потрясать зрителей выраженная многоточіемъ пауза: «И... подаете»: послѣ брошеннаго вполголоса, но съ необычайной силой «подаете», она, съ высоко поднятой головой, быстро отходила въ глубину сцены, а уничтоженный графъ Лейстеръ стоялъ, закрывъ лицо руками; затѣмъ публика сидѣла нѣсколько минутъ въ оцѣпенѣніи, и разражалась бурей рукоплесканій, причемъ въ театрѣ долго, очень долго стоялъ ревъ и стонъ восторга: «За-поль-ская!..» «Бр-ра-во!» «За-поль-ская!..» Особенно трогали Елену Васильевну нѣсколько минутъ оцѣпенѣнія передъ бурей рукоплесканій. Хотя такой сцены нигдѣ не было и не могло быть съ сотворенія міра, но объ этихъ нѣсколькихъ минутахъ она читала въ біографіяхъ всѣхъ великихъ артистокъ и твердо разсчитывала то же увидѣть въ собственной юбилейной біографіи, съ портретами, съ надписью на обложкѣ: «Е. В. Запольская». Имя «Елена Васильевна» ей впрочемъ не нравилось: было бы лучше называться Аріадной или, по крайней мѣрѣ, Ириной.

Мученическій тонъ жены, хорошо Кангарову извѣстный, обычно приводилъ его въ бѣшенство.

Онъ попробовалъ огрызнуться, сказалъ, что ѣдетъ въ Парижъ по дѣламъ служебной необходимости, а ее оставляетъ, слава Богу, въ достаточно хорошемъ мѣстѣ: «никогда такъ, голубушка, не жила». Это вышло неудачно, и тонъ Елены Васильевны сталъ еще надменнѣе — тонъ дѣйствія третьяго: «Какія рѣчи слышать я должна! — Когда моя вѣнчанная глава — Вамъ не священна, такъ мои страданья — Должны бы, сэръ, для васъ священны быть»... У Елены Васильевны, какъ недавно выяснилось, давленіе крови было 19, и волновать ее не годилось. Разстались они весьма холодно. Наденька была совершенно невиновата въ ихъ ссорѣ, но отъѣздъ произошелъ въ настроеніи непріятномъ. — «Температура десять градусовъ ниже абсолютнаго ноля», — радостно сказалъ «Базаровъ», — «амбассадерша поѣхала покупать сѣрную кислоту». — «Не понимаю, что вы хотите сказать», — холодно отвѣтилъ Эдуардъ Степановичъ.

Въ дорогѣ Кангаровъ достаточно надоѣлъ Надѣ отеческимъ отношеніемъ, «дѣткой», анекдотами, шутками. Анекдоты и шутки у него всегда были одни и тѣ же, и разсказывалъ онъ ихъ не менѣе, какъ два раза подрядъ, а въ случаѣ большого успѣха главную фразу анекдота повторялъ съ хохотомъ въ третій разъ, — обычно хохоталъ еще и передъ тѣмъ, какъ приступить къ разсказу: «я вспомнилъ одинъ очень смѣшной анекдотъ»... Тѣмъ не менѣе путешествовали они пріятно, вмѣстѣ гуляли на станціяхъ по

перрону, вмѣстѣ обѣдали въ вагонъ-ресторанѣ. Кангаровъ зналъ толкъ въ ѣдѣ, хоть выросъ въ бѣдной семьѣ. Надежда Ивановна невольно ему завидовала: съ такимъ аппетитомъ и удовольствіемъ онъ ѣлъ, критикуя каждое блюдо. — «Я, дѣтка, обѣдывалъ въ лучшихъ ресторанахъ міра», — разсказывалъ посолъ, — «но прямо тебѣ скажу: какія-нибудь кильки, рубленая селедка, малосольные огурцы стоятъ самыхъ тончайшихъ яствъ. И повѣрь, первый признакъ гастронома: цѣнить не только разныя деликатессы, но и простыя блюда: этимъ настоящій гастрономъ отличается отъ сноба. Со всѣмъ тѣмъ въ Парижѣ мы съ тобой побѣгаемъ по знаменитымъ ресторанамъ, готовятъ у нихъ изумительно». «Въ знаменитыхъ ресторанахъ я не бывала, но, по моему, у насъ въ Москвѣ ѣдятъ лучше, чѣмъ у нихъ», — сказала Надя. Кангаровъ на нее покосился.

Разговаривали они обо всемъ, кромѣ политики. Посолъ съ большимъ увлеченіемъ говорилъ о любви, сладко поглядывая на Надежду Ивановну (что̀ всегда ее веселило), о своихъ встрѣчахъ, о своихъ вкусахъ. Къ удивленію Нади, оказалось, что онъ очень любитъ сельское хозяйство, огородное дѣло, цвѣтоводство; у него даже оказались особыя познанія по тюльпанамъ; онъ произносилъ ученыя названія, которыхъ Надя никогда не слыхала: «Tulipa pubescens», «Rex rubrorum», и разсказывалъ о тюльпанахъ разныя исторіи, вродѣ того, что названіе ихъ происходитъ отъ сходства съ турецкимъ тюрбаномъ, что изъ-за «Semper augustus» въ Голландіи про-

изошелъ какой-то историческій крахъ, и что на языкѣ цвѣтовъ тюльпанъ означаетъ гордость (при этомъ многозначительно взглянулъ на Надю). Въ увлеченіи онъ даже нарисовалъ пышный тюльпанъ на оборотной сторонѣ меню, — вышло совсѣмъ недурно. «Странно!» — подумала Надежда Ивановна, — «мнѣ казалось, что, кромѣ карьеры и женщинъ, его ничто не интересуетъ. Это въ немъ очень привлекательная черта... Право, нѣтъ плохихъ людей». Разболтавшись, Кангаровъ сознался, что мечтаетъ о своемъ «клочкѣ земли»: имѣть гдѣ-нибудь (онъ не говорилъ, гдѣ именно) свою дачку (чуть не сказалъ: виллу), сажать деревья, цвѣты, завести собакъ. — «У васъ положительно буржуазные идеалы», — смѣясь, сказала Надежда Ивановна. — «Почему же буржуазные? Соціализмъ обобществляетъ только орудія производства, а я радъ былъ бы и вообще отойти отъ политики». — «Кто же тебѣ мѣшаетъ?» — подумала Надя, и, чтобы не поддакивать однообразно во всемъ, поспорила: — «Скоро соскучились бы на дачкѣ, съ яблонями и съ собаками». — «Я? Никогда! Ты меня не знаешь», — воскликнулъ посолъ вполнѣ искренно и чуть было не добавилъ: «Съ Еленой Васильевной дѣйствительно повѣсился бы отъ тоски, а вотъ съ тобой нѣтъ!..» Онъ вздохнулъ.

Въ Парижѣ они прибыли утромъ (Кангаровъ теперь нерѣшительно говорилъ о себѣ: «я прибылъ», — и скромно опускалъ глаза). Оста-

новились въ очень хорошей гостиницѣ; для себя посолъ взялъ номеръ изъ двухъ комнатъ съ ванной, а для Надежды Ивановны небольшую, но хорошую комнату въ другомъ этажѣ, — чтобы не злословили. «Ну-съ, дѣтка», — сказалъ онъ, — «теперь раздѣлимся, и давай себя приводить въ порядокъ... Выкупаемся послѣ дороги, позвонимъ кому надо, а обѣдать будемъ вмѣстѣ. До обѣда ты, если хочешь, побѣгай по Парижу Ивановичу, славный городокъ, хоть августъ и не подходящее время для его осмотра». Ему очень хотѣлось показать Надеждѣ Ивановнѣ Парижъ, но нельзя было требовать, чтобы дѣтка ждала, пока онъ освободится. — «Смотри только, не попади у меня подъ автобусъ. Это я тебѣ строго запрещаю». Надежда Ивановна сдѣлала испуганное лицо и тотчасъ исчезла въ восторгѣ отъ того, что освободилась: «Уфъ, отдохну!..»

Въ самомъ лучшемъ настроеніи духа Кангаровъ послалъ за газетами, уже раздѣвшись принялъ ихъ черезъ дверь и съ наслажденіемъ опустился въ ванну: очень любилъ читать въ водѣ. Времени было еще много: звонить по телефону надлежало не раньше, какъ черезъ часъ. Онъ развернулъ газетный листъ — и помертвѣлъ: въ Москвѣ преданы суду лица, еще недавно занимавшія самые высокіе посты въ государствѣ, а теперь обвинявшіяся въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ. Сообщеніе это было настолько важно и сенсаціонно, что даже иностранныя газеты передавали его, съ большими заголовками,

на первой страницѣ. Изъ телеграммъ слѣдовало, что обвиняемые во всемъ' сознались и покаялись. Однако, на этомъ Кангаровъ даже не остановился: такъ безсмысленны были обвиненія. «Господи, что же это *онъ* дѣлаетъ?» — прошепталъ посолъ, — «вѣдь ближайшіе соратники Ильича!» Всѣхъ этихъ, очевидно обреченныхъ на казнь, людей онъ очень хорошо зналъ, работалъ съ ними, обѣдалъ, шутилъ, обмѣнивался мыслями въ теченіе многихъ лѣтъ.

Съ необычайной быстротой онъ перебралъ всѣ свои прежнія отношенія съ ними, за послѣднее время, и за всѣ времена. «Нѣтъ, кажется, ничего *такого* нѣтъ», — подумалъ онъ, едва передохнувъ. Но теперь никакъ нельзя было сказать, что собственно *такое* и что не *такое*. Карьера Кангарова по службѣ и въ партіи шла въ разное время въ разныхъ комбинаціяхъ; были среди нихъ и комбинаціи, которыя теперь, очевидно, никакъ нельзя было считать похвальными. Въ его умѣ пронеслись ужасныя мысли: «Вытащатъ «Безстыдники, опомнитесь!», снимутъ съ должности, вызовутъ въ Москву! теперь кого снимаютъ, того сажаютъ въ тюрьму, — въ тюрьму это еще въ лучшемъ случаѣ! Если ужъ *тѣхъ* онъ не пощадилъ! Отказаться, подать въ отставку, стать невозвращенцемъ?..» На мгновеніе онъ было даже подумалъ о томъ, какъ къ нему отнеслась бы эмиграція. «Собственно, лично противъ меня они ничего имѣть не могутъ»... Подумалъ и о денежныхъ дѣлахъ, — на какія же *тогда* средства жить! Дикость этихъ мыслей

поразила его. Онъ долго, смертельно блѣдный, сидѣлъ въ ваннѣ. «Что же теперь дѣлать?» Дѣлать было нечего. По характеру московскихъ событій, они никакого отклика съ его стороны не требовали. «Партія! Остается партія!» — подумалъ онъ и попытался настроиться на солдатскій тонъ, какъ въ 1918 году: партія всегда права, партія требуетъ, все для партіи... Но самъ почувствовалъ, что настроеніе стараго капрала и прежде удавалось плохо, а ужъ теперь совсѣмъ не удается.

Кангаровъ вдругъ вспомнилъ о Надеждѣ Ивановнѣ. Ему тотчасъ стало ясно, что все остальное, партія, карьера, пріемы у королей, чисто-спортивное удовольствіе отъ удачныхъ дипломатическихъ ходовъ, все — второй планъ. Настоящее было только одно: Надя. «Да, влюбленъ, совершенно влюбленъ, все для нея брошу и жить безъ нея не могу. Ничего мнѣ другого не надо, лишь бы только быть тамъ, гдѣ она»... По сравненію съ этимъ, отпадали и карьерныя соображенія, и страхъ передъ тѣмъ, что могло его ждать. «Вызовутъ, поѣду, если она поѣдетъ! Но вѣдь тамъ живо разлучатъ»... Онъ съ полной искренностью подумалъ, что въ самомъ дѣлѣ для него высшимъ счастьемъ было бы поселиться съ Надей на небольшомъ участкѣ земли, построить виллу, сажать цвѣты. «Къ чему эта мишура, министры, рѣчи, аудіенціи? Если я и стремился ко всему этому прежде, то имѣлъ этого достаточно, дальше идти некуда, какая еще можетъ быть карьера и зачѣмъ она мнѣ?»

Несмотря на горячую ванну, зубы у него стучали. Онъ опять все мысленно перебралъ, обстоятельнѣе, точнѣе: «нѣтъ, т а к о г о ничего нѣтъ, даже если начнутъ съ «Опомнитесь, безстыдники!» Могутъ погубить только если о н ъ захочетъ погубить. Но вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего новаго! И они въ опалѣ тоже не со вчерашняго дня, меня однако не трогали»... Весьма важенъ былъ вопросъ, какъ московскія событія отразятся на положеніи народнаго комиссара. О немъ тоже можно было разсуждать разно: съ одной стороны, по одной комбинаціи партійныхъ, служебныхъ и, главное, личныхъ отношеній, у народнаго комиссара все какъ будто было въ полномъ порядкѣ; но съ другой стороны, по другой комбинаціи, этого никакъ нельзя было сказать. Кангаровъ подумалъ и о прочихъ своихъ товарищахъ по вѣдомству. Положеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ было хуже его собственнаго. Это немного его успокоило.

Онъ вышелъ изъ ванны и, завернувшись въ простыню, сталъ говорить по телефону. Говорилъ онъ необыкновенно бодрымъ голосомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и отвѣчали ему тоже какъ ни въ чемъ не бывало и тоже необыкновенно бодрымъ голосомъ. Никакой рѣчи о московскихъ событіяхъ не было, — Кангаровъ лишь вскользь задалъ вопросъ о здоровьи народнаго комиссара и тутъ же подумалъ, что благоразумнѣе было бы теперь такого вопроса не задавать. Народный комиссаръ, какъ оказалось, былъ вполнѣ здоровъ. Разговоръ этотъ успокоилъ Кангарова.

«Нѣтъ, при чемъ же тутъ я?» — рѣшилъ онъ и сталъ одѣваться. Изъ другой телефонной бесѣды выяснилось, что дѣла очень много и что ему, вѣроятно, придется съѣздить въ Амстердамъ. Это тоже его утѣшило: очевидно, никто и не думаетъ, что въ его положенiи произошла перемѣна. Когда пришла Надежда Ивановна, Кангаровъ былъ уже спокоенъ. Увидѣвъ ее, онъ опять почувствовалъ, что все остальное не такъ важно: лишь бы она находилась тутъ и вотъ такъ говорила: «Чудный городъ, чудный, но наша Москва, право, лучше!» Онъ одобрительно кивалъ головой.

Затѣмъ начались работа, дѣловые завтраки, прiемы. Никакихъ тревожныхъ событiй не было; грозу, очевидно, пронесло. Въ своемъ кругу они даже вскользь, очень осторожно, обсуждали событiя, — «кто бы могъ ждать отъ людей такого паденiя?» А еще черезъ нѣсколько дней Кангарову пришлось выѣхать въ Амстердамъ. Взять съ собой туда Надежду Ивановну онъ никакъ не могъ и, уѣзжая, поручилъ ее Тамарину. «Съ нимъ, по крайней мѣрѣ, можно быть спокойнымъ: не будетъ никакой хамской выходки», — подумалъ Кангаровъ и шутливо добавилъ: «Вы, ваше превосходительство, Командармъ Ивановичъ, держите ее строго, въ случаѣ чего въ уголъ ставьте». Надя сдѣлала дѣтское лицо. «Я его живо отошью», — подумала она

Отшивать командарма однако оказалось совершенно ненужнымъ. Къ большой радости Надеж-

ды Ивановны, онъ тотчасъ ей сказалъ, что по утрамъ работаетъ, а съ семи часовъ вечера «весь къ ея услугамъ». Надя цѣлыми днями бѣгала одна по Парижу, осматривала по путеводителю разные кварталы города, достопримѣчательности, музеи. На каждомъ шагу останавливалась передъ витринами магазиновъ, вздыхала, составляла всякій разъ новые бюджетные планы и нерѣшительно входила въ магазинъ. Но чѣмъ больше вещей она пріобрѣтала, тѣмъ яснѣе становилась необходимость покупать еще. «Бездонная бочка, тутъ и сотни тысячъ уйдутъ незамѣтно, бѣда», — сокрушенно думала Надежда Ивановна. Сотенъ тысячъ у нея не было.

Все въ Парижѣ нравилось ей чрезвычайно: улицы, зданія, музеи, и особенно Galeries Lafayette. Она съ чувствомъ обиды видѣла, что московское съ этимъ нельзя сравнивать, и радовалась, когда вдругъ находила что-либо такое, что въ Москвѣ было лучше. Такъ, парижская подземная дорога не была облицована мраморомъ, и это было очень пріятно; но было бы еще много пріятнѣе, если-бъ въ Парижѣ вообще не оказалось подземной дороги. «А что у нихъ она въ десять разъ длиннѣе, то вѣдь соціалистическое строительство началось всего такъ недавно», думала она и, встрѣчаясь съ Тамаринымъ, неизмѣнно, съ задоромъ (хоть онъ нисколько не спорилъ), говорила: «да, да, очень много интереснаго, но у насъ гораздо лучше, гораздо!» — «Многое, конечно», — поспѣшно соглашался Тамаринъ. — «Не многое, а рѣшительно все».

Въ Россіи все было гораздо лучше потому, что тамъ была своя жизнь: хоть гадко, но весело. Въ Москвѣ въ Надежду Ивановну влюблялись четыре раза серьезно и семь разъ такъ. Молодые люди приставали къ ней съ безкорыстнымъ нахальствомъ мухи: знаетъ, что тотчасъ сгонятъ, если сядетъ на носъ, и все-таки лѣзетъ. Сама Надя была тоже влюблена два раза, — не то, чтобы ужъ очень, но влюблена. «Если-бъ хотѣла выйти замужъ, то въ два счета: Сашкѣ Павловскому достаточно было бы мигнуть, — онъ сошелъ бы съ ума отъ радости». Здѣсь никто, кромѣ старичковъ («положительно, это трагедія!»), не сходилъ съ ума отъ любви къ Надеждѣ Ивановнѣ. Сослуживцы, точно на зло, оказались люди непріятные или ужъ очень безобразные, какъ Эдуардъ Степановичъ. Надежда Ивановна, вслѣдъ за другими женщинами, нерѣшительно говорила, что для мужчины красота никакого значенія не имѣетъ; въ дѣйствительности, ей нравились только красивые мужчины, но она это тщательно скрывала, какъ черту постыдную и ненормальную. Все же Эдуардъ Степановичъ явно злоупотреблялъ мужскимъ правомъ быть некрасивымъ. Съ «европейцами» же Надежда Ивановна не познакомилась, и тайныя надежды ея не сбылись: европейцы у ея ногъ не толпились. «Нѣтъ, они тутъ прозябаютъ, задыхаются въ своемъ богатствѣ, а у насъ строится новая жизнь»... Она горько сожалѣла, что добивалась и добилась продолжительной командировки заграницу: дни текли нерадостно, ей

казалось, что она дурнѣетъ, одну ночь она проплакала безъ всякой видимой причины: жизнь уходитъ, безъ людей вездѣ тоска. Она и отъ самой себя скрывала, что ей очень скучно въ этомъ прославленномъ Парижѣ.

Тамаринъ заходилъ за Надеждой Ивановной въ семь часовъ. Они вмѣстѣ обѣдали, затѣмъ отправлялись въ театръ, въ кинематографъ или въ кофейню. Разговоры командарма были скучноваты, но уютно-скучноваты; можно было вдобавокъ не очень слушать: если она отвѣчала невпопадъ, онъ, въ отличіе отъ Кангарова, требовавшаго къ своимъ рѣчамъ напряженнаго вниманія, не обижался, — даже тогда, когда она въ серединѣ его разсказа внезапно вставляла соображенія о томъ, настоящій ли котикъ у дамы за сосѣднимъ столомъ. Между тѣмъ и въ кофейню, и въ театръ удобнѣе было ходить въ обществѣ мужчины, притомъ столь осанистаго, воспитаннаго стараго человѣка. Наденька думала, что ихъ всѣ принимаютъ за отца и дочь. Это ее забавляло; она невольно и обращаться стала съ Тамаринымъ почти такъ, какъ съ отцомъ. Вотъ только платила она всегда за себя сама. Это правило Надежда Ивановна установила съ перваго же ихъ посѣщенія кофейни, — Тамаринъ тогда даже вспыхнулъ: «Что вы, какъ вамъ не совѣстно?» Но Надя настояла на своемъ: такъ было удобнѣе, да и денегъ, она догадывалась, у командарма было не очень много. Со второго дня они сговорились «разъ навсегда»: вездѣ пла-

тилъ Тамаринъ, а Надежда Ивановна затѣмъ ему отдавала свою часть, причемъ, принимая деньги, онъ всегда конфузился и старался произвести разсчетъ такъ, чтобы на ея долю выходило меньше. — «Нѣтъ, еще по крайней мѣрѣ франкъ, вы начая не считаете, Константинъ Александровичъ». — «Какой пустякъ! Неужели вамъ не стыдно?» — «Нисколько не стыдно».

Вначалѣ Тамаринъ, по восемнадцатилѣтней привычкѣ, разговаривалъ съ Надеждой Ивановной сдержанно и осторожно, какъ со всѣми. Потомъ сталъ нѣсколько откровеннѣе, особенно, когда узналъ, что Надя — дочь профессора, что у нихъ было небольшое имѣніе и что ея отецъ былъ дворянинъ (она какъ-то вскользь шутливо объ этомъ упомянула). Все это рѣшительно ни въ чемъ никакой гарантіи не давало. Но общее впечатлѣніе Тамарина отъ Наденьки было таково, что понемногу онъ сталъ смѣлѣе: прежде упоминалъ о начальствѣ не иначе какъ съ достойно-серьезнымъ видомъ, потомъ — съ легкой улыбкой, которую можно было понимать разно, а еще позднѣе заговорилъ почти откровенно: ясно почувствовалъ, что эта не донесетъ. Сталъ разсказывать ей и о прошломъ, о своей прежней жизни, о своихъ родителяхъ. Надя слушала безъ особаго интереса, но не безъ любопытства: приблизительно такъ, какъ могла бы читать «Домострой» или лѣтопись Нестора.

Когда Кангаровъ вернулся, Надежда Ивановна съ преувеличеннымъ жаромъ ему сообщила, что командармъ о ней заботился прямо какъ

родной: «Удивительно милый старикъ, удивительно!» Въ знакъ признательности, Кангаровъ пригласилъ Тамарина на свой обѣдъ. «Да, онъ очень достойный человѣкъ и прекрасный безпартійный спецъ»...

XIII.

Тамаринъ тоже былъ доволенъ Надеждой Ивановной. До ея пріѣзда ему случалось проводить по нѣсколько дней подрядъ, не разговаривая ни съ кѣмъ, кромѣ лакеевъ и лавочниковъ. Это, впрочемъ, его почти не тяготило. Много лѣтъ онъ не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ теперь въ Парижѣ: ежедневно благословлялъ Бога за то, что досталась командировка, и съ ужасомъ думалъ, что, быть можетъ, скоро придется вернуться въ Москву. При всей своей честности и служебной добросовѣстности, онъ, самъ почти того не замѣчая, немного затягивалъ работу, для которой былъ командированъ.

Вставалъ онъ въ шесть часовъ утра и часа полтора работалъ дома натощакъ, — чай готовить по его системѣ было тутъ невозможно, да во Франціи надо пить кофе. Обычно онъ завтракалъ въ кофейнѣ, отчасти изъ экономіи — въ гостиницѣ дороже, — отчасти потому, что утренняя прогулка по Парижу доставляла ему большое удовольствіе. Въ восьмомъ часу выходилъ изъ дому и направлялся въ боковую улицу, къ писчебумажной лавкѣ. Газеты можно было ку-

пить и ближе, но писчебумажная лавка казалась ему болѣе надежной: кромѣ французской газеты, онъ покупалъ русскую, эмигрантскую, и это удобнѣе было дѣлать внутри лавки, чѣмъ въ кіоскѣ на улицѣ. Клалъ газеты въ карманъ такъ, что видна была только французская, и отправлялся въ кофейню, всегда одну и ту же. Тамъ его уже знали въ лицо. Гарсонъ, особенно привѣтливый въ этой кофейнѣ, послѣ радостно-пѣвучаго «Bonjour, Monsieur», не спрашивая заказа, приносилъ ему кофе и корзинку съ круассанами, и самъ уже зналъ, сколько надо налить кофе, сколько молока. При этомъ обычно говорилъ «Fait beau aujourd'hui, hein?» или что-нибудь такое. Никто здѣсь не зналъ ни его имени, ни національности, ни положенія, и Тамаринъ понималъ, что, если онъ скоропостижно умретъ въ кофейнѣ, то и привѣтливая хозяйка, и привѣтливый гарсонъ нисколько не огорчатся, — развѣ только пожалѣютъ, что стало однимъ кліентомъ меньше. Но въ самыхъ формахъ этихъ, въ радостныхъ улыбкахъ, въ «Fait beau aujourd'hui» была человѣческая привѣтливость, отъ которой онъ совершенно отвыкъ въ Москвѣ. Люди здѣсь были равнодушны, но не отравляли другъ другу жизни, не доносили, не служили секретными сотрудниками полиціи.

Въ кофейнѣ онъ оставался съ полчаса и всегда удивлялъ гарсона тѣмъ, какъ, читая, развертывалъ газету: на столѣ видна была только небольшая часть газетнаго листа, а ужъ заглавія никто прочесть не могъ бы. Непріятностей съ

нимъ никогда не было, знакомыхъ онъ въ кофейнѣ ни разу не встрѣчалъ, шпіоновъ тутъ ждать не приходилось, но такъ поступать было благоразумнѣе. Русскую газету онъ читалъ съ удовольствіемъ, — это стало привычкой, отъ которой, онъ зналъ, въ Москвѣ будетъ отучиться нелегко. Буква ять и твердый знакъ вначалѣ его поразили: онъ и умилялся — пахнуло старой жизнью — и разсердился: «Какая оторванность у этихъ людей!..» Собственно, изъ того, что въ газетѣ писалось о Россіи, три четверти было правдой; командармъ Тамаринъ отъ себя могъ бы еще немало прибавить такого, чего люди, писавшіе въ эмигрантскихъ газетахъ, не знали и знать не могли. И все-таки чтеніе его раздражало: «Нѣтъ, эти люди многаго не понимаютъ, то, да не то, чего-то эдакого имъ не хватаетъ», — говорилъ онъ себѣ, хоть едва ли могъ бы объяснить, чего именно не хватало этимъ людямъ. «Эдакая оторванность, — эмигрантщина, да. Все же читать интереснѣе, чѣмъ то, что пишутъ у насъ»... Но онъ самъ не вполнѣ былъ увѣренъ, гдѣ для него собственно «у насъ», и, бодрясь, только говорилъ мысленно: «Да, односторонни, узки... Нельзя же все эдакъ-то»...

Напившись кофе, Тамаринъ оставлялъ деньги на столикѣ (въ первые дни его изумляло, что это можно дѣлать спокойно: никто денегъ не стащитъ), гулялъ по улицамъ лѣваго берега или по Люксембургскому саду, затѣмъ, когда было совершенно необходимо, отправлялся по служебнымъ дѣламъ, — большую часть своей

работы дѣлалъ дома. Въ двѣнадцатомъ часу обычно возвращался въ гостиницу; онъ жилъ все въ той же гостиницѣ, въ которую попалъ въ день пріѣзда въ Парижъ. Его комнату убирали рано; вернувшись, онъ тотчасъ вновь садился за пишущую машину. Завтракалъ очень легко въ своемъ номерѣ, — кусокъ ветчины, сухарь, — незачѣмъ полнѣть. Въ пять часовъ, закончивъ трудовой день, снова гулялъ, съ удовольствіемъ чувствуя наростаніе аппетита. Обѣдалъ плотно то въ одномъ, то въ другомъ ресторанѣ изъ не очень дорогихъ и всегда выпивалъ полбутылки хорошаго бордосскаго вина: эту роскошь (да еще покупку книгъ по военнымъ вопросамъ) Тамаринъ себѣ разрѣшалъ: «Въ Москвѣ такого вина не найдешь, а за кислятину платить разъ въ десять дороже». Нерѣдко отправлялся въ кинематографъ или въ какой-либо легкій, немудреный театръ, — «безъ претензій, мило и весело, какъ умѣютъ французы».

Чаще впрочемъ онъ сидѣлъ по вечерамъ дома. Съ полчаса рѣшалъ крестословицы, — тоже изъ эмигрантскихъ изданій: французскія рѣшать было очень трудно, хоть онъ недурно зналъ французскій языкъ. Иногда раскладывалъ пасьянсъ, — обычно загадывалъ, долго ли продлится командировка. Въ винтъ играть было не съ кѣмъ; это составляло немалое лишеніе. Иногда, вмѣсто пасьянса, Тамаринъ читалъ книги, и не только Клаузевитца. Рѣшилъ перечитать въ Парижѣ классиковъ, купилъ украдкой — въ эмигрантскомъ магазинѣ — шеститомное эмигрантское

изданіе Пушкина. — «Что-жъ, Пушкина гдѣ угодно можно купить... Экъ однако скверно издали!» — подумалъ онъ, тоже съ нѣкоторой радостью, какъ Надежда Ивановна. Многое очень ему понравилось, особенно «Дубровскій» и «Повѣсти Бѣлкина»; но и то, чѣмъ онъ въ душѣ не слишкомъ восторгался, Тамаринъ читалъ съ удовлетвореніемъ, вспоминая, какъ впервые это прочелъ полвѣка тому назадъ, — «да можетъ съ тѣхъ поръ и не читалъ. Въ этомъ-то главная прелесть классиковъ... Не говоря, конечно, объ ихъ достоинствахъ»...

Случалось, за книгой онъ думалъ о другомъ, о своихъ дѣлахъ. Если-бы твердо знать, что командировка затянется надолго, можно было бы снять комнату съ кухней и ванной, купить радіоаппаратъ и новую пишущую машину. Прожить бы такъ въ Парижѣ остатокъ дней, спокойно, занимаясь полезнымъ для русской арміи трудомъ, не дѣлая низостей, не подписывая гнусныхъ телеграммъ, никому почти не угождая (чуть-чуть угождать впрочемъ иногда приходилось и здѣсь). Только передъ самой смертью, такъ недѣли за двѣ, когда уже нечего опасаться, вернуться бы домой, чтобы умереть въ Петербургѣ, гдѣ родился. И какъ разъ тогда, когда онъ объ этомъ думалъ, Тамаринъ, съ сильнымъ, ему самому непонятнымъ, волненіемъ прочелъ у Пушкина: «Онъ сказалъ мнѣ: «будь покоенъ, — Скоро, скоро удостоенъ — Будешь царствія небесъ, — Скоро странствію земному —

Твое́му придетъ конецъ. — Ужъ готовитъ ангелъ смерти — Для тебя святой вѣнецъ»...

Просьба Кангарова «взять подъ свое покровительство» молоденькую секретаршу вначалѣ была не слишкомъ пріятна Тамарину: онъ свыкся со своей парижской жизнью, ничего въ ней мѣнять не хотѣлось. Но дѣвочка оказалась очень милой и скоро внушила ему ласковыя, почти нѣжныя чувства, смѣшанныя съ жалостью: «они вѣдь всѣ настоящей жизни и не видѣли, отъ рожденія обижены Богомъ. А умненькая и способная».

Въ день своего обѣда Кангаровъ, который долженъ былъ до того побывать «у французовъ», просилъ Тамарина заѣхать за Надей и привезти ее въ ресторанъ: «Ей, бѣдняжкѣ, одной боязно. Пожалуйста, ваше превосходительство, возьмите автомобиль за мой счетъ». — «Съ удовольствіемъ привезу Надежду Ивановну», — отвѣтилъ, покраснѣвъ, Тамаринъ.

Заѣхалъ онъ за Надеждой Ивановной во фракѣ, что̀ было ужъ слишкомъ парадно для обѣда въ ресторанѣ. Послѣ того, какъ бюджетъ Тамарина въ Парижѣ опредѣлился окончательно, онъ подсчиталъ, что можетъ истратить на гардеробъ до трехъ тысячъ франковъ; заказалъ себѣ хорошій костюмъ, д е м и с е з о н н о е пальто, которое, по своей демисезонности, могло во Франціи годиться на всѣ времена года, и фракъ. На визитку и смокингъ денегъ не хватало. Сознаніе того, что онъ теперь хорошо, или, по крайней

мѣрѣ, прилично, одѣтъ, доставило Тамарину немалое удовлетвореніе. До войны онъ въ Россіи изъ штатскаго платья носилъ только охотничій костюмъ; но имѣлъ пиджаки и фракъ для поѣздокъ заграницу и съ улыбкой вспоминалъ, какъ по привычкѣ по дорогѣ на вокзалъ прикладывалъ руку къ отсутствующему козырьку. Послѣ революціи онъ пріобрѣлъ привычку къ штатскому платью, однако своего фрака ни разу въ Москвѣ не надѣвалъ, да едва ли и могъ бы надѣть; называлъ его допотопнымъ — и думалъ, что это слово тутъ почти вѣрно даже въ буквальномъ смыслѣ. Передъ отъѣздомъ онъ колебался, взять ли фракъ съ собой, попробовалъ надѣть и только вздохнулъ: борты не сходились, застегнуть было бы невозможно. Ему вспомнилась и поразила безсмысленностью словъ пѣсенка: «мой старый фракъ, не покидай меня». Старый фракъ былъ въ Москвѣ проданъ. Новый, сшитый въ Парижѣ, — «второй въ жизни и послѣдній» — онъ впервые надѣлъ для кангаровскаго обѣда. Опасаясь, какъ бы чего не напутать, послѣ двадцати пяти лѣтъ, онъ за два дня до того нарочно пошелъ въ оперу и присмотрѣлся, какъ у людей, затѣмъ купилъ все новое: рубашку, запонки, галстухъ. Оказалось, что галстухи теперь носили другіе, какіе-то сложные, какихъ въ его время не было: несмотря на снисходительныя объясненія приказчика, онъ и завязалъ этотъ новаго типа галстухъ лишь съ большимъ трудомъ. Когда туалетъ былъ законченъ, Тамаринъ передъ зеркаломъ пошатывавшагося шкафа, съ

нѣкоторымъ чувствомъ жалости къ самому себѣ, улыбнулся своему удовлетворенію: «точно юноша», — такъ онъ почти полвѣка тому назадъ любовался собой, впервые надѣвъ великолѣпный гвардейскій мундиръ.

Въ новенькомъ фракѣ онъ былъ, хоть по старчески, чрезвычайно представителенъ и осанистъ. «Господи, какъ вы ослѣпительны, Константинъ Александровичъ!» — сказала Надежда Ивановна. — «Ужасно вамъ идетъ, уж-жа-асно! Прямо восторгъ!» Онъ смущенно улыбался. «Я что? А вотъ вы, да!» Наденька тоже была хорошо одѣта или, по крайней мѣрѣ, такъ ему показалось. Онъ не зналъ, сколько безпокойства и волненія у нея изъ-за этого было: ей-то и справиться было не у кого. Кангаровъ только сказалъ: — «Ты у меня, дѣтка, пріодѣнься, ну тамъ всякіе фигли-мигли, что полагается, помни, что это первый ресторанъ въ Парижѣ, т. е. въ мірѣ. И Вермандуа будетъ», — небрежно добавилъ полпредъ, — «знаешь, знаменитый писатель: чуть что не такъ, онъ сейчасъ же замѣтитъ, высмѣетъ, да еще въ романѣ тебя изобразитъ». Надежда Ивановна сдѣлала наивно-испуганное лицо. Ея бесѣды съ Кангаровымъ въ послѣднее время сводились главнымъ образомъ къ несложной мимикѣ. Она сама думала, что эта мимика стала въ концѣ концовъ просто глупой. «Но зато очень удобно».

Въ этотъ день Надежда Ивановна, послѣ долгихъ и мучительныхъ колебаній выщипала себѣ

брови; ей было очень совѣстно, вдобавокъ, она не знала, какъ къ этому отнесутся. Къ нѣкоторой ея досадѣ, Тамаринъ совершенно не замѣтилъ новшества: былъ очень смущенъ, когда она, не вытерпѣвъ, сама ему объ этомъ сообщила. — «Нѣтъ, я нисколько не сержусь», — смѣясь, говорила Надя, въ отвѣтъ на его сконфуженныя слова, — «до того ли вамъ, Константинъ Александровичъ»... — «Правда, не сердитесь? Но, милая, зачѣмъ же вы это сдѣлали? У васъ были очаровательныя брови». — «Да, да, такъ я вамъ теперь и повѣрю, что вы помните, какая я вообще. Но я еще и другое безуміе сдѣлала! Меня надо связать». — «Что такое?» — «Да вотъ купила»... — она вынула изъ сумки эмалевую коробочку, — «vanity case». — «Что?» — «Vanity câse, такъ это называется». Тамаринъ смѣялся. — «Вотъ такъ всегда: какой-нибудь острякъ выдумаетъ странное выраженіе, а затѣмъ оно пріобрѣтаетъ право гражданства, и странности больше никто не замѣчаетъ. Такъ было и съ «адской машиной». Сто лѣтъ тому назадъ»... Адская машина не интересовала Надежду Ивановну.

По непривычкѣ къ передвиженію въ автомобиляхъ, не разсчитавъ разстоянія и времени, они подъѣхали къ ресторану за полчаса до обѣда. Человѣкъ въ ливреѣ бросился имъ навстрѣчу. Надежда Ивановна вышла, волнуясь. Тамаринъ взглянулъ на часы и предложилъ зайти въ кофейню рядомъ, а то ждать долго въ кабинетѣ

будетъ неловко. Надя тотчасъ согласилась; отсрочка была ей пріятна: она очень робѣла.

Въ кофейнѣ они, какъ всегда, бесѣдовали мило и не хитро. Командармъ разсказывалъ о своей работѣ (она въ этотъ день шла особенно удачно) и привелъ цитату изъ Клаузевитца. Надежда Ивановна, не слушая, поддакивала, изрѣдка вставляя: «Неужели? Какъ интересно!», и наудачу широко раскрывала глаза. Ея вниманіе занималъ одинъ красивый человѣкъ, сидѣвшій рядомъ съ ними. На видъ ему было лѣтъ двадцать восемь или тридцать, но Надеждѣ Ивановнѣ почему-то казалось, что онъ старше. «Французъ? Нѣтъ, не французъ. Скорѣе англичанинъ...» Ей не приходило въ голову, что это можетъ быть русскій. Онъ тоже на нее посмотрѣлъ и, встрѣтившись съ ней взглядомъ, углубился въ вечернюю газету; однако еще раза два отъ газеты отрывался и бросалъ бѣглый взглядъ въ ея сторону. Минутъ черезъ десять онъ взглянулъ на часы, явно нехотя всталъ, положилъ деньги на подставку бокала. Въ проходѣ между столиками онъ нечаянно задѣлъ локтемъ Тамарина и сказалъ по русски: «Виноватъ, извините, пожалуйста». Командармъ отъ неожиданности вздрогнулъ, Надя тоже почему-то испугалась. Молодой человѣкъ у двери снова на нее оглянулся. «Кажется, мы ничего эдакого не говорили?» — съ улыбкой, не безъ смущенія, спросилъ Тамаринъ. — «Конечно, нѣтъ. Вы думаете, это бѣлогвардеецъ?». — «Ужъ во всякомъ случаѣ, не совѣтскій», — смѣясь, сказалъ

командармъ, — «и одѣтъ не такъ, и что-то у нихъ есть такое-эдакое»... — «Терпѣть ихъ не могу», — заявила Надежда Ивановна. — «Да, у нихъ у всѣхъ сказывается, знаете, оторванность... Оторванность»... — поспѣшилъ замѣтить Тамаринъ, — «я, впрочемъ, никого изъ нихъ не знаю».

XIV.

Хозяинъ карусели зазывалъ публику. Дѣти, волнуясь, размѣщались на лошадкахъ, свиньяхъ, барашкахъ съ высунутыми языками. Матери и няньки давали послѣднія наставленія: не высовываться, держаться за шесты. Мальчикъ съ рѣшительнымъ видомъ сѣлъ въ лодочку воздушнаго шара. Крошечная дѣвочка, сестра, съ ужасомъ на него смотрѣла. Заиграла, неизвѣстно откуда шедшая, музыка, карусель завертѣлась. Дѣти, проносясь мимо Вислиценуса, хмуро-рѣшительно держали поводья и рули. Два ѣздока рядомъ скакали на барашкахъ: одинъ взлеталъ, когда опускался другой. Карусель, дойдя до отпущенной ей предѣльной скорости, — вездѣ стоялъ крикъ и визгъ — стала замедлять ходъ. Музыка замолчала. Карусель остановилась. Визгъ прекратился. Дѣти, кто съ гордостью, кто съ огорченіемъ на лицѣ, сходили съ барашковъ, свиней, автомобилей. Передъ Вислиценусомъ были облѣзшіе черные звѣри.

XV.

Обѣдъ Кангарова устроился случайно. Людямъ, которые могли обѣдомъ интересоваться, онъ говорилъ, что долженъ оказать любезность одному международному финансисту: «съ волками жить, по волчьи выть» (эту фразу ему приходилось повторять въ послѣднее время весьма часто). Финансистъ-волкъ велъ переговоры объ очень большой сдѣлкѣ, Кангаровъ къ нимъ прямого отношенія не имѣлъ, но его изъ другого вѣдомства просили помочь; именно для этого дѣла онъ и пріѣхалъ въ Парижъ. Заграницей большія дѣла начинались, обсуждались и рѣшались въ дорогихъ ресторанахъ. Финансистъ кормилъ Кангарова въ Парижѣ и въ Амстердамѣ, теперь надо было отвѣтить обѣдомъ въ его честь. Въ домѣ финансиста посолъ познакомился съ Вермандуа и тотчасъ его пригласилъ, взявъ внезапностью натиска. Нельзя было не позвать знаменитаго адвоката Серизье, который принялъ на себя трудъ юридическаго оформленія дѣла. Заодно была приглашена одна очень знатная графская чета. Хуже были остальные гости. Надежду Ивановну Кангаровъ позвалъ потому, что хотѣлъ побаловать дѣтку, — «и все-таки неловко, чтобы та дура была единственной дамой», — пояснилъ онъ самъ себѣ, разумѣя графиню. Тамарина слѣдовало отблагодарить за вниманіе къ Наденькѣ; командармъ, человѣкъ осанистый, хорошо говорившій по французски, вдобавокъ бывшій царскій генералъ, явно не могъ ничего

испортить. Что до доктора Зигфрида Майера, то онъ чуть не самъ назвался на обѣдъ, также использовавъ прiемъ внезапной аттаки. Съ этимъ человѣкомъ, прежде въ Германiи влiятельнымъ и важнымъ, Кангаровъ въ свое время поддерживалъ самыя добрыя отношенiя, часто съ нимъ встрѣчался на разныхъ конференцiяхъ, бывалъ у него въ домѣ. Теперь Зигфридъ Майеръ оказался въ эмиграцiи и, повидимому, нуждался. Отказать ему въ просьбѣ Кангаровъ не считалъ достойнымъ, — «нельзя быть свиньей», — докторъ Майеръ къ тому же ссылался и на дѣло: ему чрезвычайно нужно было познакомиться съ Вислиценусомъ, о прiѣздѣ котораго въ Парижъ ему стало извѣстно.

Услышавъ имя Вислиценуса, Кангаровъ насторожился. Звать на обѣдъ человѣка изъ «Люкса» ему очень не хотѣлось. Однако и уклониться тоже было неудобно: «если у нихъ есть дѣло, еще скажутъ, что я его сорвалъ!..» О положенiи Вислиценуса въ Москвѣ ходили разные слухи: одни говорили, что онъ въ большой милости; другiе увѣряли, что его карьера кончена. И то, и другое было возможно. Однако, по нѣкоторымъ намекамъ, шедшимъ отъ людей особенно освѣдомленныхъ, Кангаровъ былъ склоненъ думать, что положенiе Вислиценуса пошатнулось. «Лучше бы не приглашать. Вообще, этотъ обѣдъ растетъ какъ лавина», — недовольно подумалъ посолъ и все же, поколебавшись, рѣшилъ исполнить просьбу Майера. «Но больше ни души не звать, довольно»... Онъ дѣлалъ видъ, будто

устраиваетъ обѣдъ лишь по крайней необходимости. Въ дѣйствительности, Кангаровъ былъ по природѣ очень гостепріименъ. Кромѣ того, послѣ недавнихъ, еще не вполнѣ отпавшихъ, волненій, ему хотѣлось разсѣяться, — «забыться», какъ онъ говорилъ Надеждѣ Ивановнѣ, не указывая впрочемъ причины волненія, — «эхъ, все трынъ-трава»... Приготовленія къ обѣду его въ самомъ дѣлѣ разсѣяли. Нѣкоторая разнородность общества его не смущала: давно убѣдился въ томъ, что съ этими графинями церемониться незачѣмъ, и любилъ даже повторять вычитанныя имъ въ газетѣ слова лорда Китченера: «У меня въ жизни были два страшныхъ врага: африканскіе комары и свѣтскія дамы».

Когда управляющій рестораномъ показалъ ему проектъ меню, Кангаровъ съ удовлетвореніемъ сказалъ: «Ça va, ça va» и лишь велѣлъ отмѣнить коктэйли, а вмѣсто нихъ подать пятидесятилѣтній хересъ, изъ особаго запаса, ошеломляющій и по цѣнѣ, и по дѣйствію. «По крайней мѣрѣ, будетъ весело». Онъ зналъ по опыту, что на самыхъ серьезныхъ дѣловыхъ и политическихъ обѣдахъ ходъ и успѣхъ переговоровъ — не въ главномъ, разумѣется, а въ существенныхъ подробностяхъ, — часто зависитъ отъ того, создадутъ ли обстановка и особенно вино хорошее, благожелательное настроеніе. На этомъ обѣдѣ, впрочемъ, дѣловой бесѣды не предвидѣлось: съ финансистомъ уже почти все было обсуждено и рѣшено; слѣдовало лишь закрѣпить добрыя отношенія.

Кангаровъ пріѣхалъ въ ресторанъ минутъ за десять до назначеннаго времени, на случай, если-бъ кто-либо изъ приглашенныхъ явился рано. Въ сопровожденіи управляющаго и мэтръ-д'отеля, онъ прошелъ въ заказанный кабинетъ, окинулъ столъ хозяйскимъ взглядомъ и остался очень доволенъ. Все было отлично. На маленькомъ столикѣ стыли въ ведрѣ со льдомъ шампанское и рейнвейнъ. Икра была не черная, а сѣрая, съ крупнымъ зерномъ, та самая, которую онъ особенно любилъ. Бутылка хереса была такъ запылена, точно ее послѣ пятидесяти лѣтъ только что выкопали изъ земли. Управляющій и мэтръ-д'отель принимали послѣднія распоряженія, почтительно добавляя: «Oui, Votre Excellence», «Oui, Monsieur l'Ambassadeur»... Дверь отворилась и въ кабинетъ вошла Надежда Ивановна, въ сопровожденіи командарма Тамарина. Она показалась Кангарову ослѣпительно красивой. «Положительно влюбленъ, влюбленъ, какъ мальчишка!..» Въ отличіе отъ Тамарина, онъ тотчасъ замѣтилъ революцію въ лицѣ дѣтки, замеръ отъ восторга и погрозилъ ей пальцемъ. Но Надя даже не улыбнулась въ отвѣтъ, — такъ она была взволнована. «Буржуевъ испугалась!» — презрительно ругнула она сама себя. Глаза у нея разбѣгались. Столъ, длинный и узкій, какъ и кабинетъ, былъ убранъ ослѣпительно. «Съ кѣмъ меня посадятъ? Вотъ бы хорошо, если-бъ со своими!.. А тамъ за второй дверью что?» Въ кабинетъ, кромѣ небольшой передней, выходила отдѣленная портьерой комнатка съ диваномъ.

«Вѣрно, тутъ устраиваются оргіи!» — съ жаднымъ любопытствомъ подумала Надежда Ивановна. На стѣнахъ были зеркала; Надя еще въ передней увидѣла свое изображеніе въ зеркалѣ кабинета. «Нѣтъ, кажется, все какъ слѣдуетъ», — рѣшила она, довольная и бровями, и туалетомъ, и эмалевой коробочкой въ сумкѣ.

— Хороша, очень хороша, — ласково-небрежно сказалъ Кангаровъ. — Ай да мы! Шикъ, блескъ, иммеръ элегантъ... Честь имѣю кланяться, Командармъ Ивановичъ, спасибо вамъ. Ну-съ, что скажете объ испанскихъ дѣлишкахъ? Какъ-то нашъ Фердинандъ изворачивается?» — Тамаринъ началъ было излагать свои соображенія, но въ кабинетъ какъ разъ вошли Серизье и финансистъ. — «Вы намъ, Командармъ Ивановичъ, изложите все это за обѣдомъ, только, пожалуйста, по французски, говорить по русски строго воспрещается», — поспѣшно сказалъ, отходя отъ него, посолъ.

Онъ познакомилъ гостей и, представляя Тамарина, добавилъ: «одинъ изъ лучшихъ нашихъ генераловъ», — въ разговорѣ по французски можно было употребить и слово «генералъ». Финансистъ съ любопытствомъ взглянулъ на командарма. — «Мы какъ разъ говорили объ испанскихъ дѣлахъ». — «Я думаю, что послѣ взятія повстанцами Бадахоса»... — началъ снова Тамаринъ и запнулся: «кто же ихъ знаетъ, что это за люди?» — «Чрезвычайно интересно будетъ узнать мнѣніе большого совѣтскаго спеціалиста», — сказалъ поощрительно знаменитый адвокатъ.

Лицо финансиста ничего не выражало, но мысли его можно было безъ риска перевести такъ: «Да, взяли Бадахосъ, возьмутъ и все остальное, и перевѣшаютъ вашего брата, и слава Богу. Ну, а впредь до того, можно и дѣла дѣлать, и обѣдать, особенно если здѣсь». Надежда Ивановна старалась, скрывая волненіе, еще разъ заглянуть въ большое стѣнное зеркало, но такъ, чтобы никто не замѣтилъ этого постыднаго дѣйствія. — «Ахъ, подлецъ этакій, просто усташъ какой-то!» — со злобой подумалъ Кангаровъ: на порогѣ показался человѣкъ изъ «Люкса», въ нагломъ, рыжеватомъ, потертомъ пиджачкѣ, съ наглымъ, мягкимъ, цвѣтнымъ воротничкомъ. — «Этакій неучъ, свинья и хамъ!» — произнесъ мысленно посолъ, крѣпко, по товарищески, пожимая руку Вислиценусу.

XVI.

Въ это время Луи-Этьеннъ Вермандуа еще только выходилъ изъ своей квартиры. Работа его шла въ тотъ день довольно необычно. Романъ изъ древне-греческой жизни неожиданно получилъ новое направленіе. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ встрѣтилось съ Лисандромъ въ другой, гораздо болѣе выигрышной и правдоподобной обстановкѣ; это вышло какъ-то само собой, но для объясненія дѣйствующее лицо должно было совершить поступокъ, котораго оно первоначально не совершало; поступокъ этотъ, по размышленіи, оказал-

ся вполнѣ естественнымъ и чрезвычайно подходящимъ для дѣйствующаго лица; характеръ его становился гораздо болѣе жизненнымъ, дѣйствіе романа болѣе напряженнымъ, и весь романъ явно очень выигрывалъ. Въ совокупности, это могло называться вдохновеніемъ, и Вермандуа испыталъ нѣсколько минутъ истиннаго счастья. «Но какъ мнѣ это раньше не приходило въ голову? Впрочемъ, я тутъ собственно ни при чемъ: видно, и въ самомъ дѣлѣ герои художественныхъ произведеній живутъ самостоятельной жизнью, и то, что въ связи съ этимъ разсказываютъ о Флоберѣ, о Стендалѣ, о Толстомъ, не просто выдумка, пущенная въ обращеніе ихъ почтительными біографами, глубокомысленными критиками или, быть можетъ, ими самими».

Лисандромъ въ романѣ уже съ мѣсяцъ назывался Анаксимандръ; въ бѣловой рукописи не только вездѣ было вставлено новое имя, но первоначальное — старательно вымарано: почему-то Вермандуа было совѣстно, что Анаксимандръ сталъ Лисандромъ, — совѣстно передъ молодымъ секретаремъ, переписывавшимъ его романъ. «Какъ ему объяснить, что Лисандръ просто плохъ, тогда какъ Анаксимандръ былъ ужасенъ и невозможенъ?» Впрочемъ, то вообще, что онъ писалъ романы, независимо отъ ихъ достоинствъ и недостатковъ, вызывало у Вермандуа чувство смущенія и неловкости передъ всѣми: онъ самъ не зналъ, передъ кѣмъ больше, — передъ пишущими или передъ не-пишущими людьми, — и думалъ, что, напримѣръ, у музы-

кантовъ или у живописцевъ такихъ чувствъ нѣтъ и не должно быть.

Послѣ намѣченныхъ перемѣнъ мысли Лисандра стали еще болѣе мрачными, чѣмъ были раньше, и, къ сожалѣнію, выходило такъ, будто Лисандръ былъ очень хорошо освѣдомленъ о событіяхъ, происходившихъ въ Европѣ въ двадцатомъ столѣтіи, особенно послѣ войны. Вермандуа быстро сталъ записывать въ тетрадь перемѣны и новыя мысли, — теперь передѣлать надо было очень многое, а забыть такъ легко. Въ увлеченіи работой онъ не смотрѣлъ на часы и, когда ее кончилъ, оказалось, что до обѣда остается не болѣе двадцати минутъ. Проклиная себя, онъ сталъ поспѣшно одѣваться: «очень нужно было идти къ этому господину».

О Вермандуа недавно прошелъ въ Парижѣ слухъ, будто онъ вступилъ въ коммунистическую партію. Въ минуты, когда свѣтъ, издатели и то, что онъ уже называлъ, какъ другіе, «буржуазной литературой», становились ему особенно противны, Вермандуа говорилъ, что не сегодня-завтра окончательно примкнетъ къ коммунистамъ. Тонъ его былъ такой, точно онъ кому-то грозилъ. Впрочемъ, онъ отлично зналъ, что и друзья, и враги въ литературномъ мірѣ отнесутся къ этому вполнѣ равнодушно: «Avez-vous entendu la dernière de Vermandois?.. Elle est bonne, n'est-ce pas?..» Что до политическихъ дѣятелей, то они (это тоже зналъ), при всей своей почтительности къ нему, никогда его въ серьезъ не принимали.

Часто просили о предисловіяхъ къ сборникамъ ихъ рѣчей или статей, но и то лишь потому, что **une préface de Vermandois** все еще довольно высоко расцѣнивалась издателями: пятьсотъ лишнихъ экземпляровъ. Обычно онъ и не отказывалъ въ предисловіяхъ, причемъ хвалилъ внушавшіе ему отвращеніе сборники такъ неумѣренно, что не знавшіе его лично люди съ недоумѣніемъ пожимали плечами, а другіе политическіе дѣятели скоро къ нему обращались также съ просьбами о предисловіяхъ.

Въ партію онъ однако не вступилъ. Были многочисленные «за» и «противъ». — «Отдѣльный человѣкъ теперь совершенно безсиленъ», — говорилъ иногда въ обществѣ Вермандуа, — «въ мірѣ сейчасъ идетъ лишь одна борьба, и въ ней надо выбрать себѣ мѣсто на той или на другой сторонѣ. Оттѣнки не имѣютъ никакого значенія. У насъ на выборахъ всегда выступаетъ десять или пятнадцать по разному называющихся партій, причемъ главная правая партія носитъ названіе лѣвыхъ республиканцевъ, — все это пустыя слова. Такъ, лучшая улица Парижа называется полями, но никто вѣдь не думаетъ, что на ней сѣютъ пшеницу или пасутъ коровъ. Въ дѣйствительности, во Франціи всегда борются лишь двѣ партіи, представляющія реакцію и прогрессъ» (онъ невольно морщился, произнося эти слова). «И точно такъ же въ той великой борьбѣ, которая теперь идетъ въ мірѣ, вступившемъ въ періодъ соціальной революціи и соціальныхъ катастрофъ, совершенно безсмысленно

обольщаться словами и оттѣнками: хочешь служить дѣлу, — записывайся въ партію»...

Это было гласное «за». Но имѣло извѣстное значеніе и негласное «противъ». Дѣло было даже не въ происходившемъ въ Россіи террорѣ, который, вѣроятно, —кто ихъ разберетъ? — оправдывался необходимостью и на разстояніи въ тысячи километровъ не внушалъ Вермандуа особеннаго ужаса: казнь неизвѣстныхъ ему людей не могла волновать его больше, чѣмъ землетрясеніе на Мартиникѣ или холерная эпидемія въ Китаѣ. Гораздо хуже было то, что у коммунистовъ существовало твердое ученіе, не только обязательное для низовъ, — съ этимъ можно было бы примириться, — но вполнѣ серьезно признававшееся геніальнымъ и на верхахъ партіи. Вермандуа съ напряженіемъ прочелъ нѣсколько книгъ объ этомъ ученіи, освѣжилъ въ памяти еще нѣсколько другихъ, и со вздохомъ призналъ, что это — философія для кухарокъ. — «Что-жъ, и кухаркамъ нужна какая-нибудь философія, и, быть можетъ, смыслъ политической жизни заключается въ томъ, чтобы изъ нѣсколькихъ плоскихъ системъ избрать наименѣе плоскую или наиболѣе заразительную? Но я не кухарка, да и нѣтъ гарантіи, что наименѣе плоская система именно эта. Для общаго же быстраго поглупѣнія, для того, чтобы всѣ стали лакеями и кухарками, нынѣшняя нѣмецкая философія еще лучше: нѣмцы мастера непревзойденные»... Кромѣ того, онъ чувствовалъ, что, въ случаѣ вступленія въ партію, ему придется по меньшей мѣрѣ три раза въ годъ выступать на митингахъ, — нельзя вѣдь будетъ постоянно ограничиваться привѣтствен-

нымъ письмомъ, — придется посылать разныя телеграммы, хоронить знатныхъ покойниковъ. «Право, лучше подождать»... Вермандуа объявилъ кому слѣдовало, что пока не чувствуетъ себя вполнѣ созрѣвшимъ для столь важнаго дѣйствія. Сказалъ онъ это съ видомъ взволнованнымъ, проникновеннымъ и нѣсколько загадочнымъ, — именно такъ, какъ требовалось, — и слова его произвели сильнѣйшее впечатлѣніе.

Запонка вошла въ тугой воротничекъ свободно, легко завязались тесемки на туфляхъ (надѣвать туфли ему въ послѣднее время становилось все труднѣе), и ровно въ восемь Вермандуа вышелъ на улицу. Собственно можно было бы даже отправиться по подземной дорогѣ: опоздать минутъ на пятнадцать или на двадцать — не бѣда. Но ѣхать къ ресторану надо было съ пересадкой, ѣзда подъ землей, длинные корридоры съ лѣстницами очень его утомляли, — ничего не подѣлаешь, нужно потратиться на автомобиль. Вермандуа купилъ вечернюю газету и, садясь, пробѣжалъ ее: «все то же!» Франція предлагала другимъ державамъ обсудить вопросъ о невмѣшательствѣ и о локализаціи испанскаго конфликта. Это предложеніе, какъ сообщала газета, «оживленно обсуждалось въ политическихъ кругахъ всѣхъ столицъ Европы»... — «Нѣтъ, все-таки лучше, когда страной правятъ жулики. Есть особая порода благороднѣйшихъ людей, изъ-за которыхъ погибаютъ государства и происходятъ величайшія историческія катастрофы».

Разносчикъ, получая деньги, окинулъ мрачнымъ взглядомъ смокингъ Вермандуа. «Non, vous avez beau dire, c'est un fameux type, ce Hitler!» — сказалъ молодой человѣкъ рядомъ съ нимъ. «Да, въ самомъ дѣлѣ, по своему они правы. Если мы съ Лисандромъ ничего, кромѣ элегантнаго пессимизма, имъ предложить не можемъ, а декларація правъ человѣка пошла главнымъ образомъ на благо всевозможнымъ Стависскимъ, то они правы, что любятъ силу, грубость, наглость и плюютъ на все остальное... «Народъ радостно бросился въ рабство», «ruit in servitium», — вспомнилъ онъ слова Тацита, и съ досадой подумалъ, что память, вѣчно подсказывающая цитаты, отравляетъ ему жизнь: «Что-жъ дѣлать, все давно сказано. Но если-бъ память работала хуже, то у меня, какъ у людей невѣжественныхъ, была бы иллюзія «новаго слова». Точно есть новыя слова подъ солнцемъ!» — Онъ взглянулъ на небо. Солнца уже не было. Догоравшій закатъ поразилъ его, точно онъ впервые это увидѣлъ. — «Какъ бѣденъ языкъ самыхъ великихъ мастеровъ! Въ молодости я былъ увѣренъ, что можно и нужно придумывать для описанія этого еще какіе-то новые, вѣрные, настоящіе сравненія, образы, эпитеты, и ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ бы по новому описать закатъ, лѣсъ, море. Маніакъ! Всю жизнь прожилъ маніакомъ!..»

Ему пришли тѣ самыя мысли, которыя три тысячи лѣтъ одинаково приходятъ всѣмъ людямъ, умнымъ и глупымъ, ученымъ и невѣжественнымъ, при видѣ неба или кладбища. «Да, и это

испанское возстаніе, и все о чемъ сообщается въ газетахъ, теперь для меня имѣетъ не больше значенія, чѣмъ обѣдъ у этого господина, которому, кромѣ икры и ананасовъ, необходимъ еще «блескъ сверкающаго слова Вермандуа» (таково было обычное клише о немъ у дружественныхъ репортеровъ). «Жить осталось вѣроятно, еще года два или три, въ лучшемъ — или въ худшемъ — случаѣ пять-шесть лѣтъ. Новаго ждать давно нельзя ничего. И какъ это ни глупо, глупо до идіотизма, — весь остатокъ жизни, должно быть, сведется къ «сверканію» на обѣдахъ у темныхъ, невѣжественныхъ людей» (онъ тутъ же принялъ рѣшеніе говорить весь вечеръ только о погодѣ). «Въ сущности, — несмотря на испытанное сегодня наслажденіе, — можно было бы легко обойтись и безъ сверкающаго грека Лисандра, и безъ тридцать седьмой по счету сверкающей книги, благо старыхъ тридцати шести почти никто не читаетъ, — развѣ одинъ французъ изъ пяти тысячъ. Триста лѣтъ тому назадъ немногочисленныя, рѣдко выходившія, книги читались людьми для спасенія души. Тридцать лѣтъ тому назадъ, когда я былъ однимъ изъ самыхъ модныхъ писателей Европы, мои книги читались для того, чтобы можно было щегольнуть въ обществѣ цитатой и вызвать восторженную улыбку дамъ: «такъ говоритъ Вермандуа». Теперь тѣ, «пятитысячные», пробѣгаютъ мои произведенія по привычкѣ, — надо же что-нибудь и почитать — или отъ скуки, когда нельзя ни пойти въ театръ, ни поиграть въ бриджъ. Моя слава,

какъ родовитость захудалыхъ домовъ, dormit, non extinguitur. Но обольщаться не приходится: нѣтъ такого провинціальнаго журналиста, который не былъ бы увѣренъ, что гдѣ-то есть читатели, вырѣзывающіе его статьи и дѣлающіе изъ нихъ выписки, и хуже всего то, что провинціальный журналистъ правъ. Моимъ же «поклонникамъ», какъ и читателямъ-врагамъ, достаточно извѣстно, что я «уже все сказалъ и теперь перепѣваю старое» (это было клише о немъ у репортеровъ враждебныхъ, — впрочемъ довольно рѣдкихъ). «То, что я теперь пишу гораздо лучше, чѣмъ въ молодости, что я сталъ опытнѣе, ученѣе, умнѣе, что моя фраза стала чище, точнѣе, тверже, этого никто не видитъ, кромѣ нѣсколькихъ такихъ же маніаковъ, какъ я, читающихъ мои новыя произведенія съ ненавистью, съ тѣмъ, чтобы наконецъ-то сказать искренно: «Il est fini, Vermandois!» — неискренно они говорятъ это все равно. Ну, и Богъ съ ними! Передъ смертью я скажу, какъ лордъ Голландъ, котораго хотѣлъ навѣстить въ послѣднюю минуту его лютый врагъ. «Пусть придетъ, пусть придетъ: если я еще буду живъ, то мнѣ пріятно будетъ его увидѣть; а если я уже буду мертвъ, то ему пріятно будетъ меня увидѣть».

Онъ подумалъ, что эту цитату надо будетъ при случаѣ вспомнить въ обществѣ, — разумѣется, не сегодня. Собственно, у него лютаго врага въ критикѣ не было. Были критики недостаточно съ нимъ почтительные или менѣе почтительные, чѣмъ съ другими знаменитыми писателями, —

онъ вздохнулъ: «Да, конечно, каждый изъ насъ хотѣлъ бы, чтобы съ нимъ было какъ въ Версалѣ, гдѣ въ присутствіи Людовика XIV не позволялось кланяться никому другому»... Были критики ласково-развязные, — тѣ, что, излагая содержаніе книгъ Бергсона, Франса, его самого, писали объ авторахъ: «Нашъ философъ», «нашъ романистъ». Были критики, постоянно и безъ всякой видимой причины мѣнявшіе отношеніе къ нему съ привѣтливаго на грубое, больше отъ собственной нервности, — вродѣ какъ герои и героини Достоевскаго, въ минуты особеннаго волненія, вдругъ почему-то (это всегда очень его смѣшило) переходятъ на ты: «А, такъ ты лжешь! Я вижу, ты лгалъ!» — вскричала она». Были — особенно въ послѣднее время — критики внѣшне весьма любезные, но неизмѣнно вскользь упоминавшіе, что его книги, къ сожалѣнію, больше не имѣютъ вполнѣ заслуженнаго ими успѣха. — «Надо было бы въ самомъ дѣлѣ основать что-либо вродѣ «обѣдовъ освистанныхъ авторовъ» Флобера, Тургенева, Додэ, это очень мило, когда освистанные авторы — Флоберъ, Тургеневъ и Додэ». Были, наконецъ, критики вполнѣ разумные и добросовѣстные, — тѣ, что всегда чрезвычайно его хвалили. «Жаль, каждому изъ насъ пріятно жаловаться на травлю... Особенно, когда травли нѣтъ»...

Соображенія эти заняли его, и онъ не сразу вернулся къ прежнему ходу мыслей: «Да, зачѣмъ же жить въ этой обстановкѣ, съ этими

людьми? Гете говорилъ Эккерману, что періоды общественнаго регресса и моральнаго паденія особенно благопріятны для мысли и внутренней жизни. Заработокъ? Но можно уѣхать куда-нибудь въ глушь, гдѣ жизнь дешева, гдѣ есть озеро, лѣсъ, уѣхать, захвативъ съ собой не шесть тысячъ книгъ (это тоже манія), а сотню, но настоящихъ, такъ называемыхъ вѣчныхъ. Тамъ поселиться до конца дней. Не съ тѣмъ, конечно, чтобы «вернуться къ народу и пріобщать его къ культурѣ», какъ въ послѣднее время требуютъ снобы еще какого-то новаго, или, вѣрнѣе, періодически вновь выплывающаго, образца, быть можетъ, просто собирающіеся выставить свою кандидатуру въ палату, — нѣтъ, уѣхать для того, чтобы въ послѣдніе годы жизни не видѣть ни снобовъ, ни неснобовъ, ни дураковъ, ни умныхъ, ни враговъ, ни поклонниковъ, и жить въ обществѣ тѣхъ ста людей, которымъ посчастливилось первыми, надолго, навсегда сказать съ достаточной силой правду о жизни и человѣкѣ. И можетъ быть, даже не писать, а просто жить для того же, для чего Раблэ хотѣлъ стать королемъ: «affin de faire grand chere, pas ne travailler, poinct ne me soucier, et bien enrichir mes amis et tous gens de bien et de scavoir». Ну, безъ обогащенія друзей и gens de bien можно бы и обойтись»...

Однако, онъ чувствовалъ, что едва ли уѣдетъ въ глушь: не былъ увѣренъ, что тамъ, въ глуши, несмотря на лѣсъ, озеро и общенье съ великими, но умершими людьми, не соскучится по менѣе знатному обществу, и думалъ, что видно такъ,

до конца, до тѣхъ страшныхъ дней, недѣль или мѣсяцевъ, — объ этомъ думать нельзя! — будетъ жить точно такъ, какъ живетъ уже лѣтъ двадцать. И ему снова показалось, что къ концу идетъ вся цивилизація. Будетъ, вѣроятно, новая, но дрянная, еще неизмѣримо болѣе скверная, чѣмъ нынѣшняя. Если же этой новой цивилизаціи не будетъ, то развѣ лишь потому, что наука обо всемъ позаботится и дастъ дикарямъ возможность уничтожить рѣшительно все, въ томъ числѣ и самихъ себя, ибо разрушительная сила науки неизмѣримо больше ея защитительной силы. Въ эту минуту онъ съ особенной ясностью почувствовалъ, что дикари близко, совсѣмъ близко, дикари внѣшніе и внутренніе, что онъ окруженъ дикарями и что по улицамъ этого лучшаго, самаго цивилизованнаго въ мірѣ города сейчасъ, съ наступленіемъ ночи, уже бродятъ всякіе темные, таинственные, страшные люди и замышляютъ ужасныя преступленія. Расплачиваясь, онъ подумалъ, что у шоффера звѣрское лицо, и у подбѣжавшаго, по особенному, для униженія, одѣтаго человѣка тоже, и такое же у метръ-д'отеля, почтительно проводившаго его въ отдѣльный кабинетъ, знакомый ему лѣтъ сорокъ. Почти съ ужасомъ здороваясь со страннымъ человѣкомъ въ рыжемъ пиджакѣ, съ другими гостями, онъ, со сладко-сконфуженной улыбкой, разсыпался въ извиненіяхъ и мягко всѣхъ упрекалъ за то, что не сѣли за столъ безъ него. — «Что вы, cher Maître, мы всѣ только что съѣхались, вы нисколько не опоздали», — любезно сказалъ

Кангаровъ, знакомя приглашенныхъ со знаменитымъ гостемъ, который зналъ только финансиста и графскую чету. — «Какъ не опоздалъ! Я очень прошу извинить меня, господа»... — «Akademische Viertelstunde», — вставилъ докторъ Зигфридъ Майеръ и самъ перевелъ свои слова на ужасный французскій языкъ. «Вотъ у дѣвочки лицо не звѣрское, а прелестное, и это самое лучшее въ мірѣ», — подумалъ Вермандуа, съ отвращеніемъ прислушиваясь къ акценту Майера (онъ сознавалъ, что это нехорошо, но терпѣть не могъ нѣмцевъ: и лѣвыхъ, и правыхъ, и всякихъ другихъ). — «Къ столу, дорогіе друзья, къ столу! Я рекомендую вамъ хересъ», — весело сказалъ Кангаровъ-Московскій.

XVII.

Убійство было назначено на 9 часовъ 15 минутъ. Время онъ разсчиталъ точно и составилъ расписаніе: въ такомъ дѣлѣ очень важенъ темпъ. Этотъ поѣздъ изъ Парижа въ Лувесьеннъ былъ почти всегда полонъ, какъ и обратный, привозившій запоздавшихъ на дачѣ парижанъ. Поѣздъ приходилъ на лувесьеннскую станцію ровно въ девять, отъ вокзала до виллы надо было идти семь минутъ. Приблизительно столько же онъ считалъ на разговоръ: нельзя же прямо, въ передней, съ перваго слова стрѣлять. Затѣмъ четверть часа отводилась на поиски денегъ, минутъ десять въ запасъ, на всякій случай, семь

минутъ на возвращеніе. Дачные поѣзда по этой линіи шли съ совершенной точностью.

Позднѣе Альвера съ удивленіемъ вспоминалъ, что провелъ этотъ день въ общемъ довольно спокойно, съ внѣшней стороны почти такъ, какъ всегда. Наканунѣ легъ въ постель въ одиннадцать. Передъ сномъ, замирая, думалъ: не отказаться ли? Еще съ мѣсяцъ тому назадъ это было вполнѣ возможно, хоть и нелегко. «Теперь нельзя. И почему же отказываться? Его что-ли жаль? Старикъ скряга, отсчитывалъ сантимы за пробѣлы внизу страницъ, но зла я отъ него не видѣлъ... Однако, если съ этимъ считаться, то никого нельзя убивать. Съ точки зрѣнія Дарвина, его надо убить въ первую очередь, такъ какъ онъ дегенератъ: это видно и по его тику». У мосье Шартье въ самомъ дѣлѣ часто дергались лицевые мускулы вокругъ лѣваго глаза. Повидимому, тикъ отравлялъ ему жизнь: онъ всегда поспѣшно отворачивался, стыдясь своего недостатка и стараясь его скрыть. «Странно все-таки, какія вещи отравляютъ существованіе людямъ»... Обо всемъ этомъ Альвера думалъ т а к ъ, не серьезно, не по настоящему: умѣстны были по настоящему только соображенія о технической сторонѣ дѣла. Тутъ тоже все было передумано: онъ не оставилъ безъ вниманія ни одной подробности. Теперь перебиралъ ихъ въ мысляхъ бѣгло, конспективно, почти механически. «Да, конечно, отступать поздно», — еще разъ сказалъ онъ себѣ. Самъ не могъ бы объяснить почему именно поздно и съ какихъ поръ поздно.

Но это было такъ. Въ постели заставилъ себя еще почитать книгу: мемуары Ласенэра. Хотя Альвера совершенно презиралъ этого человѣка, но, когда дошелъ до фразы: «Въ это время начался мой поединокъ съ обществомъ. Я рѣшилъ стать общественнымъ бѣдствіемъ», — чуть не прослезился отъ радости и умиленія. Послѣднія колебанія у него исчезли. «Да, разумѣется, все рѣшено!» Онъ тотчасъ заснулъ и спалъ, если не вполнѣ хорошо, то едва ли не спокойнѣе, чѣмъ обычно.

Все же проснулся онъ утромъ въ ужасѣ, поднялся на постели и нѣсколько минутъ просидѣлъ съ широко раскрытыми глазами: «Сегодня!..» Зналъ, что ужъ теперь рѣшенія ни за что не перемѣнитъ. Ему даже казалось, что это больше отъ него не зависитъ. Съ утра весь день его безпокоила зѣвота, точно онъ провелъ безсонную ночь. Альвера умылся, выбрился, ни разу себя не порѣзавъ, — «значитъ, руки не дрожатъ и не будутъ дрожать», — одѣлся и, когда застегивалъ запонку, подумалъ, что такъ надо будетъ прожить еще двѣнадцать часовъ. Силы на мгновенье его оставили. Справившись съ собой, онъ постановилъ ни въ чемъ не отступать отъ своего обычнаго времяпрепровожденія: отступленіе отъ привычекъ могло бы вдобавокъ оказаться противъ него косвенной уликой. «Хоть ужъ если дѣло дойдетъ до такихъ уликъ, значитъ, я погибъ»... Альвера напился кофе; ѣсть ему не хотѣлось, и все безпокоила зѣвота. Написалъ письмо портному, — обстоятельство обоюдо-

острое: «Съ одной стороны, человѣкъ, идущій на убійство, не станетъ торговаться съ портнымъ изъ-за двадцати франковъ; но съ другой стороны, въ случаѣ провала, фактъ отягчающій: «какое хладнокровіе! закоренѣлый злодѣй!»

Въ десять часовъ онъ отправился къ Вермандуа. Старикъ, вопреки своему обыкновенію, былъ, повидимому, увлеченъ работой. Разсѣянно поздоровался съ секретаремъ, не отрываясь отъ стола, разсѣянно сказалъ: «да, да, такъ имъ и отвѣтьте, мой другъ», и видимо очень желалъ, чтобы его возможно скорѣе оставили въ покоѣ. Передъ нимъ на столѣ лежала раскрытая папка греческаго романа, онъ что-то необычно-торопливо писалъ. Изъ обращенія «mon ami» Альвера сдѣлалъ выводъ, что старый маніакъ чѣмъ-то доволенъ, вѣроятно работой: иначе сказалъ бы болѣе сдержанно: «mon cher ami».

Впослѣдствіи Вермандуа не могъ себѣ простить, что не обратилъ въ то утро никакого вниманія на своего секретаря: это былъ, конечно, единственный случай поговорить съ человѣкомъ, который разсчитывалъ вечеромъ того же дня совершить убійство. «Но какъ же я, профессіональный наблюдатель, ничего тогда въ немъ не замѣтилъ?!» Надо было признать правду: онъ не замѣтилъ рѣшительно ничего, всѣ его мысли были заняты коринфской встрѣчей Лисандра. Альвера смотрѣлъ на старика съ совершеннымъ презрѣніемъ: къ собственному его удивленію, замыселъ внушалъ ему сознаніе большого морального превосходства надъ людьми, неспо-

собными ни на что подобное. И опять онъ весело себѣ представилъ изумленіе Вермандуа въ случаѣ, если-бъ завтра внезапно явилась полиція и сообщила, что его секретарь убилъ человѣка съ цѣлью грабежа. Было почти досадно, что этого не будетъ: преступленіе останется нераскрытымъ.

Закончивъ секретарскую работу, Альвера погулялъ по улицамъ, не переставая нервно зѣвать, затѣмъ позавтракалъ въ дешевомъ ресторанѣ: насильно себя заставилъ поѣсть въ мѣру (онъ зналъ, сколько калорій даетъ каждое блюдо), не пилъ вина, — «алкоголь для такого дѣла всего опаснѣе», — но воды выпилъ очень много. Купилъ на ужинъ ветчины, отправился домой. Дома дѣлать было нечего: обычно онъ въ эти часы занимался перепиской или чтеніемъ. Попробовалъ читать, оказалось невозможнымъ. Только пробѣжалъ газету, думая о томъ, что въ ней будетъ напечатано завтра, вотъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ... Сѣлъ за письменный столъ и, за отсутствіемъ другого дѣла, сталъ снова конспективно провѣрять цѣпь своихъ умозаключеній.

Способы уличенія преступниковъ сводились, какъ ему было извѣстно, къ сознанію, къ свидѣтельскимъ показаніямъ, къ прямымъ и косвеннымъ уликамъ. «О сознаніи рѣчи нѣтъ, — пусть сознается кретинъ Достоевскаго. Свидѣтельскія показанія? Въ этотъ поѣздъ на станціи садится, въ среднемъ, человѣкъ восемь или десять. Если они всѣ запомнятъ другъ друга въ лицо, то подозрѣнія должны распредѣлиться между четырьмя или пятью людьми: въ самомъ дѣлѣ,

можно предположить, что остальные, по той или иной причинѣ, окажутся внѣ подозрѣній. Но почему слѣдъ долженъ вести именно къ этому поѣзду? Убійство будетъ обнаружено на слѣдующее утро, если поденщица въ этотъ день приходитъ къ мосье Шартье. Въ противномъ случаѣ узнаютъ объ убійствѣ еще позднѣе. Врачи устанавливаютъ часъ смерти лишь съ приблизительной точностью... — «Меньенъ, основныя данныя, танатологическая фауна...» — мелькали у него въ головѣ обрывки изъ прочитанныхъ научныхъ трудовъ. — «Хотя тутъ едва ли можетъ идти рѣчь о танатологической фаунѣ... Предположимъ, они установятъ, что убійство произошло между семью и десятью вечера. За это время черезъ Лувесьеннъ проходитъ около десяти поѣздовъ. Значитъ, подозрѣнія уже распредѣлятся приблизительно между сорока или пятьюдесятью людьми. Это можно было бы даже разсчитать математически точно... Впрочемъ, математически точно разсчитать нельзя, такъ какъ неточны предпосылки: почему именно половина пассажировъ окажется внѣ подозрѣній? можетъ быть, треть или двѣ трети? И какъ, на основаніи поѣздокъ, совершавшихся въ разное время, въ разные дни, въ разные часы, сказать съ увѣрённостью, что въ среднемъ на станціи въ поѣздъ садится именно десять человѣкъ, а не восемь и не пятнадцать?.. Какъ бы то ни было, это неопасно. Гораздо хуже, если кто-нибудь обратитъ вниманіе въ Лувесьеннѣ. Гдѣ же именно? На тропинкѣ, что идетъ отъ большой дороги къ вил-

лѣ мосье Шартье, я ни разу никого не встрѣтилъ. Неужели сегодня встрѣчу въ первый разъ? (тогда, разумѣется, страшно усиливается подозрѣніе). На большой дорогѣ, напротивъ, въ лѣтній вечеръ всегда шляется немало людей, и мѣстныхъ, и парижанъ, — это не страшно именно потому, что ихъ много. Самый опасный моментъ: переходъ съ тропинки на дорогу. Но, во-первыхъ освѣщеніе тамъ плохое, фонарь далеко. А, во-вторыхъ, я постараюсь прошмыгнуть быстро, когда на дорогѣ никого не будетъ. Полиціи же и вообще, должно быть, три человѣка на всю деревню. Я за все время только разъ встрѣтилъ циклистовъ, да и тѣ, кажется, ѣхали въ Сенъ-Жерманъ»... Онъ вышелъ въ корридоръ, налилъ въ графинъ воды, выпилъ залпомъ стаканъ и вернулся къ своимъ мыслямъ:

«Допустимъ, однако, что кто-нибудь почему-либо обратитъ вниманіе. Допустимъ, что онъ, прочитавъ затѣмъ объ убійствѣ, заявитъ о своихъ подозрѣніяхъ полиціи, — хотя люди очень неохотно дѣлаютъ такія заявленія: хлопотливо, придется выступать на допросѣ, на судѣ, да вдругъ еще навлечешь подозрѣнія на себя! (Другое дѣло, если меня поймаютъ. Тогда мои фотографіи появятся въ газетахъ, и тогда меня о п о з н а ю т ъ даже люди, никогда меня въ глаза не видѣвшіе). Все же допустимъ, что кто-то замѣтитъ и отправится въ полицію. Что же онъ покажетъ? Что видѣлъ молодого человѣка въ темномъ костюмѣ и въ очкахъ? Но темнаго костюма я носить больше не буду нѣсколько мѣсяцевъ,

а очки — примѣта ложная, которая слѣдовательно только собьетъ слѣдствіе... Вначалѣ, къ тому же, они вѣрно, будутъ искать среди лувесьеннскихъ...»

Онъ опять примѣрилъ очки. Уже выработалась нѣкоторая привычка: теперь носить ихъ было не такъ странно и непріятно, какъ раньше. Покупка сошла не совсѣмъ гладко. Оптикъ совѣтовалъ сначала спросить врача: «у васъ какъ будто конъюнктивитъ». — «Да, я и лечусь у врача, онъ мнѣ велѣлъ носить за работой очки»... — «Какой же номеръ?» — «Этого я не помню, но у меня близорукость очень слабая». — «Врачъ не указалъ номера?» Оптикъ пожалъ плечами и усадилъ его противъ доски съ рядами буквъ разныхъ размѣровъ. Альвера притворился, что не разбираетъ только самыхъ мелкихъ буквъ. Очки были пріобрѣтены, но осталось смутно-непріятное чувство: продѣлано необдуманно, въ научномъ убійствѣ и такая мелочь должна тщательно обдумываться впередъ. Носить очки было странно, и тутъ тоже вышла неожиданность. Онъ опасался, что въ очкахъ будетъ видѣть хуже; оказалось напротивъ, что видитъ лучше и по новому: люди, деревья, вещи стали иными. Рѣшилъ все же снять очки при входѣ въ домъ мосье Шартье, такъ какъ въ очкахъ никогда не стрѣлялъ. «Да еще у него могли бы возникнуть подозрѣнія»... Въ общемъ, очки были наиболѣе слабой технической выдумкой: не такъ они и мѣняютъ обликъ человѣка.

Походилъ, зѣвая, по комнатѣ, выпилъ еще воды, поправилъ книгу, выдвинувшуюся изъ ряда на полкѣ. Подумалъ даже, не поработать ли надъ «Энергетическимъ міропониманіемъ»? Это было бы высшимъ торжествомъ воли и духа: въ такой день работать, какъ ни въ чемъ ни бывало! Однако за работу не взялся, — уже не стоило, — и вернулся къ уликамъ. Дактилоскопическихъ отпечатковъ не будетъ. Онъ зналъ, что это самое страшное, и рѣшилъ все продѣлать въ перчаткахъ. «Мѣра элементарная, безошибочная, и если преступники къ ней прибѣгаютъ сравнительно рѣдко, то это лишній разъ показываетъ, на какой низкой ступени стоитъ техника преступленія. У сыска есть свои Шерлоки Хольмсы, но ихъ дѣло неизмѣримо легче: они не убиваютъ, а выслѣживаютъ, не нарушая ни человѣческихъ, ни такъ называемыхъ божескихъ законовъ. Убійца, въ отличіе отъ сыщика, связанъ всѣмъ: законами, страхомъ, обстановкой, срокомъ, отсутствіемъ аппарата, «угрызеніями совѣсти», — Альвера засмѣялся. — «Быть можетъ, мое преступленіе будетъ первымъ научнымъ убійствомъ въ исторіи!..» Къ перчаткамъ онъ тоже привыкъ: въ послѣдній разъ стрѣлялъ въ лѣсу въ перчаткахъ, дома въ перчаткахъ вынималъ бумаги изъ ящиковъ. Чтобы не вызвать какъ-нибудь подозрѣній у заказчика, не снялъ перчатокъ, отдавая ему позавчера работу: сослался на какое-то накожное заболѣваніе и тотчасъ пожалѣлъ, что сослался: «вдругъ онъ мнительный

человѣкъ, испугается заразы, не дастъ продолженія рукописи?..» Но у мосье Шартье какъ разъ дернулось лицо: онъ быстро отвернулся и не спросилъ ни слова о накожной болѣзни.

Не могло быть и косвенныхъ уликъ. Старику его фамилія извѣстна не была. Альвера къ нему обратился по газетному объявленію, работу всегда приносилъ, — только при знакомствѣ пробормоталъ очень невнятно нѣчто вродѣ имени. По тому мычанію, которымъ Шартье, обращаясь къ нему, сопровождалъ слово мосье, ясно было, что онъ совершенно не знаетъ, какъ зовутъ переписчика. «Да и не можетъ знать... Едва ли этотъ одинокій дѣловой человѣкъ сообщилъ кому бы то ни было, что даетъ въ переписку бумаги: это все дѣловые документы, люди о такихъ вещахъ распространяются неохотно. А если кому-либо и сказалъ, то какая же можетъ быть связь между перепиской бумагъ и преступленіемъ? Но предположимъ опять худшее: допустимъ, онъ сообщилъ, напримѣръ, своей поденщицѣ, что переписчикъ возитъ къ нему работу на домъ. Людей, занимающихся перепиской профессіонально, въ Парижѣ тысячи, и меня среди нихъ нѣтъ, никто не знаетъ, что я этимъ занимаюсь: я секретарь писателя Вермандуа, больше ничего. Пусть полиція и начнетъ поиски среди профессіональныхъ переписчиковъ, — лишній ложный слѣдъ, отлично. Правда, у каждой пишущей машины есть нѣчто вродѣ своего почерка. Но почеркъ

моего Ремингтона они могутъ узнать только послѣ того, какъ произведутъ у меня обыскъ. Тогда это можетъ быть важной уликой, но тогда лишняя улика не идетъ въ счетъ... Почему вообще попадается большинство преступниковъ? Прежде всего, по неопытности и легкомыслію: ничего заранѣе толкомъ обдумать они не могутъ. Потомъ — болтовня; это люди изъ milieu, гдѣ у полиціи множество освѣдомителей. Затѣмъ дактилоскопическіе отпечатки. Научное преступленіе въ девяти случаяхъ изъ десяти должно сходить безнаказаннымъ. Въ моемъ дѣлѣ самое опасное: сбыть».

Онъ вздохнулъ: здѣсь было самое слабое мѣсто такъ хорошо разработаннаго замысла. Альвера предполагалъ, что его заказчикъ человѣкъ состоятельный: это какъ будто вытекало и изъ отдававшихся имъ въ переписку дѣловыхъ бумагъ. Жилъ онъ небогато: правда, своя вилла въ Лувесьеннѣ, — должна стоить тысячъ полтораста, — но прислуги у него не было: нѣсколько разъ въ недѣлю приходила поденщица. Завтракалъ онъ въ Парижѣ, гдѣ проводилъ утро и часть дня. Ужиналъ, повидимому, у себя, по-стариковски. «Холостякъ или вдовецъ? Скорѣе, вдовецъ... Знакомства у него вѣрно только въ Парижѣ. Но если мосье Шартье и богатъ, то какія же доказательства, что у него дома хранятся большія деньги? Въ бумажникѣ, когда онъ расплачивался, были довольно толстыя пачки, и не только сотенныя: была позавчера пачка крупныхъ. Но можетъ быть, сегодня ея уже

нѣтъ? Почему же однако всѣ три раза бумажникъ былъ полонъ, а сегодня не будетъ? Конечно, должны быть деньги и въ ящикѣ письменнаго стола. «Если не деньги, то цѣнныя бумаги»... — Альвера имѣлъ очень смутное понятіе о цѣнныхъ бумагахъ. — «Еще можно ли будетъ продать? Можетъ быть, номера гдѣ-нибудь записаны?.. Во всякомъ случаѣ нѣсколько тысячъ обезпечены, а съ цѣнными бумагами, при удачѣ, тысячъ пятьдесятъ»...

Съ усмѣшкой вспомнилъ, что, по даннымъ какого-то криминалиста, уголовное убійство во Франціи въ среднемъ приноситъ убійцѣ сорокъ франковъ. «Ну, а у меня будетъ не въ среднемъ: все другое, и это будетъ другое... Стального шкафа я у него не видѣлъ. Но мало ли какіе тайники могутъ быть у стараго буржуа? Тысячъ шесть-семь, если не больше, можно положить на его брилліантовое кольцо. Должны быть и другія цѣнныя вещи... Да, конечно, это слабое мѣсто... По теоріи вѣроятности, думаю, можно было бы вывести, что я вправѣ разсчитывать на десять тысячъ, какъ на минимумъ (тогда, конечно, не стоитъ!), а какъ на максимумъ, тысячъ на пятьдесятъ, пожалуй, даже на сто, если сбывать раціонально». У него и относительно сбыта была тщательно разработанная схема, на ней онъ теперь не остановился: все въ свое время. «Во всякомъ случаѣ, въ первые шесть мѣсяцевъ не мѣнять въ образѣ жизни рѣшительно ничего. На этомъ-то и попадаются мальчишки: убилъ, ограбилъ и побѣжалъ въ веселый домъ,

гдѣ его и ловятъ. Потомъ объявить Вермандуа, консьержкѣ, всѣмъ, что я переѣзжаю въ провинцію: климатъ и воздухъ Парижа разстроили здоровье, это вдобавокъ вѣрно, любой врачъ подтвердитъ. А изъ провинціи еще такъ черезъ полгода, продавъ все, начать настоящее большое дѣло»... Тутъ опять было нѣкоторое подобіе слабаго мѣста въ цѣпи: «Стоитъ ли? Обманывать себя незачѣмъ: въ концѣ концовъ все должно кончиться гильотиной, должно почти математически»...

И опять, уже безъ прежняго увлеченія, въ тысячный, вѣроятно, разъ онъ себѣ представилъ арестъ, тюрьму, судъ, ожиданіе гильотины, казнь, со всѣми тѣми же подробностями, которыя прежде его волновали, съ «Мужайтесь, Альвера, часъ искупленія насталъ!», съ рюмкой рома, со своими улыбками и отвѣтами. «Да, страшнаго, кажется, ничего нѣтъ, но и радости тоже мало. И если ремесло убійцы безопаснѣе ремесла углекопа, то все-таки степень безопасности не такова, чтобы избирать это ремесло, безъ вполнѣ разумныхъ провѣренныхъ основаній». Такъ же лѣниво спросилъ себя: «ужъ не вздоръ ли все это? не навязчивая ли идея сходящаго съ ума человѣка?», — и такъ же отбросилъ это предположеніе. «Теперь во всякомъ случаѣ разсуждать поздно», — тяжело зѣвнувъ, сказалъ онъ вслухъ — и испугался: «надо во что бы то ни стало отучиться отъ этой дурной и опасной привычки».

Ѣсть ему попрежнему не хотѣлось, но онъ подумалъ, что нельзя уходить на дѣло, не подкрѣпившись: «вдругъ головокруженіе, обморокъ или что-нибудь такое, — и пропалъ!..» Заставилъ себя съѣсть кусокъ ветчины. Затѣмъ взглянулъ на часы, зѣвнулъ, почти весело потянулся, провѣрилъ револьверъ, надѣлъ перчатки и вышелъ. Въ дорогѣ онъ, подойдя къ книжному магазину и какъ бы внимательно разсматривая близорукими глазами книги, вынулъ футляръ, надѣлъ очки. Никто на это не обратилъ вниманія, — «совершенно естественно»... Этотъ пріемъ былъ маленькой импровизаціей: строгая предусмотрительность все же должна оставлять коечто и на долю находчивости. Онъ остался собой доволенъ. Съ чувствомъ нѣкоторой неловкости, происходившей отъ очковъ, все же не совсѣмъ еще привычныхъ, онъ отправился на вокзалъ. Альвера былъ спокоенъ, только зѣвота стала нестерпимой. И было пріятное сознаніе, что никто изъ безчисленныхъ проходившихъ мимо него людей ничего не можетъ прочесть въ его намѣреніяхъ и чувствахъ. «Да, да, иду нарушать человѣческіе и божескіе законы, и никто изъ васъ этого не видитъ, и я всѣхъ васъ совершенно презираю, какъ, вѣрно, волкъ презираетъ овецъ»...

XVIII.

— ...Если на то пошло, дорогой Вермандуа, — сказалъ финансистъ, — то не можете ли вы за-

одно сообщить мнѣ дату конца міра? Она должна имѣть нѣкоторое значеніе для биржи.

— Которая, кстати, кажется, сегодня. ужасна, — въ полувопросительной формѣ замѣтилъ небрежно Серизье. Финансистъ, улыбаясь, пожалъ плечами и возвелъ глаза къ потолку. Онъ о дѣлахъ всегда говорилъ такъ, точно они его совершенно не интересовали и развѣ только немного веселили: будто занимался онъ ими въ шутку, или подчиняясь Божьей волѣ, или чтобы сдѣлать кому-то одолженіе. — Отличное вино хересъ, его можно въ сущности пить къ любому блюду.

— Отчего же вы не вѣрите, господа, въ близкій конецъ міра? — спросилъ Вермандуа съ полуулыбкой, соотвѣтствовавшей его полушутливому тону: для серьезнаго разговора о такихъ предметахъ отдѣльный кабинетъ ресторана былъ мѣстомъ неподходящимъ. — Наука, конечно, избѣгаетъ обсужденія этого вопроса, такъ какъ ей совѣстно: зачѣмъ же въ такомъ случаѣ ее держатъ? Но, я помню, въ свое время между двумя моими друзьями, очень почтенными естествоиспытателями, шелъ споръ на страницахъ научнаго журнала. Одинъ, исходя изъ мысли объ истощеніи солнечной энергіи, утверждалъ, что земля непремѣнно погибнетъ отъ холода. Другой, ссылаясь на работы великаго Клаузіуса, говорилъ, что земля погибнетъ не иначе, какъ отъ жара.

— Это разногласіе насъ все-таки нѣсколько утѣшаетъ, — вставилъ Серизье. — Можетъ быть, чтобы примирить двухъ великихъ ученыхъ, тем-

пература земли останется болѣе или менѣе нормальной.

— Я предпочитаю холодъ. Обожаю зимній спортъ и нигдѣ не чувствую себя лучше, чѣмъ въ Сенъ-Морицѣ, — сказала графиня де Белланкомбръ. — А вы?

— Въ общемъ, — продолжалъ Вермандуа, — такъ называемыя точныя науки, т. е. науки, нѣсколько менѣе неточныя чѣмъ другія, предусматриваютъ немало печальныхъ возможностей, при которыхъ жизнь на нашей милой планетѣ непремѣнно должна погибнуть. Потеря кислорода въ воздухѣ, — разъ; погруженіе материковъ, — два; столкновеніе двухъ солнцъ, — три; столкновеніе земли съ кометой, — четыре... Другихъ не помню, но...

— Не трудитесь вспоминать, cher Maître, первыхъ четырехъ возможностей совершенно достаточно, чтобы отбить у насъ аппетитъ.

— Тогда *я* протестую, — сказалъ Кангаровъ, — насъ ждетъ утка съ апельсинами.

— О-о!

— Будемъ надѣяться, что земля не столкнется съ кометой до того, какъ намъ подадутъ утку.

— Графиня, вы напрасно шутите. Извѣстно ли вамъ, что земля чуть было не столкнулась съ кометой 1811 года, которая впрочемъ болѣе замѣчательна тѣмъ, что дала Толстому возможность закончить томъ «Войны и мира» однимъ изъ лучшихъ эффектовъ въ исторіи литературы; онъ даже и назвалъ ее, для большаго эффекта, кометой **1812** года. Если-бы столкновеніе про-

изошло, то совершенно одинаково сгорѣли бы, по сосѣдству, Наполеонъ и Александръ, а съ ними заодно и все человѣчество.

— По радостному случаю избавленія отъ такой катастрофы надо выпить еще, — предложилъ финансистъ. — Тѣмъ болѣе, что та же комета дала намъ знаменитое вино.

— Да, но что, если она вернется? По моему, она непремѣнно должна вернуться. Это шло бы къ общему разумному характеру нынѣшнихъ событій.

— Какъ досадно, — сказалъ Серизье, отпивая глотокъ вина. — Я совершенно не чувствую себя способнымъ къ карьерѣ Жанны д'Аркъ или Джордано Бруно. А вы?

— Почему такое пренебреженіе къ рейнвейну, господа? Въ вопросѣ о бѣлыхъ винахъ я германофилъ, — заявилъ Кангаровъ. — Нѣтъ, ради Бога, не курите до сыра...

— Я буду курить и въ минуту конца міра.

— Если говорить безъ шутокъ, — сказала графиня, — то я во всѣ эти ужасы совершенно не вѣрю. Богъ этого не допуститъ! — Она положила руку на рукавъ смокинга Кангарова. — Я знаю, вы безбожникъ. Въ политикѣ я вамъ сочувствую по крайней мѣрѣ на семьдесятъ пять процентовъ, меня всѣ считаютъ большевичкой. Но Бога я вамъ ни за что не отдамъ, — съ улыбкой сказала она, — ни за что!

— Дорогая графиня, я не потребую отъ васъ такой... Дѣтка, какъ по-французски жертва? — по-русски обратился посолъ къ Надеждѣ Ива-

новнѣ, сидѣвшей противъ него на другомъ концѣ стола.

Надежда Ивановна сначала пріуныла, когда въ кабинетѣ появилась графская чета. Графиня была женщина среднихъ лѣтъ, — «и красоты совсѣмъ средней», — но на ней были пелерина изъ чернобурой лисицы и черное платье — «тоже черное, а другое! Ахъ, Боже мой!» — со вздохомъ подумала Надя. Сотуаръ на шеѣ у графини былъ совершенно неправдоподобный по длинѣ нити и по качеству жемчужинъ, а браслетовъ она носила столько, что Надежда Ивановна чуть не ахнула. Если-бъ это была какая-нибудь банкирша, то Надя приписала бы множество браслетовъ безвкусію: ей и по книгамъ, и по кинематографу было извѣстно, что жены банкировъ одѣваются безвкусно, въ отличіе отъ аристократокъ. «Однако вѣдь настоящая графиня!» Браслеты, сотуаръ и чернобурая лисица графини де Белланкомбръ были внѣ предѣловъ возможностей и мечтаній Надежды Ивановны; зато она замѣтила для себя все остальное: сумку, чулки, особенно перчатки, какія-то странныя, зеленоватыя, которыхъ Надя, опасаясь безвкусія, никогда не купила бы въ магазинѣ. «Ничего, старушкѣ никакіе браслеты не помогутъ!» — утѣшала себя она.

Кангаровъ не разсаживалъ гостей, съ улыбкой предложивъ всѣмъ садиться, «кто какъ и гдѣ хочетъ». Но само собой вышло такъ, что наиболѣе почетные гости, графиня и Верман-

дуа, оказались справа и слѣва отъ хозяина; имъ же предназначалась и сладчайшая изъ его улыбокъ. По другую сторону графини сѣлъ Вислиценусъ, за нимъ докторъ Майеръ, графъ, Надежда Ивановна. За Вермандуа размѣстились финансистъ, Серизье, Тамаринъ. Такимъ образомъ желаніе Надежды Ивановны исполнилось лишь наполовину: справа отъ нея оказался Константинъ Александровичъ; но слѣва былъ французъ, да еще графъ! — ни съ какимъ графомъ Надежда Ивановна никогда за столомъ не сидѣла. «О чемъ же разговаривать съ этимъ старичкомъ?» — съ ужасомъ подумала она и бросила умоляющій о помощи взглядъ Тамарину. Старичекъ однако оказался совершенно не страшный. Онъ любезно занималъ ее несложными вопросами, — давно ли она во Франціи? нравится ли ей Парижъ? Иногда заговаривалъ со своимъ сосѣдомъ слѣва, нѣмцемъ; повидимому, не видѣлъ ничего неприличнаго и въ томъ, чтобы помолчать минуту-другую.

Лакей разлилъ хересъ. Надежда Ивановна выпила залпомъ и лишь потомъ подумала, что это неблагоразумно. Ей тотчасъ стало легче и веселѣе. Въ Москвѣ она, случалось, выпивала и пять, и шесть рюмокъ водки или наливки, и только разъ въ жизни была пьяна, — въ тотъ день, когда ее въ первый разъ поцѣловалъ Сашка Павловскій, говорившій, что она пьетъ съ нимъ «нога въ ногу». Къ рыбѣ подали еще какое-то бѣлое вино въ красивыхъ длинныхъ и узкихъ бутылкахъ, какихъ Надя никогда не ви-

дѣла. Надѣ хотѣлось его попробовать, но она не знала, какъ это сдѣлать: передъ ней стояло нѣсколько стакановъ, — въ какой наливать? — опять она стыдилась и того, что не знаетъ правилъ буржуевъ, и того, что это ее конфузитъ: «стоитъ ли обращать вниманіе на ихъ китайскія церемоніи!..» Лакей налилъ ей вина, оно оказалось горьковатымъ — водка вкуснѣе, — но зато стало совсѣмъ легко. Надя искоса поглядывала, какъ ѣстъ графъ трудную рыбу, и поступала такъ же, какъ онъ, и все выходило отлично, и она не только больше не боялась старичка, но сама задавала ему свѣтскіе вопросы. «Ничего, графъ какъ графъ. Смѣшные они, французы», — шепнула Надежда Ивановна Тамарину. Старички на нее смотрѣли гораздо больше, чѣмъ на графиню; ей показалось даже, что графиня не совсѣмъ этимъ довольна. Это очень обрадовало Надежду Ивановну. «Такъ ей и надо, старой вѣдьмѣ!..»

— Какое заблужденіе, дорогая! — сказалъ Вермандуа. — Пророкъ Исайя говоритъ: «Vox multitudinis in montibus quasi populorum frequentium. Ululate quia prope est dies Domini: quasi vastitas a Domino veniet... Ecce dies Domini veniet crudelis. Et visitabo super orbis mala. Et pretiosior erit vir auro et movebitur terra de loco suo...»

— Какая память у этого человѣка! Но снизойдите къ нашему невѣжеству и переведите.

— Цитирую и перевожу не дословно: «Шуменъ въ горахъ гулъ многихъ народовъ. Войте,

ибо близокъ день Господень. Почти все будетъ истреблено. Воздамъ вселенной за зло ея, и будетъ человѣкъ рѣже золота, и задрожитъ земля на мѣстѣ своемъ»... Нѣтъ злободневнѣе публицистовъ, чѣмъ библейскіе пророки: вѣдь это написано точно о нынѣшнемъ днѣ. — «Шакалы», — говоритъ еще Исайя, — «будутъ жить въ пустыхъ чертогахъ, и змѣи въ увеселительныхъ садахъ...» Тутъ онъ, можетъ быть, и преувеличиваетъ. Но и у пророка Іоиля сказано: «Оставшееся отъ гусеницъ съѣла саранча, оставшееся отъ саранчи съѣли кузнечики, оставшееся отъ кузнечиковъ доѣли мошки... Рыдайте, пьяницы, о винѣ, которое отнято отъ устъ вашихъ». — Пока нѣтъ ни кузнечиковъ, ни мошекъ, выпьемъ еще рейнвейна, — добавилъ Вермандуа. Всѣ смѣялись, кромѣ Вислиценуса и Тамарина. «А мнѣ казалось, что это черта только русскихъ людей: богохульствовать, выпивши», — подумалъ командармъ.

Ему было скучновато. Думалъ, что хорошо было бы поскорѣе вернуться въ свой привычный, удобный, одинокій номеръ и лечь въ постель, съ книгой. Впрочемъ, попавъ на этотъ обѣдъ, Константинъ Александровичъ старался извлечь изъ него, что можно, и отдавалъ должное винамъ, особенно хересу: «съ потопа такого не пилъ»... Вначалѣ онъ потчевалъ Надю: «Надежда Ивановна, еще полстаканчика?» — «Только для васъ, чтобы васъ не обидѣть», — говорила Надя, все смѣлѣя отъ винъ. — «За папу... А теперь за маму»... Потомъ Тамарину показа-

лось, что его сосѣдка выпила больше, чѣмъ нужно, и онъ пересталъ ее угощать.

— Ваши цитаты неубѣдительны, мосье Вермандуа, — сказалъ Серизье, не желавшій употреблять слова «мэтръ»: они оба были «мэтры», хотя и въ разномъ качествѣ. — Еврейскіе пророки имѣли въ виду опредѣленныя событія въ жизни одного еврейскаго народа, — кажется, разрушеніе Іерусалима, или Вавилонъ, или что-то еще такое, — но никакъ не конецъ міра.

— Бѣдный человѣкъ! — отвѣтилъ Вермандуа, сокрушенно качая головой. — А это, изъ другого источника, что, тоже о Вавилонѣ? «Audituri enim estis praelia et opiniones praeliorum. Videte ne turbemini, oportet enim haec fieri, sed nondum est finis. Consurget enim gens in gentem, et regnum in regnum; et erunt pestilentiae et fames, et terrae motus per loca. Haec autem initia sunt dolorum». — Лицо его немного поблѣднѣло и голосъ зазвучалъ необычно. Всѣ замолчали, хоть никто цитаты не понялъ. — Кажется, тутъ цитирую безъ ошибокъ. Во всѣхъ отношеніяхъ, даже просто по звуку, по удѣльному вѣсу слова, нѣтъ ничего сильнѣе и значительнѣе этихъ строкъ. До сихъ поръ я никогда не могъ понять, не могъ охватить прямого смысла загадочной главы. Начинаю понимать только теперь: Nondum est finis. Haec autem initia... Замѣтьте, вся настоящая литература, церковная и свѣтская, художественная и философская, все вообще, надъ чѣмъ три тысячи лѣтъ думаютъ умнѣйшіе изъ людей, это эсхатологія, въ са-

момъ подлинномъ и достаточно страшномъ смыслѣ. Обратитесь ли вы къ литературѣ богословской, — она необъятна, я едва ли знаю ея тысячную долю, — всѣ отцы церкви за исключеніемъ, кажется, св. Иренея, утверждали, что міръ старъ, что міръ дряхлъ, что міръ идетъ къ концу, что міръ — издыхающее тѣло, которое передъ смертнымъ часомъ грызутъ неизлѣчимыя болѣзни, что міръ — готовый рухнуть домъ, отъ котораго уже отваливаются камни, что насталъ закатъ міра: in occasu saeculi summus...

— Можно найти примѣры и ближе, — на очень дурномъ французскомъ языкѣ вставилъ докторъ Зигфридъ Майеръ, давно чувствовавшій, что надо и ему сказать хоть что-нибудь. — Фридрихъ Ницше прямо говоритъ, что скоро наступятъ конвульсіи міра и что онъ послѣдній философъ: «Den letzten Philosophen nenne ich mich, denn ich bin der letzte Mensch»... — «У него въ голосѣ двѣ основныхъ ноты, это напоминаетъ сигналъ парижской пожарной команды», — подумалъ Вермандуа, не прекращавшій наблюденій и во время своихъ монологовъ.

— Страшная мысль: что если всѣ они несутъ постыдную ерунду? — шопотомъ сказала Тамарину Надя. Командармъ посмотрѣлъ на нее и вздохнулъ.

— Какъ замѣчательны эти слова Ницше! — сказала графиня, обращаясь къ нѣмцу. Она задумалась: ужъ не пригласить ли его на одинъ изъ ближайшихъ вторниковъ. — «Но онъ такъ плохо говоритъ по-французски... Посмотримъ»...

Графиня была въ хорошемъ настроенiи духа. Обѣдъ совѣтскаго посла очень удался. Въ этой философской бесѣдѣ необыкновенно лѣвыхъ людей было что-то очень поэтическое, что-то отъ послѣднихъ римлянъ, или отъ византiйцевъ, или отъ какихъ-то древнихъ богослововъ, которые вели хитрый ученый споръ въ какомъ-то городѣ, осажденномъ какими-то варварами. Графиня не вполнѣ ясно представляла себѣ, кто варвары и кто кого осаждаетъ, но она была очень довольна.

Высокимъ свѣтскимъ положенiемъ графиня де Белланкомбръ была обязана главнымъ образомъ своей необычайной способности волноваться, и какъ-то особенно напористо выражать волненiе, по самымъ разнымъ, преимущественно политическимъ, поводамъ. У нея были и другiя данныя для блестящаго положенiя; но безъ этой способности ни одно изъ нихъ ей такого положенiя создать не могло. Происхожденiя она была южно-американскаго. Вермандуа, считавшiйся у нея въ домѣ своимъ человѣкомъ и потому позволявшiй себѣ ироническiя замѣчанiя о хозяйкѣ не только за глаза, но и въ глаза, говорилъ, что свою бiографiю она должна начинать со дня прiѣзда въ Парижъ: «Вашу раннюю юность надо пропускать, какъ Моммзенъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ пропускаетъ весь начальный перiодъ исторiи Рима, не заслуживающiй, по своему легендарному характеру, вниманiя серьезнаго историка». Графиня притворно сердилась; она, по ея словамъ, принадлежала къ

знатной испанской семьѣ, почему-то утерявшей титулъ и давно переселившейся въ Южную Америку; до паденія монархіи имѣла право на табуретъ при мадридскомъ дворѣ; отецъ же ея могъ оставаться въ шляпѣ въ присутствіи испанскаго короля. Воспитывалась она во французскомъ католическомъ монастырѣ и была набожна: благочестіе въ ней уживалось съ необыкновенно лѣвыми взглядами. Бракъ ея съ графомъ де Белланкомбръ былъ устроенъ родителями по разсчету. Она принесла въ приданое мужу состояніе большое, но не огромное. Мужъ, бывшій много ея старше, далъ ей титулъ звучный, но не исключительный по блеску. Бракъ оказался несчастливымъ: друзья говорили, что графъ измѣнялъ женѣ «сколько могъ и пока могъ»; говорили также, что супруги терпѣть не могутъ другъ друга; они этого почти и не скрывали.

Политическіе дѣятели, бывавшіе въ салонѣ графини де Белланкомбръ, приписывали ея высокое положеніе знатности и богатству; знатные и богатые люди приписывали его уму и образованію графини. Ея салонъ называли то «первымъ политическимъ салономъ Парижа», разумѣя качество, то «послѣднимъ политическимъ салономъ Парижа», исходя изъ принятаго взгляда, будто салоны исчезаютъ или могутъ когда-либо исчезнуть. Впрочемъ, говорили это и о десяткѣ другихъ домовъ. Занимались въ салонѣ не политическими идеями, а политическими людьми, причемъ признаннаго властителя, какимъ въ дру-

гихъ, сходныхъ, гостиныхъ были Клемансо, или Жюль Лемэтръ, или Анатоль Франсъ, у графини не было. Считался салонъ лѣвымъ, но бывали въ немъ и люди консервативныхъ взглядовъ. Графъ де Белланкомбръ принадлежалъ къ республиканскому союзу, иными словами былъ монархистомъ. Впрочемъ, о немъ никто не говорилъ и не думалъ. Интервьюерамъ, безпрестанно обращавшимся къ графинѣ и, по ея словамъ, отравлявшимъ ей жизнь, никогда и въ голову не пришло бы обратиться къ графу, — развѣ только съ анкетой о бриджѣ, въ которомъ онъ пользовался большимъ авторитетомъ. Но такъ какъ графиня себя называла «большевичкой на 75 процентовъ», а графъ сочувствовалъ монархистамъ, то въ салонѣ встрѣчались люди, едва между собой раскланивавшіеся въ другихъ мѣстахъ, — говорили, что такое сочетаніе гостей можетъ себѣ позволить только госпожа де Белланкомбръ. Это было особенностью ея салона, благодаря которой имъ дорожили и лѣвые, и правые: и тѣмъ, и другимъ ихъ собственная среда достаточно надоѣла; общество враговъ въ невражеской атмосферѣ было по ощущеніямъ острѣе; многіе предпочитали говорить любезности врагамъ, а не друзьямъ. У графини де Белланкомбръ помирились два знаменитѣйшихъ политическихъ дѣятеля, и это упрочило славу салона, придавъ ему почти историческій характеръ.

Возраста у графини до недавняго времени не было. Ея спеціальностью была молодость духа; она прочно причислилась къ молодымъ, и до нѣ-

которыхъ поръ это шло отлично; но въ послѣднее время юныя дамы, съ которыми она продавала шампанское на благотворительныхъ базарахъ, говорили ей съ искреннимъ жаромъ: «вы моложе насъ всѣхъ!», и что-то въ ихъ сіяющихъ улыбкахъ было не совсѣмъ пріятно графинѣ; молодость духа дѣйствовала все же лишь до нѣкотораго предѣла. Графиня была очень добра, часто устраивала разные благотворительные вечера, разсылала билеты, ѣздила съ подписными листами; жертвовала и сама деньги, однако немного: бóльшая часть ея вклада была натуральной и заключалась въ инициативѣ, въ совѣтахъ, въ общественной бодрости. Говорили впрочемъ, что она благодѣтельствуетъ нѣкоторымъ людямъ тайно, но тутъ же добавляли, что это всего лучше и въ религіозномъ, и въ экономическомъ отношеніи.

Имѣлъ салонъ графини нѣкоторыя второстепенныя особенности. Обѣдали въ ея домѣ по старинному, на полчаса раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Въ числѣ блюдъ два или три были изобрѣтены спеціально для салона бывавшимъ въ немъ извѣстнымъ гастрономомъ. Иностранцамъ было легче попасть въ салонъ, чѣмъ французамъ, вродѣ какъ иностранцамъ легче, чѣмъ французамъ, получить орденъ Почетнаго легіона. Салонъ и вообще не считался особенно замкнутымъ, — карьера была открыта талантамъ, — въ домъ графини могъ попасть всякій знаменитый, или подающій твердыя надежды на славу, человѣкъ, если онъ умѣлъ прилично себя вести

и если все-таки не выходилъ изъ нѣкоторыхъ, хоть очень широкихъ, политическихъ предѣловъ. Предѣлы же эти не были установлены разъ навсегда и понемногу раздвигались въ связи съ общимъ ходомъ исторіи. Такъ, знаменитые нѣмцы и мечтать не могли бы о салонѣ графини еще въ 1920 году, но были въ него допущены въ 1922-омъ. Такъ и большевики появились въ домѣ не сразу, притомъ сначала лишь къ чаю, а не къ обѣду; графиня была одной изъ пяти или шести дамъ, каждая изъ которыхъ гордилась тѣмъ, что первая начала принимать у себя большевиковъ и что именно ей подражали въ этомъ другія (какъ версальскіе придворные стали подвергаться операціи фистулы послѣ того, какъ эта операція была сдѣлана Людовику XIV). Для совѣтскихъ дѣятелей условіе славы замѣнялось условіемъ виднаго положенія въ партіи или большой освѣдомленности въ международной политикѣ: совѣтскіе дипломаты въ послѣднее время цѣнились на вѣсъ золота. Французскихъ коммунистовъ графиня еще не принимала. Ея большевистскія симпатіи отчасти вытекали изъ симпатій къ Россіи, отчасти съ ними сплетались. Вермандуа совѣтовалъ ей душиться смѣсью «Amou Daria» и «Cuir de Russie», а на маленькомъ столикѣ въ гостиной держать томикъ Достоевскаго: «но, Боже васъ избави, не большіе его романы, — сейчасъ лучше всего «Вѣчный мужъ», онъ въ страшномъ повышеніи».

Говорилъ онъ это благодушно, такъ какъ любилъ графиню де Белланкомбръ или, по крайней

мѣрѣ, относился къ ней съ меньшимъ отвращеніемъ, чѣмъ къ большинству другихъ людей. Вдобавокъ, привыкъ къ ея удобному, хорошо поставленному дому. Особенности ея снобизма были не очень ему интересны, зналъ онъ ее наизусть, да и думалъ, что знать собственно нечего. Удивляли его въ графинѣ лишь ея глаза, — прекрасные, глубокіе, черные, обведенные кругами, — «не тѣми, что бываютъ при болѣзни почекъ», — и еще больше удивляло, что она была необыкновенно музыкальна, притомъ безъ всякой рисовки, безъ оглядки на моду, безъ желанія непремѣнно открыть своего генія, какѣ Полина Меттернихъ «открыла Вагнера́». Графиня могла часами, съ неподдѣльнымъ наслажденіемъ, слушать самую трудную, мало доступную музыку. Въ ея салонѣ изрѣдка устраивались музыкальные вечера, всегда очень хорошіе, ставившіе слушателямъ требованія, которыхъ многіе не выдерживали: незамѣтно исчезали или переходили въ билліардную. Графиня слушала, сидя на стулѣ, въ странной, не свѣтской, позѣ, какъ-то на-бокъ, охвативъ правой рукой лѣвое плечо, и глаза ея при этомъ принимали выраженіе, обычно называемое потустороннимъ. «Фальшиво-духовные глаза? Или что-то затерялъ Господь Богъ, создавая душу этой неумной женщины», — думалъ тогда, глядя на нее, Вермандуа.

— Мнѣ было неизвѣстно это выраженіе Ницше, — сказалъ онъ нѣмцу, лицо котораго

себѣ обѣщаніе говорить только о погодѣ было забыто въ самомъ началѣ вечера. Онъ велъ бесѣду въ привычномъ ему стилѣ тѣхъ ученыхъ благопристойныхъ шуточекъ, которыми обмѣниваются, на торжественныхъ засѣданіяхъ, старый и вновь принимаемый члены Французской Академіи. Но Вермандуа здѣсь, считаясь съ низкимъ уровнемъ аудиторіи, нѣсколько упрощалъ этотъ стиль, что доставляло ему удовольствіе: такъ Маллармэ мечталъ о сотрудничествѣ въ «Petit Journal». — Мы говорили о концѣ міра. Вы теперь говорите о шествіи человѣчества къ лучшему будущему. Поставимъ же вопросъ такъ: міръ продолжается, развиваясь въ твердо имъ принятомъ нынѣшнемъ направленіи. Я съ искреннимъ вздохомъ спрашиваю: такъ ли ужъ ему необходимо для этого продолжаться? Недолгое царство духа, о которомъ вы говорите, дорогой посолъ, — обратился онъ къ Кангарову съ нѣжной улыбкой, — собственно всегда было вполнѣ конституціоннымъ, съ весьма ограниченными правами монарха. Но теперь монархъ лишился и фиктивной видимости власти. Міру было дано то, что въ новѣйшей педагогіи, кажется, называется предметнымъ урокомъ. У человѣка есть очень большія достоинства; однако, къ сожалѣнію, онъ чрезвычайно глупъ. И вамъ, большевикамъ, принадлежитъ безспорная заслуга: вы первые въ новѣйшей исторіи выяснили намъ это съ такой педагогической наглядностью (Кангаровъ слабо улыбнулся, не зная, какъ отнестись къ словамъ Вермандуа). Теперь о всеобщемъ изби-

рательномъ правѣ лучше не говорить, а бормотать, по возможности не глядя въ глаза собесѣднику. Бормотать же, конечно, можно и дальше: это единственное утѣшеніе, которое намъ остается. Да еще, пожалуй, то, что человѣкъ, нынѣ лишенный всѣхъ правъ состоянія, въ награду и утѣшеніе себѣ до поры до времени (скажемъ, до столкновенія съ кометой) быстро увеличиваетъ свою такъ называемую «власть надъ природой»; да, да, аэропланы дѣлаютъ пятьсотъ километровъ въ часъ, а скоро будутъ дѣлать, вѣроятно, тысячу. Однако мнѣ противны и эти аэропланы, и люди, которые на нихъ летаютъ. Чудеса эти служатъ для того, чтобы, съ бѣшенымъ рискомъ для почтальона, перевозить почту изъ Австраліи, и еще для того, чтобы, при случаѣ, сжечь Парижъ. Но изъ Австраліи я получаю весьма мало писемъ, и въ нихъ нѣтъ ничего особенно спѣшнаго; а Парижемъ я, по привычкѣ, нѣсколько дорожу. У науки плюсы и минусы стоятъ рядышкомъ, какъ mariages и deuils въ свѣтской хроникѣ газетъ...

— Вопросъ о томъ, нужно ли міру продолжаться, не имѣетъ разумнаго смысла, — прервалъ его адвокатъ. — Міръ существуетъ и, не въ обиду вамъ будь сказано, будетъ существовать и дальше. Тогда возникаетъ вопросъ и о соціальномъ, и о духовномъ прогрессѣ. Хоть убейте меня, я не вижу признаковъ близящагося столкновенія земли съ кометой; но если это столкновеніе неизбѣжно, то мы съ вами тутъ

рѣшительно ничего подѣлать не можемъ. Устройство общества — другой вопросъ.

— Вы увидите, будетъ такъ: земля столкнется съ кометой какъ разъ послѣ того, какъ, при участіи французской соціалистической партіи и вашемъ, дорогой другъ, на землѣ наступитъ идеальный общественный строй. То-то я повеселюсь, когда столпотвореніе выброситъ меня изъ могилы, — сказалъ Вермандуа, снова снижая тонъ разговора; онъ всегда это дѣлалъ во время, оправдывая свою репутацію превосходнаго causeur'а.

— Вы и въ могилѣ будете лежать съ саркастической улыбкой, — сказала графиня. «Dors-tu content, Voltaire, et ton hideux sourire — Voltige-t-il encor sur tes os décharnés?..» Любите ли вы эти божественные стихи? — «...Eh bien, qu'il soit permis d'en baiser la poussière — Au moins crédule enfant de ce siècle sans foi, — Et de pleurer, ô Christ! sur cette froide terre — Qui vivait de ta mort, et qui mourra sans toi!» — прочла она негромко. — Вы видите, я тоже могу приводить цитаты.

— Цитаты съ такими нелюбезными словами! «Hideux sourire»! Не ожидалъ!

— Сравненіе съ Вольтеромъ, даже при этомъ словѣ, не можетъ быть нелюбезнымъ, — сказалъ графъ. — Кромѣ того я, какъ вы знаете, не отвѣчаю за мою жену. Поэтому, пожалуйста, не посылайте мнѣ секундантовъ.

— Господа, идетъ утка! — воскликнулъ Вер-

мандуа. — Объявляется небольшой антрактъ въ нашей бесѣдѣ.

— Налейте мнѣ еще вина, вонъ того, — негромко сказала Надя Тамарину.

— Не много ли будетъ Надежда Ивановна?

— Что же тутъ дѣлать, если не ѣсть и не пить?

— Кушайте на здоровье, а много пить нехорошо.

— Только попробовать: я этого еще не пила...

XIX.

На большой дорогѣ онъ встрѣтилъ на этотъ разъ очень мало людей. Только изъ кофейни, расположенной по близости отъ вокзала, доносился гулъ веселыхъ голосовъ. Было даже не совсѣмъ пріятно, что людей на дорогѣ оказалось такъ мало: это не соотвѣтствовало его предположеніямъ. «Все неожиданное досадно: ошибся въ этомъ, могу ошибиться и въ болѣе важномъ»... Альвѣра почти никакого волненія не испытывалъ и очень этимъ гордился; прошла даже и зѣвота. Только когда онъ подошелъ къ углу боковой тропинки, дыханіе у него прервалось. Какъ было предусмотрѣно, онъ сначала прошелъ по большой дорогѣ дальше, лишь бросивъ искоса быстрый взглядъ на тропинку. Тамъ, приблизительно на ея срединѣ, мягко выдѣлялось на землѣ свѣтовое пятно: свѣтъ падалъ изъ окна виллы мосье Шартье, никакого другого дома на тропинкѣ не было. Альвера прошелъ по до-

рогѣ шаговъ сто (это входило въ расписаніе), затѣмъ съ движеніемъ досады, будто что-то забывъ (хоть никого по близости не было), повернулъ назадъ. «Никого! Все въ порядкѣ»... Онъ быстро свернулъ на тропинку и пошелъ въ направленіи къ неправильному, расширявшемуся четыреугольнику мягкаго свѣта.

Вдругъ онъ услышалъ музыку и замеръ: ничто не могло бы поразить его больше. «Что это? Какая музыка? Откуда музыка?..» Въ ту же секунду Альвера почувствовалъ, что его заливаетъ невыразимая радость, причину которой онъ понялъ не сразу. «Если у него гости, значитъ, дѣло откладывается: нѣтъ, срывается, безъ всякой моей вины!.. Но вѣдь никакого инструмента у него нѣтъ!» — подумалъ онъ и ахнулъ: «Радіо!.. Если радіо, то, быть можетъ, онъ слушаетъ въ одиночествѣ... Сейчасъ все рѣшится»... Альвера остановился шагахъ въ пятнадцати отъ калитки, не вполнѣ естественнымъ, опернымъ жестомъ приложилъ руку къ сердцу: оно почти не стучало. Пѣлъ мужской голосъ, ясно были слышны и слова. «...Et puis, cher, ce qui me décide — A quitter le monde galant...» — съ шутовски-поддѣльной интонаціей веселья, подчеркнуто выкрикивалъ пѣвецъ. Радіоаппаратъ поразилъ Альвера: онъ еще не могъ себѣ уяснить, выгодно ли это или нѣтъ, чувствовалъ однако, что было бы лучше безъ радіоаппарата. «Ну, да онъ закроетъ»... Сдѣлалъ нерѣшительно нѣсколько шаговъ и увидѣлъ, что окно кабинета мосье Шартье отворено! «Но какъ же я э т о г о не предусмот-

рѣлъ! Что удивительнаго въ томъ, что окно отворено въ теплый вечеръ! Это очень важно, очень важно!.. Вѣдь, если такъ, выстрѣлъ можетъ быть слышенъ. Однако по близости никакого жилья нѣтъ, по тропинкѣ никто не ходитъ... Теперь радіо можетъ оказаться полезнымъ: заглушитъ... Звукъ выстрѣла вѣдь очень слабый»... Альвера снялъ очки, нѣсколько разъ мигнулъ, надѣлъ перчатки. Взглянулъ на часы: противъ расписанія было опозданіе въ двѣ минуты; оно не имѣло значенія: запасъ былъ болѣе, чѣмъ достаточный. — ...«C'est que ma bourse est vide, vide, — Vide que c'en est désolant», — пѣлъ голосъ. Еще разъ оглянулся, — нигдѣ никого не было видно, — и перевелъ предохранитель револьвера движеніемъ теперь совершенно привычнымъ. «Я скажу: «Кажется, у васъ гости, мосье Шартье? Тогда не безпокойтесь: вотъ рукопись, мы сочтемся въ слѣдующій разъ...» Этого слѣдующаго раза ужъ навѣрное никогда не будетъ: когда же онъ мнѣ снова назначитъ свиданіе вечеромъ? И развѣ я выдержу еще мѣсяцъ или хотя бы только недѣлю такой жизни?..» — ...«Or pour peu qu'on y refléchisse, — Quand on n'a pas le sou, vois-tu»... Альвера быстро отворилъ калитку, прошелъ черезъ палисадникъ и позвонилъ. Послышались заглушаемые музыкой неторопливые шаги. «Кто тутъ?» — спросилъ за дверью старикъ. — «Это я. Переписчикъ», — отвѣтилъ Альвера (только дыханіе было все-таки не совсѣмъ такое, какъ всегда). — «Ахъ, это вы, м-м... Я и забылъ», — сказалъ мосье Шартье, отворяя

дверь. «...Il est temps de lâcher le vice — Pour revenir à la vertu»...

— Здравствуйте, молодой человѣкъ, я совсѣмъ забылъ, что вы должны пріѣхать. Входите... — На вѣшалкѣ была только одна шляпа. «Его или чужая?»

— Но, кажется, я вамъ помѣшалъ? У васъ гости, мосье Шартье, — спросилъ Альвера и даже улыбнулся. «Голосъ дрогнулъ, но лишь чуть-чуть, а улыбка совсѣмъ приличная»...

— Какіе гости у старика въ десятомъ часу вечера! — весело сказалъ мосье Шартье, повышая голосъ, чтобы покрыть доносившуюся изъ кабинета музыку. — Нѣтъ, я одинъ, это у меня радіо: обзавелся аппаратомъ на старости лѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Поздравляю васъ, — сказалъ Альвера. Дыханіе у него на мгновеніе пересѣклось совсѣмъ. «Ну, и отлично. Сейчасъ конецъ!..»

— Отличный аппаратъ. Семь лампъ, три гаммы волнъ... Входите.

— Мнѣ совѣстно безпокоить васъ...

— Какое же безпокойство? Это мнѣ совѣстно, что вы сюда для этого пріѣхали. Правда, работа срочная, но можно было въ концѣ концовъ и послать по почтѣ. Вы говорили впрочемъ, что пріѣзжаете сюда подышать свѣжимъ воздухомъ? Пожалуйте.

Они вошли въ кабинетъ. Это была довольно большая выстланная бобрикомъ комната, съ обыкновенной недорогой мебелью, съ окномъ выходившимъ въ палисадникъ. На комодѣ сто-

ялъ новенькій, сіявшій лакомъ палисандра радіоаппаратъ. Мосье Шартье подвелъ къ нему гостя, онъ видимо все еще наслаждался покупкой. «Стрѣлять, когда вынетъ бумажникъ», — вспомнилъ Альвера, — «но окно? Не затворить ли незамѣтно? Нѣтъ, нельзя».

— Все привезли? Спасибо, — сказалъ старикъ и, не слушая отвѣта, наклонился надъ ящикомъ. «Вотъ теперь... Нѣтъ, не отступать отъ плана: когда полѣзетъ за бумажникомъ»... — Мосье Шартье повернулъ ручку и съ улыбкой оглянулся. Звуки стали нѣсколько менѣе сильными. — Антифадингъ, супергетеродинъ, — сказалъ онъ, наслаждаясь какъ будто и новой терминологіей, — послѣднее слово техники.

— Я, къ сожалѣнію, ничего въ этомъ не понимаю... Но если семь гаммъ волнъ, то вы, вѣрно, можете слушать и Америку?

— Три гаммы волнъ, — отвѣтилъ, засмѣявшись, мосье Шартье. — Семь лампъ. Разумѣется, и Америку, и колоніи, и Москву, все могу слушать. Ну, давайте вашу штуку. Тридцать двѣ страницы. Значитъ, вамъ слѣдуетъ сорокъ восемь франковъ. Сейчасъ хотите или все сразу?

— Если можно, сейчасъ. Мнѣ надо платить за квартиру.

— За квартиру? — удивленно спросилъ старикъ. — Кто же теперь платитъ за квартиру? Вѣдь у насъ не октябрь.

— У меня комната. Я плачу помѣсячно.

— Отчего же вы лучше не снимете годовую квартирку? Вамъ будетъ стоить дешевле.

— Тогда надо платить сразу за три мѣсяца впередъ, да еще залогъ, а у меня никогда нѣтъ свободныхъ денегъ.

— Нѣтъ денегъ, — недовѣрчиво протянулъ мосье Шартье. Ему, очевидно, было трудно повѣрить, что есть люди, у которыхъ нѣтъ *такихъ* денегъ. — Да много ли для этого нужно? Вы сколько платите?

— Сто пятьдесятъ въ мѣсяцъ... «Что же это? Время уходитъ», — со злобой подумалъ онъ, чувствуя, что *не можетъ* выйти выстрѣломъ изъ этой неожиданной, не входившей въ расписаніе, бесѣды. — Сто пятьдесятъ въ мѣсяцъ.

— Ну, вотъ видите, — сказалъ мосье Шартье. — Это значитъ тысяча восемьсотъ въ годъ. А квартиру вы можете получить съ кухней за тысячу двѣсти, даже, при удачѣ, за тысячу. Теперь, вѣрно, можно найти и такую, чтобы безъ залога. Неужели у васъ нѣтъ трехсотъ франковъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ глухимъ голосомъ Альвера и, холодѣя, опустилъ руку въ карманъ. Мосье Шартье задумался.

— Послушайте, — сказалъ онъ (Альвера разжалъ въ карманѣ рукоятку револьвера, точно это «послушайте» обязывало его къ продолженію разговора). — У меня будетъ еще очень много работы. Вы переписываете отлично, это что и говорить. Хотите, я вамъ дамъ впередъ франковъ двѣсти? Вы снимете квартиру и понемногу мнѣ все выплатите, а? Вы славный молодой человѣкъ, вотъ и работу вы мнѣ приво-

зите на домъ, это мнѣ очень удобно. Я вамъ потомъ заплачу и за проѣздъ, не думайте, что я не помню, — сказалъ онъ, видимо находясь въ порывѣ великодушія, и снова шагнулъ къ комоду. Аппаратъ засипѣлъ. «Turlututu», — прогоготалъ хоръ. Послышался женскій голосъ:

«Hier à midi, la gantière
Vit arriver un Brésilien»...

Мужской голосъ отвѣтилъ:

«Il lui dit: Voulez-vous, gantière,
Vendre des gants au Brésilien?»

— Прелесть! — сказалъ мосье Шартье и засмѣялся. — Любите оперетку, молодой человѣкъ? Это одна изъ лучшихъ Оффенбаха... — Онъ повернулъ ручку аппарата, звуки стали громче. — Нѣтъ никакого смысла снимать комнату помѣсячно, — убѣжденно сказалъ старикъ, опять нѣсколько повышая голосъ и съ улыбкой прислушиваясь къ пѣвцамъ. «...C'est mon état, dit la gantière, — Quelle couleur, beau Brésilien?» — повторилъ онъ за пѣвицей, изображая пѣніе и улыбкой, и поднятіемъ плеча, и легкимъ подтаптываніемъ. — Полтораста-двѣсти франковъ я вамъ могу дать, а остальное вы гдѣ-нибудь достанете. Обзаведетесь своимъ угломъ, это отлично. «...Sang de boeuf, charmante gantière, — Lui riposta le Brésilien...» — Такъ вамъ сорокъ восемь? Дайте мнѣ два франка сдачи. — Онъ опустилъ руку

въ карманъ за бумажникомъ. Вдругъ лѣвая часть его лица исказилась страшной гримасой, мускулы дернулись разъ, затѣмъ жутко-быстро еще и еще. Мосье Шартье поспѣшно отвернулся. И точно тикъ разрѣшилъ послѣднія колебанія Альвера, — онъ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ затылокъ старика. Выстрѣлъ прозвучалъ гулко, гораздо громче, чѣмъ тамъ, въ лѣсу. Мосье Шартье ахнулъ, повернулся, лицо его все дергалось, глаза выкатились. Онъ открылъ ротъ, сдѣлалъ шажокъ, поднялъ руку и упалъ. Альвера съ ужасомъ взглянулъ въ сторону окна. Мосье Шартье, дергаясь, судорожно повернулся на бобрикѣ, какъ-то скрючившись на бокъ, и затихъ. Онъ былъ убитъ наповалъ. Въ комнату ворвался оглушительный хоръ, радостно, съ торжествомъ, повторившій слова пѣвца:

...«Et dans la main de la gantière
Tremblait la main du Brésilien»...

Полицейскіе велосипедисты, проѣзжавшіе по дорогѣ въ Парижъ, услышали гулкій, четкій звукъ: не то выстрѣлъ, не то разрывъ шины. Они замедлили ходъ, прислушиваясь. Ничего тревожнаго слышно не было. — «Какъ будто со стороны виллы отца Шартье»... Издали донеслась музыка. «Это онъ на дняхъ купилъ радіоаппаратъ», — съ завистью сказалъ одинъ полицейскій, мечтавшій о радіо и собиравшій рекламныя объявленія магазиновъ, — «далъ двѣ тысячи двѣсти, все сразу, безъ разсрочки». — «На-

жился на биржѣ, игралъ на пониженіе», — проворчалъ другой. — «Развѣ послушать? кажется, что-то веселенькое»... — «По тропинкѣ ѣхать неудобно, а впрочемъ все равно». — Они свернули на тропинку и подъѣхали къ виллѣ. Ничего подозрительнаго не было. Изъ раствореннаго окна неслись веселые куплеты. — «Отличный аппаратъ! Электродинамическій громкоговоритель, пюшъ-пюлль», — огорченно сказалъ первый полицейскій, — «мнѣ бы такой! Хорошо богатымъ людямъ». — «Я даромъ бы не взялъ, это еще хуже, чѣмъ купить канарейку»... Съ музыкой внезапно произошло нѣчто странное, послышался дикій ревъ. «Эхъ, старый болванъ! Купилъ такой аппаратъ и не умѣетъ съ нимъ обращаться! Мосье Шартье!» — закричалъ онъ въ окно, — «да вы не ту ручку вертите!..» Какая-то тѣнь скользнула по стѣнѣ и исчезла. — «Мосье Шартье!», — прокричалъ снова полицейскій. Тѣнь метнулась въ сторону, — что-то слишкомъ быстро для стараго человѣка. Полицейскіе переглянулись. Первый съ рѣшительнымъ видомъ отвелъ свой велосипедъ къ дереву.

„Минута ужаса, вызваннаго въ особенности неожиданной силой выстрѣла, прошла. Онъ съ торжествомъ прислушивался къ себѣ. Экзаменъ былъ выдержанъ превосходно. Альвера не чувствовалъ ни раскаянія, ни ужаса. Какъ онъ и думалъ, все оказалось вздоромъ: особенно эти ими выдуманныя угрызенія совѣсти.

Только дышать ему какъ будто было немного труднѣе, чѣмъ всегда. Позднѣе ему казалось, что сдѣланное имъ еще не дошло въ ту минуту до его сознанія, что онъ просто еще не воспринималъ случившагося. Но самъ отвѣчалъ, что этого не могло быть: все произошло по плану, ощущенія убійцы были имъ до убійства перечувствованы сто разъ, и при провѣркѣ оказались вѣрными.

Сохраняя хладнокровіе, онъ положилъ револьверъ въ карманъ, наклонился надъ тѣломъ: старикъ былъ мертвъ. «Смотрѣть, разумѣется, непріятно, но вѣдь такъ же непріятно было бы смотрѣть, если-бъ я убилъ его въ бою или на дуэли». Еще подумалъ, что въ чисто-техническомъ отношеніи все сошло прекрасно: убилъ однимъ выстрѣломъ, сразу, во второй разъ стрѣлять не пришлось: предусматривалась и такая возможность, — придется добивать, тогда, конечно, тоже выстрѣломъ, хоть это увеличиваетъ рискъ: на ножъ, на кастетъ, онъ чувствовалъ, у него не хватило бы нервной силы.

Альвера взглянулъ на часы: почти никакого опозданія. На поиски денегъ оставалось еще тринадцать минутъ. Онъ осмотрѣлся, осторожно (хоть крови было мало) поднялъ выроненный старикомъ бумажникъ, бѣгло-равнодушно заглянулъ въ него, — «да, кажется, денегъ порядочно. Считать? Нѣтъ, потомъ». Сунулъ бумажникъ въ карманъ, оглянулся и подумалъ, что начать поиски надо со средняго ящика стола, — ключъ торчалъ въ замкѣ. «Да, все идетъ отлич-

но», — мысленно повторилъ онъ, переводя дыханіе, снова взглянулъ на старика, вздрогнулъ и поспѣшно отошелъ, точно старикъ могъ схватить его съ полу.

Прокрался къ двери (подумалъ, что красться собственно незачѣмъ), заглянулъ въ сосѣднюю комнату, оказалось, что это столовая. «Здѣсь что же можетъ быть? Серебро?.. Серебра, конечно, не трогать, его сбыть будетъ очень трудно. Значитъ, осмотрѣть ящики стола и пройти въ спальную, она, очевидно, тамъ, за столовой. Но какъ все это сдѣлать за четверть часа?!» Только теперь онъ понялъ, что расписаніе составилъ неправильно: въ пятнадцать минутъ обыскать домъ, совершенно не зная, гдѣ что можетъ храниться, немыслимо! «Какъ же я могъ допустить такую грубую ошибку?» — тревожно подумалъ онъ, и въ первый разъ хладнокровіе ему измѣнило. «Отлично идетъ, отлично»... Опять оглянулся, прошелъ снова на цыпочкахъ мимо тѣла, взглянулъ на лицо старика. Ему показалось, что оно искажено тикомъ. Почему-то это ударило его по нервамъ. Руки стали дрожать.

Растворенное окно вызывало у него все большую тревогу. «Съ тропинки заглянуть невозможно, окно слишкомъ высоко. Подойти и затворить? Рискованно: вдругъ кто-либо пройдетъ и увидитъ. Выстрѣла никто не слышалъ, никакого жилья по близости нѣтъ. Да и радіо!..» Онъ ахнулъ: точно сейчасъ только замѣтилъ, что радіо продолжаетъ орать! «...Partez, s'écria la gantière, — Partez, séduisant Brésilien...» — пѣла

женщина. Альвера вдругъ затрясся слабой дрожью. «Что за вздоръ!» — подумалъ онъ, стараясь успокоить себя, — «все сошло отлично. Опозданіе? Въ крайнемъ случаѣ, я могу остаться до слѣдующаго поѣзда. Онъ проходитъ получасомъ позднѣе. Правда, въ немъ пассажировъ меньше, но это не такъ важно... Тогда на поиски останется сорокъ пять минутъ, болѣе чѣмъ достаточно». Но мысль о томъ, чтобы провести здѣсь еще три четверти часа, показалась ему очень непріятной, почти нестерпимой: онъ испытывалъ потребность что-то дѣлать, дѣлать быстро и энергично: «Сейчасъ приступить къ поискамъ, сейчасъ же, сію секунду! Если за тринадцать — теперь уже за двѣнадцать — минутъ найду, — уйти; если нѣтъ, — остаться до слѣдующаго поѣзда... И тогда, разумѣется, уйти ровно за семь минутъ. Не забыть передъ уходомъ закрыть это проклятое радіо!.. Иначе оно будетъ орать всю ночь, сосѣди обратятъ вниманіе, темпъ будетъ потерянъ. Но собственно его можно закрыть уже и сейчасъ: если кто и пройдетъ, вполнѣ естественно, что старикъ въ десятомъ часу прекратилъ музыку. Да, конечно, сейчасъ закрыть», — подумалъ онъ съ наростающей смутной безотчетной тревогой. Руки дрожали все сильнѣе. Альвера на цыпочкахъ приблизился къ аппарату и опять прислушался. «...Tu veux donc, cruelle gantière...» — пѣлъ шутовской голосъ. «Странно, что гдѣ-то идетъ оперетка, люди слушаютъ, хохочутъ, и я тоже слушаю... Но вѣдь и они могутъ меня слышать!..» Онъ тутъ

же выругалъ себя за глупость: его слышать по радіо никакъ не могли. «Кажется, начинаю терять самообладаніе... Да, непремѣнно сейчасъ, сейчасъ закрыть это проклятое радіо!..» Альвера наудачу повернулъ одинъ изъ кружковъ аппарата. Къ крайнему его смятенію, аппаратъ не только не замолкъ, а, напротивъ, загремѣлъ страшно. Альвера отдернулъ руку отъ кружка, снова за него схватился и сталъ вертѣть. Голосъ бразильца ревѣлъ совершенно дико, точно въ насмѣшку. Имъ овладѣлъ ужасъ. «Что-же это?!» — задыхаясь, подумалъ онъ, — «вѣдь люди нагрянутъ! Бросить? Пусть оретъ? Нѣтъ, нельзя, нельзя, сбѣгутся»... Онъ схватился обѣими руками за кружки, потянулъ ихъ, нажалъ на нихъ. Бразилецъ, издѣваясь, ревѣлъ все страшнѣе: «...Tu veux la mort du Brésilien»... Съ яростью онъ изо всей силы ударилъ кулакомъ по аппарату, толкнулъ его къ стѣнѣ, схватился за сердце, уже не опернымъ, а настоящимъ движеніемъ: чувствовалъ, что задыхается. И въ ту же минуту не изъ аппарата, а изъ окна послышался голосъ: не механическій, не мертвый, а живой, настоящій, сиплый: «Мосье Шартье»...

Дальше онъ не слышалъ. Альвера застылъ на мгновенье отъ ужаса. Низко согнувшись, скользнулъ куда-то въ сторону, перебѣжалъ въ уголъ. Онъ прислонился къ стѣнѣ, вынулъ изъ кармана револьверъ, судорожно-крѣпко сжалъ рукоятку. «Еще есть четыре патрона»... Теперь понялъ то, что кричали съ тропинки. Мысль его работала напряженно. «Прокричать: «я ложусь

спать, оставьте меня въ покоѣ»?.. Но они узнаютъ по голосу. Не отвѣчать ничего? Подойти къ окну и убить его? Лучше всего не отвѣчать... Можетъ, онъ покричитъ и пройдетъ мимо. Если позвонитъ, тоже не отзываться. Пойдетъ за полиціей? Но пока онъ придетъ, я успѣю скрыться. «...Et voilà comment la gantière...» — оралъ дикимъ голосомъ бразилецъ. За окномъ послышался шумъ уже не съ тропинки, а изъ палисадника; кто-то какъ будто пытался вскарабкаться на окно. Альвера поднялъ револьверъ. Въ окнѣ, какъ постепенно слагающіяся фигуры на экранѣ кинематографа, появилось кепи, усатое лицо, синія плечи. «Полиція!» — съ остановившимся дыханіемъ подумалъ онъ. — «Почему же полиція?..» На усатомъ лицѣ скользнулъ испугъ. Раздался выстрѣлъ, полицейскій вскрикнулъ и не то нырнулъ, не то свалился Альвера бросился къ двери. Вдогонку завылъ гогочущій хоръ:

«...Et voilà comment la gantière
Sauva les jours du Brésilien...»

Онъ отворилъ дверь, перебѣжалъ черезъ палисадникъ. Кто-то у калитки отшатнулся въ сторону. Альвера понесся по тропинкѣ. За нимъ, разрѣзая ревъ радіо, раздался пронзительный, протяжный, непрекращающійся свистокъ. «Погоня! Все пропало!» — успѣлъ подумать онъ, задыхаясь. Выбѣжалъ на большую дорогу, кто-то шарахнулся къ стѣнѣ. «Господи, что это!» — взвизгнулъ женскій голосъ. Гдѣ-то зажглись

огни, гдѣ-то стали отворяться ставни. «A l'assassin!..» — раздался отчаянный крикъ. Альвера бѣжалъ, уже понимая, что бѣжать некуда, что спастись невозможно: гильотина! Крики за нимъ все учащались. Особенно страшенъ былъ этотъ злобный, непрерывный, все усиливающійся свистъ. Вдали мелькнули огни кофейни. Сбоку, со стороны желѣзнодорожнаго полотна, послышался свистокъ паровоза. «Это мой поѣздъ!.. Вскочить... билетъ... заплачу штрафъ», — обезумѣвъ, думалъ онъ. Сзади прогремѣлъ выстрѣлъ. Альвера оглянулся на бѣгу: полицейскій на велосипедѣ былъ шагахъ въ двадцати отъ него. Онъ выстрѣлилъ въ полицейскаго, почти не цѣлясь, бросилъ въ него револьверомъ и снова побѣжалъ, уже изъ послѣднихъ силъ. Кто-то въ ужасѣ прижался къ забору. Альвера вспомнилъ объ электрическомъ рельсѣ. «Да, больше ничего не остается... Сингъ-Сингъ... Только бы добѣжать!..» — «A l'assassin!» — неcся гулъ злобныхъ, отчаянныхъ голосовъ. На порогѣ кофейни появился человѣкъ съ поднятой бутылкой. «Но если я не убилъ полицейскаго, можетъ гильотины не будетъ», — подумалъ Альвера. Онъ почувствовалъ ударъ, острую боль во рту, въ головѣ, схватился за подбородокъ, пошатнулся, обливаясь кровью, и упалъ.

XX.

...— Мозгъ Кювье вѣсилъ 1800 граммовъ, и на этомъ была въ спѣшномъ порядкѣ построена гипотеза о связи между геніальностью человѣка и вѣсомъ его мозга. Но позднѣе оказалось, что мозгъ лакея Кювье вѣситъ еще на 200 граммовъ больше. Боюсь, какъ бы съ вашей исторической миссіей пролетаріата не случилось того же: вдругъ окажется, что какая-нибудь другая соціальная группа еще лучше, чѣмъ пролетаріатъ? Ну, не на много, но лучше? Напримѣръ, гитлеровскіе дружинники, а?

— Вы нѣсколько упрощаете дѣло. Думаю, что и та психо-физіологическая теорія строилась не только на мозгѣ Кювье. Что до научной теоріи прогресса, то она создана Марксомъ на основѣ вполнѣ достаточнаго числа фактовъ.

— Научная теорія прогресса совершенно невозможна, дорогой мосье Серизье, — сказалъ Вермандуа. — Она невозможна потому, что въ основѣ соціальныхъ явленій лежитъ человѣкъ, т. е. нѣчто неопредѣленное, перемѣнчивое и противорѣчивое. Между тѣмъ ваша наука разсматриваетъ человѣка, какъ единицу опредѣленную и неизмѣнную, по крайней мѣрѣ въ теченіе довольно большого промежутка времени. Ваша наука, правда, допускаетъ, что въ пору каменнаго вѣка или хотя бы пятьсотъ лѣтъ тому назадъ человѣкъ былъ не таковъ, какъ теперь. Но для нашего времени она пользуется фиктивнымъ понятіемъ человѣка новой исторіи, произвольно

его дѣля по классовымъ признакамъ и произвольно считая неизмѣнными общія человѣческія свойства. Ваша наука исходитъ изъ понятій буржуа, крестьянинъ, пролетарій, приблизительно такъ, какъ химія пользуется понятіями кислорода или азота. Но азотъ и кислородъ всегда одинаковы; они черезъ тысячу лѣтъ будутъ точно такіе же, какъ сейчасъ. Человѣкъ же, все равно пролетарій или буржуа, только въ томъ и неизмѣненъ, что мѣняетъ свою коллективную душу каждый день. Сегодня онъ хочетъ демократіи, завтра гитлеровщины, послѣзавтра чего-нибудь еще (Вермандуа покосился на Кангарова). На такомъ шаткомъ понятіи никакой теоріи прогресса построить нельзя. Ваша наука думаетъ, что человѣкъ знаетъ, чего хочетъ, а онъ совершенно этого не знаетъ. Ваша наука думаетъ, что человѣкъ руководится своими интересами, а онъ руководится чортъ знаетъ чѣмъ.

— Напротивъ, — сказалъ Серизье, съ трудомъ скрывая раздраженіе. — По моему, и сравненіе ваше говоритъ противъ васъ же. Азотъ и кислородъ, при температурѣ въ 500 градусовъ и при давленіи въ 500 атмосферъ, проявляютъ, вѣроятно, не тѣ свойства, что при нормальномъ давленіи и при нормальной температурѣ. Точно такъ же поведеніе человѣка опредѣляется условіями, въ которыя его ставитъ исторія. При ненормальной температурѣ общества, при ненормальномъ соціальномъ давленіи, изъ рабочаго можетъ выработаться гитлеровецъ. Соціологія изучаетъ воздѣйствіе соціальныхъ условій на че-

ловѣка, какъ химія изучаетъ свойства веществъ въ разныхъ физическихъ условіяхъ.

— Вы забываете, что свойства кислорода при опредѣленной температурѣ, при опредѣленномъ давленіи всегда одинаковы. Химикъ ихъ знаетъ или можетъ изучить съ точностью. Соціологъ же не знаетъ рѣшительно ничего: въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, человѣка одной и той же соціальной категоріи, скажемъ одного и того же класса, — хоть границы между классами теперь совершенно не такія, какими были при Марксѣ, — этого человѣка можетъ потянуть и на строй Гитлера, и на строй Сталина, — сказалъ, не удержавшись, Вермандуа.

— Не думаете ли вы, господа, — поспѣшно вмѣшался Кангаровъ, — не думаете ли вы, что лакей Кювье могъ быть геніальнымъ человѣкомъ, которому помѣшалъ развиться несправедливый общественный строй?.. Развѣ нельзя допустить, что онъ... Мнѣ трудно выразить эту мысль настоящимъ словомъ... Какъ сказать, что лакей Кювье былъ геніальнымъ человѣкомъ въ потенціи? — по русски обратился онъ къ Надѣ. — Какъ по французски «въ потенціи»? Переведи этимъ красавцамъ.

— Я и по русски не знаю, что это такое, — со смѣхомъ сказала Надежда Ивановна.

— Дерзкая дѣвчонка, кажется, ты напилась? Погоди...

— Я знаю, что теперь принято иронически относиться къ марксизму, — началъ Серизье, ясно показывая тономъ, что теперь намѣренъ говорить

онъ и не дастъ себя перебить. «У него голосъ радіо-спикера», — подумалъ Вермандуа и изобразилъ на лицѣ вниманіе. — Марксизмъ, конечно, не берется объяснить все на свѣтѣ...

— Напротивъ, именно онъ берется.

— Позвольте мнѣ говорить, я не кончилъ, — сердито сказалъ адвокатъ. Всѣ съ удивленіемъ на него взглянули. — Если сторонниками марксизма и допускались нѣкоторыя увлеченія, то вѣдь нѣтъ молодыхъ ученій безъ крайностей. Но что же, господа, вы противопоставляете нашимъ взглядамъ? Не буду говорить о столкновеніи солнцъ, объ исчезновеніи кислорода и о прочихъ ужасахъ: право, это не такъ интересно. А внѣ этого вы противъ насъ выдвигаете идеи, отличающіяся тѣмъ, что спорить о нихъ совершенно невозможно. Слова «Богъ», «верховное начало», «разумное начало», «руководящее начало», имѣютъ каждое по нѣсколько смысловъ, и всякій употребляющій ихъ человѣкъ, какъ я много разъ убѣждался, самъ употребляетъ ихъ въ разныхъ смыслахъ, въ зависимости отъ того, съ кѣмъ онъ говоритъ и что ему удобнѣе для его словесныхъ конструкцій. Здѣсь съ сотворенія міра ничего, кромѣ общихъ мѣстъ, не было, — это были общія мѣста и при Адамѣ, — вставилъ онъ съ улыбкой, какъ прибѣгалъ иногда къ шуткѣ и къ улыбкѣ въ самыхъ патетическихъ рѣчахъ на судѣ. — Дѣло лишь въ томъ, что въ одни историческіе періоды обладаютъ агрессивной силой общія мѣста мосье Омэ, а въ другіе періоды агрессивная сила переходитъ къ об-

щимъ мѣстамъ противоположнымъ. Сейчасъ именно такой періодъ, періодъ *вашихъ* общихъ мѣстъ, — закончилъ онъ, показывая интонаціей, что теперь готовъ предоставить слово à son honorable adversaire et ami. Но и тонъ его, и улыбка, и слова были такъ непріятны, что всѣмъ стало неловко. «Озлобленный человѣкъ. Ахъ, да, опять не попалъ въ совѣтъ», — подумалъ Вермандуа.

Люди, знавшіе Серизье, радостно говорили, что изъ-за неудачъ у него все портится характеръ. Причислить его къ неудачникамъ было съ внѣшней стороны трудно. Серизье зарабатывалъ большія деньги адвокатской практикой, занималъ немалое положеніе и въ политическомъ мірѣ. Неудачникомъ онъ могъ считаться по сравненію не съ большинствомъ другихъ людей, а съ тѣмъ человѣкомъ, которымъ онъ долженъ былъ стать по надеждамъ (или опасеніямъ) людей, знавшихъ его лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Въ *первый* десятокъ лицъ своей профессіи онъ не попалъ; во *второмъ* десяткѣ занималъ мѣсто по праву. Серизье недавно въ третій разъ баллотировался въ совѣтъ парижскихъ адвокатовъ и получилъ довольно приличное число голосовъ, настолько однако недостаточное, что недоброжелатели съ торжествомъ поясняли: «Это для него катастрофа! Онъ совершенно убитъ!» Побывалъ онъ министромъ, но безъ блеска, на второстепенной должности, и вдобавокъ попалъ въ исключительный по не-

долговѣчности кабинетъ, такъ что и называться потомъ въ обществѣ «Monsieur le Ministre» ему было нѣсколько совѣстно, хоть и пріятно. Вождемъ соціалистической партіи Серизье также не сталъ. Напротивъ, его отношенія съ партіей становились понемногу все холоднѣе; въ послѣднее время онъ даже и состоялъ въ ней какъ-то на отлетѣ. Тутъ имѣло значеніе многое. Для главы соціалистовъ Серизье былъ слишкомъ занятъ адвокатской практикой, имѣлъ слишкомъ мало свободнаго времени, зарабатывалъ слишкомъ много денегъ. Въ злополучный кабинетъ онъ пошелъ не вопреки волѣ партіи, но безъ ея благословенія; и теперь собственно уже было не совсѣмъ ясно, соціалистъ ли онъ еще или нѣтъ: въ партійныхъ изданіяхъ его пока называли товарищемъ; однако ясно чувствовалось, что въ любой день, и даже очень скоро, могутъ, чего добраго, поставить передъ его фамиліей роковую букву М. Серизье оказался въ партіи ненужнымъ, или не очень нужнымъ, человѣкомъ. Болѣе молодые, напористые люди, безъ шума, безъ скандаловъ, вначалѣ медленно, съ почетомъ и съ поклонами, затѣмъ понемногу все скорѣе и нелюбезнѣе, оттѣснили его внизъ по наклону партійной карьеры. Такъ онъ и самъ въ свое время поступалъ съ прежнимъ партійнымъ вождемъ Шазалемъ, но ему казалось, что тогда было совершенно другое дѣло: тогда борьба была идейная.

А главное, съ Серизье случилось худшее изъ карьерныхъ несчастій: безъ всякой виднмой причины, его вдругъ перестали принимать въ

серьезъ. Онъ велъ большія и громкія дѣла, получалъ огромные гонорары, имѣлъ законное право до конца своихъ дней называться въ обществѣ «Monsieur le Ministre» и какъ будто состоялъ на верхахъ французской парламентской жизни. Но при упоминаніи его имени у всѣхъ появлялась легкая улыбка, — непоправимая катастрофа для человѣка. Улыбка эта словно означала, что о немъ извѣстно нѣчто смѣшное, больше ни у кого споровъ не вызывающее по своей явной и общепризнанной забавности. Ничего такого въ дѣйствительности не было: особенныхъ грѣховъ за Серизье не значилось, отъ своихъ политическихъ убѣжденій онъ не отказывался, грязныхъ дѣлъ никогда не велъ (хоть велъ иногда такія дѣла, отъ которыхъ отказался бы, если-бъ гонораръ былъ значительно меньше). Его репутацію нельзя было считать дурной, но она стала несерьезной, — это было еще хуже. Какъ на бѣду, онъ еще очень, почти до смѣшного, растолстѣлъ. И теперь всѣмъ было ясно, что изъ второго десятка въ первый Серизье никогда не перейдетъ. Въ болѣе свѣтлыя минуты онъ и самъ это чувствовалъ. У него въ жизни было три честолюбивыхъ мечты: стать главой адвокатскаго совѣта въ Парижѣ, стать главой партіи, стать главой правительства. Онъ видѣлъ, что ни одной изъ нихъ осуществиться не суждено.

Вермандуа развелъ руками.

— Вы собственно напрасно обращались ко мнѣ, дорогой другъ, — сказалъ онъ, какъ бы на-

рочно подчеркивая любезной интонаціей неучтивость тона адвоката. — Я за «разумныя силы» въ мірѣ никакой отвѣтственности принять не могу. Что до вашего молодого ученія, которому безъ малаго сто лѣтъ, то я противъ него ничего не имѣю, да если-бъ и имѣлъ, то не сталъ бы огорчать васъ и нашего гостепріимнаго хозяина. Всѣ другія соціальныя религіи провалились въ такой же мѣрѣ, какъ оно; вѣроятно, провалятся и соціальныя религіи, идущія имъ на смѣну. Крушеніе общественныхъ ученій сводится къ тому, что исторія неизмѣнно оказывается глупѣе самаго глупаго изъ нихъ... Вы любите кинематографъ, графиня? — спросилъ онъ, стараясь, по привычкѣ опытнаго говоруна, придавать монологу характеръ разговора, и, не дослушавъ ея отвѣта «Терпѣть не могу, никогда не хожу!», — продолжалъ. — Я очень люблю, но, видно, ничего не понимаю: за всю жизнь ни разу не улыбнулся, глядя на Шарло и на dessins animés, при видѣ которыхъ и толпа, и элита одинаково гогочутъ отъ радости. Мнѣ доставляютъ удовольствіе и даже пользу тѣ фильмы, гдѣ люди несутся на коняхъ, стрѣляютъ изъ браунинговъ и выскакиваютъ изъ аэроплановъ. Это, правда, школа гангстеровъ, но одновременно и школа энергіи. Въ умные театры я не хожу, а въ кинематографѣ бываю не менѣе одного раза въ недѣлю. Но въ чемъ разница между моей консьержкой и мной? Моя консьержка всегда все схватываетъ налету въ самомъ запутанномъ любовномъ или полицейскомъ фильмѣ: она сразу

понимаетъ, и что происходитъ, и какими побужденіями руководятся дѣйствующія лица, и зачѣмъ баронетъ хочетъ отравить разбойника, и почему модистка обвиняетъ себя въ преступленіи, котораго она не совершала. Я же начинаю понимать интригу не скоро, иногда ухожу изъ кинематографа, такъ и не понявъ нѣкоторыхъ ея пружинъ. Происходитъ это оттого, что я не могу поспѣть за глупостью фабулы: мнѣ трудно изъ всѣхъ неправдоподобныхъ и глупыхъ комбинацій сразу напасть на ту, самую неправдоподобную, самую глупую, совершенно идіотскую, которую обычно избираетъ сценаристъ. По такой же точно причинѣ меня до сихъ поръ удивляютъ историческія событія. Ничего умнаго, ничего хорошаго я отъ исторіи, кажется, не жду. Но она неизмѣнно выбираетъ нѣчто настолько чудовищное по глупости и мерзости, что мнѣ остается лишь разводить руками: не догадался, не подумалъ, не предвидѣлъ!

— Позвольте мнѣ, такъ сказать, въ качествѣ консьержки, съ этимъ не согласиться, — раздраженно смѣясь, сказалъ Серизье. — Или ужъ тогда напишите свой собственный курсъ міровой исторіи. Предлагаю вамъ заголовки нѣкоторыхъ главъ: «Возстаніе 14 іюля 1789 года подавлено властями. Комендантъ де Лонэ нѣсколькими мѣткими выстрѣлами разогналъ взбунтовавшуюся чернь»... Или такъ: «Нѣмецкія войска 11 ноября 1918 года вступаютъ въ Парижъ. Вильгельмъ II въ Версалѣ объявляется повелителемъ міра»...

— Я предлагаю и заключительную главу, — сказала графиня. — «По приговору возстановленнаго инквизиціоннаго трибунала, книги Луи-Этьенна Вермандуа сжигаются на кострѣ. Затѣмъ сжигается и онъ самъ, причемъ предварительно ему отрѣзываютъ языкъ».

— Сжечь его на кострѣ не худо, — вставилъ съ анатоль-франсовской улыбкой финансистъ, — но зачѣмъ же отрѣзать языкъ? Онъ говоритъ довольно занимательно.

— Лучше пусть его заставятъ отречься, какъ Галилея. Пусть онъ подъ пыткой признаетъ, что исторія представляетъ собой подлинное торжество разума.

— Обѣщаю вамъ оглупительное eppur si muove... — Нельзя ли ананасъ препарировать по моей системѣ? — обратился Вермандуа къ мэтръ-д'отелю. — Двѣ ложки кирша, затѣмъ сахаръ, мараскинъ и одна капля арманьяка, только одна капля.

— Вполнѣ одобряю. Это лучше, чѣмъ ваша философія исторіи, дорогой мосье Вермандуа, — сказалъ Серизье, смягченный успѣхомъ своей шутки. — Вы, очевидно, поставили себѣ цѣлью въ жизни — лишить людей надеждъ.

— Я, напримѣръ, только и живу надеждой на переходъ общества къ соціалистическому строю, а онъ хочетъ лишить меня и этой надежды! — замѣтилъ финансистъ. Всѣ смѣялись.

— Однако, господа, у насъ и въ самомъ дѣлѣ жгутъ теперь книги на кострахъ, — выговорилъ съ трудомъ докторъ Зигфридъ Майеръ. — Мо-

жетъ быть, даже и ваши? — обратился онъ къ Вермандуа.

— Неужели?! Какая реклама для его издателя!

— Кажется, я еще не удостоился этой чести, — небрежно сказалъ Вермандуа, не совсѣмъ довольный фамильярнымъ тономъ бесѣды: теперь не только финансистъ, но и другіе, мало съ нимъ знакомые, гости говорили о немъ о н ъ. — Очень радъ вашему замѣчанію, мосье... — обратился онъ къ нѣмцу, фамиліи котораго не зналъ. — Вѣдь, правда, вы были бы удивлены, если-бъ вамъ десять лѣтъ тому назадъ сказали, что въ Германіи установится гитлеровскій строй?

— Лично я не былъ бы удивленъ, — встрепенувшись, отвѣтилъ Майеръ. — Зная Германію, зная тѣхъ якобы республиканцевъ, которые у насъ правили, я всегда говорилъ, что...

— Тогда вы человѣкъ исключительной проницательности. А я этого не могъ себѣ представить, какъ въ кинематографѣ не могу предвидѣть, что маркиза себя нататуируетъ и бросится въ море, дабы навести подозрѣнія своего мужа на преступную красавицу.

— И все-таки, съ отступленіями назадъ, съ уклонами въ сторону, исторія идетъ къ соціалистическому строю, какъ бы вы надъ этимъ ни насмѣхались, дорогой другъ, — сказалъ Серизье. — Что прошло, то прошло. Замѣтьте, даже австрійскій маляръ, который, прочно за-

сѣвъ на престолѣ Гогенцоллерновъ, видимо не прочь присоединить къ нему еще и престолъ Габсбурговъ, все же монархіи не возстановилъ, капиталистовъ старается не баловать, по крайней мѣрѣ, открыто, и къ идеямъ манчестерской школы не вернулся. Несправедливыя соціальныя формы понемногу отживаютъ вездѣ.

— Онѣ полежатъ въ исторической могилѣ и затѣмъ, быть можетъ, благополучно, хоть не безъ червей, воскреснутъ: дайте только отдохнуть одному поколѣнію или подрости другому. Историческія гробницы, въ отличіе отъ настоящихъ, строятся съ разсчетомъ на воскресеніе.

— «И возвратится вѣтеръ на круги свои»? Это нѣсколько старо.

— И не вполнѣ вѣрно. Возвращающійся вѣтеръ не совсѣмъ таковъ, какимъ былъ прежній: онъ хуже или, по крайней мѣрѣ, противнѣе, у него нѣтъ прежней свѣжести, нѣтъ наивности перваго зефира... Быть можетъ, эта милая барышня увидитъ возстановленіе капитализма у себя на родинѣ. Но боюсь, новый капитализмъ будетъ безъ мягкихъ гуманныхъ заводчиковъ и безъ свободы стачекъ.

— Никогда у насъ никакого капитализма не будетъ! — бойко сказала Надя, довольно свободно справляясь съ французской фразой. «Ничего, отлично вышло».

— Слышите, неисправимый мизантропъ, — съ легкой тревогой вставилъ Кангаровъ, неопредѣленно бѣгая по столу глазами.

— Никто не можетъ сказать съ увѣренностью, что́ именно соблазнитъ человѣческую романтику послѣ установленія соціалистическаго строя. Вполнѣ допускаю, что душу людей потянетъ именно къ возстановленію соціальнаго неравенства посредствомъ ли переворота или неспѣшной эволюціи. Появятся капиталисты-революціонеры и капиталисты - эволюціонисты; каждая изъ этихъ группъ создастъ свою теорію соціальнаго прогресса. Кто же имъ можетъ помѣшать имѣть о прогрессѣ свое мнѣніе?.. Но во всякомъ случаѣ, что бы съ міромъ ни случилось, можно сказать съ увѣренностью: хуже, чѣмъ теперь, не будетъ. Еще никогда, кажется, въ исторіи не было столь мерзкаго, какъ въ наши дни, противорѣчія между красивыми рѣчами и скверными поступками. Въ былыя времена — нисколько ихъ не идеализирую — одни произносили хорошія слова и не дѣлали сознательно нехорошихъ дѣлъ; другіе дѣлали сознательно нехорошія дѣла, но не произносили хорошихъ словъ. Или, по крайней мѣрѣ, прежде это противорѣчіе было менѣе замѣтно. Если все будетъ идти по нынѣшнему, и если 21-ое столѣтіе наступитъ, то наши политическія, наши философскія идеи окажутся до смѣшного безполезными, — вродѣ какъ въ странахъ полярнаго климата были бы до смѣшного безполезны красивые южные дворцы съ террасами, со сквозными галлереями. Диктаторы далекихъ вѣковъ ставили себѣ опредѣленную цѣль, въ большинствѣ случаевъ разумную, — у римлянъ даже въ законѣ указывалась

цѣль избранія диктатора: dictator rei gerundae causa. Теперь въ Европѣ негритянскимъ нравамъ соотвѣтствуютъ негритянскіе царьки. Все это, какъ говоритъ одинъ мой пріятель, кончится какъ Марна: въ Шарантонѣ. Разумѣется, въ міровомъ Шарантонѣ. И, право, не надо бы кричать ни о 14-омъ іюля, ни объ 11-омъ ноября теперь, когда въ Берлинѣ сидитъ Гитлеръ, а... (онъ хотѣлъ добавить: «а въ Москвѣ Сталинъ», но опять во время спохватился). Отъ идей обѣихъ этихъ датъ уже не сохранилось ничего; можетъ быть, скоро ничего не сохранится, къ несчастью, и отъ ихъ матеріальнаго содержанія. Эльзасъ два раза переходилъ отъ нѣмцевъ къ французамъ и обратно, и, вѣрно, будетъ переходить еще двадцать два раза. Въ концѣ концовъ же имъ завладѣютъ какіе-нибудь монголы, такъ какъ отъ Европы останутся болѣе или менѣе интересныя, хоть смѣшныя, идеи, но не останется живыхъ людей.

— Кассандра, не танцуйте надъ развалинами еще не развалившейся Трои. Что бы вы ни говорили, отжившее не вернется.

Вермандуа оглянулся на графиню и ласково ей улыбнулся.

— Знаю, что я всѣмъ надоѣлъ. Стоитъ ли намъ огорчаться и огорчать другихъ? Есть прекрасныя женщины, прекрасныя книги, прекрасныя земли. Отжившее не вернется? Готовъ объ этомъ пожалѣть. Мнѣ досадно, что я, по главной неосторожности своей жизни, явился на свѣтъ Божій въ 19-омъ вѣкѣ. Надо было родиться

лѣтъ триста тому назадъ. Я былъ бы любовникомъ Нинонъ де Ланкло, зналъ бы рыцарей въ латахъ, видѣлъ бы папъ, носившихъ бороду. Вмѣсто жуликовъ-издателей меня кормилъ бы Людовикъ XIV.

— Можетъ быть, вблизи все это было и не такъ ужъ мило.

— Даже навѣрное. Но люди любятъ разнообразіе. Гете говорилъ: «Человѣчество, точно больной въ постели, все мечется съ одного бока на другой, какъ бы улечься покойнѣе». Еще ярче выразилъ эту мысль Лютеръ: «Міръ что пьяный мужикъ верхомъ на ослѣ: поддержишь его слѣва, онъ падаетъ направо; поддержишь его справа, онъ падаетъ налѣво»...

— Дорогой другъ, вы положительно злоупотребляете цитатами.

— Это худшій изъ моихъ пороковъ... И я нисколько не удивлюсь, если въ Германіи на смѣну Гитлеру придетъ нѣмецкій Сталинъ...

— Аминь! — воскликнулъ Кангаровъ. Но французы не поняли его восклицанія, такъ какъ онъ произносилъ «amigne».

— ...А въ Россіи на смѣну Сталину придетъ русскій Гитлеръ, — закончилъ за Вермандуа банкиръ, не очень церемонившійся съ хозяиномъ: договоръ о сдѣлкѣ уже былъ подписанъ.

— Это вы сказали, неисправимый буржуа, — примирительно произнесъ Вермандуа.

— Какъ вы совѣтуете, cher maître? киршъ, мараскинъ и арманьякъ? — опять поспѣшно спросилъ Кангаровъ, съ непріятнымъ чувствомъ оглянувшись на Вислиценуса.

XXI.

Къ кофе гости за столомъ перемѣстились. Кангаровъ покинулъ свое мѣсто и, перенося съ собой стулъ, сталъ подсаживаться то къ одному гостю, то къ другому: поговорилъ съ графиней, съ Серизье, сѣлъ между Тамаринымъ и Надей; это была конечная цѣль его маневра. Обѣдъ удался на славу, приглашенные получили все, на что могли разсчитывать, отъ мыслей Вермандуа до хереса и шампанскаго; теперь хозяинъ могъ подумать и о своемъ удовольствіи, тѣмъ болѣе, что общій разговоръ не умолкалъ ни на минуту. Не принималъ въ немъ участія только Вислиценусъ. «Хоть бы изъ приличія слово сказалъ. Ну, да чортъ съ нимъ!...» — подумалъ Кангаровъ, но не очень сердито: такъ былъ доволенъ своимъ вечеромъ.

— Правда, обѣдъ былъ на ять, Командармъ Ивановичъ? — спросилъ онъ, садясь между Тамаринымъ и Надеждой Ивановной. — Я думаю, можно теперь поболтать и по-русски, они не слышатъ.

— Отличный обѣдъ, тутъ кормятъ на славу, — отвѣтилъ Тамаринъ и на всякій случай добавилъ: «По крайней мѣрѣ, если судить по нынѣшнему»; не надо было думать, что онъ иногда и одинъ заходитъ въ столь дорогой ресторанъ. Тамаринъ въ самомъ дѣлѣ тутъ не былъ двадцать пять лѣтъ; въ началѣ обѣда онъ старался вспомнить, когда именно и съ кѣмъ былъ въ этомъ ресторанѣ въ послѣдній разъ. Воспоми-

наніе о потонувшемъ мірѣ было теперь ему такъ странно. Здѣсь его больше всего смущала разнородность общества; вся его жизнь прошла въ обществахъ весьма однородныхъ: сначала среди гвардейскаго офицерства, позднѣе въ совѣтской бюрократіи. И хотя Надежда Ивановна къ его обществу отнюдь не принадлежала, онъ тутъ естественно держался ея, — вродѣ какъ тѣснятся инстинктивно другъ къ другу, дѣлая видъ, что находятъ все очень интереснымъ и хорошимъ, христіане, случайно попавшіе въ синагогу или мечеть.

— Вотъ куда уходятъ народныя деньги! — сказала Надя. Вѣрнѣе, чуть заплетавшійся языкъ ея самъ выговорилъ почему-то эти слова, — вѣроятно, по принципу наименьшаго усилія: ей часто случалось ихъ произносить. Если-бъ не вино, она и въ шутку не позволила бы себѣ здѣсь такихъ словъ, несмотря на отеческое отношеніе къ ней Кангарова. Посолъ однако не разсердился.

— А что, если я тебѣ ушки надеру за такія за слова? — ласково сказалъ онъ. — По существу ты, конечно, права, но съ волками жить по волчьи выть... Все-таки вкусно, — добавилъ онъ съ легкимъ вздохомъ, какъ бы показывавшимъ, что мысль о народныхъ деньгахъ отравляетъ ему удовольствіе отъ обѣда. — Въ будущемъ всѣ такъ будутъ ѣсть каждый день. У меня въ жизни, — не скрываю, хоть немного и стыдно, — это большое удовольствіе. Тебѣ какъ понравилась утка съ апельсинами?

— Вкусно-то вкусно, но апельсины тутъ ни къ чему, а утки у насъ, въ Москвѣ, бываютъ и пожирнѣе.

— «Пожирнѣе», — передразнилъ Кангаровъ, чувствуя снова, что улыбка этой дѣвочки, ея глаза, — «сейчасъ пьяненькіе, нагленькіе», — для него дороже и важнѣе всего на свѣтѣ. — «Пожирнѣе»!.. — Кто-то тронулъ его сзади за плечо, онъ съ неудовольствіемъ оглянулся; за его стуломъ стоялъ съ заговорщическимъ видомъ докторъ Зигфридъ Майеръ.

— Moment, — сказалъ онъ, — ein Moment. — Кангаровъ неохотно всталъ и отошелъ съ нимъ къ окну.

— Въ чемъ дѣло?

— Вы, надѣюсь, не забыли? — таинственнымъ тономъ спросилъ нѣмецъ, показывая взглядомъ въ сторону Вислиценуса.

— Не забылъ чего? Ахъ, да, вы хотѣли съ нимъ поговорить. Но вѣдь я нарочно посадилъ васъ рядомъ, — солгалъ Кангаровъ.

— Я хотѣлъ бы поговорить съ нимъ наединѣ... Двое составляютъ компанію, а трое нѣтъ, — любезно осклабясь, сказалъ Майеръ.

— Такъ выйдите въ корридоръ, — съ досадой предложилъ посолъ. Его раздражало это дѣло, которое упорно держали отъ него въ секретѣ. — Онъ, кажется, говоритъ по-нѣмецки, лакеи вашихъ тайнъ не поймутъ... А то еще проще, ступайте въ этотъ кабинетикъ, васъ тамъ никто подслушивать не будетъ, — добавилъ онъ, показавъ

на портьеру. Майеръ одобрительно кивнулъ головой. — Я ему сейчасъ скажу.

Когда Вислиценусъ мрачно вышелъ съ Майеромъ въ комнатку за портьерой, Кангаровъ занялъ его мѣсто рядомъ съ графиней, немного съ ней поговорилъ, втравилъ ее въ разговоръ мужчинъ объ испанскихъ дѣлахъ и вернулся къ Надеждѣ Ивановнѣ. «Теперь бы еще этого сплавить», — подумалъ онъ и обратился къ Тамарину:

— Эти красавцы все жаждутъ узнать ваше мнѣніе о паденіи Бадахоса, Командармъ Ивановичъ. Я-то его знаю. Можетъ, вы имъ освѣтите?

— Не посрамите совѣтской земли, Константинъ Александровичъ, — сказала Надя, сама удивляясь своей развязности.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, постойте за нашу стратегическую школу. Вѣдь вы первый знатокъ. Блесните, блесните передъ ними.

— Да какая же въ этой войнѣ стратегія! — возразилъ Тамаринъ, вмѣстѣ и польщенный, и сконфуженный. Онъ и вообще не умѣлъ блистать, а тутъ надо было блистать по-французски. Однако онъ послушно пересѣлъ на мѣсто Вислиценуса и вмѣшался въ разговоръ, который черезъ минуту его увлекъ, несмотря на полную увѣренность командарма въ совершенной некомпетентности штатскихъ слушателей. Ужасы испанской войны вызывали у Тамарина сожалѣніе, — «хоть какія же войны безъ ужасовъ?» — но война радостно его волновала. Онъ слѣдилъ

за ней по газетамъ, какъ шахматный игрокъ, не участвующій въ международномъ турнирѣ, слѣдитъ за тѣмъ, провѣряется ли другими его идея.

— Я имъ подкинулъ Бадахосъ, теперь у насъ есть добрыхъ полчаса! — сказалъ тихо Кангаровъ, наклоняясь къ Надеждѣ Ивановнѣ. Почему-то онъ на этотъ вечеръ возлагалъ большія надежды. Съ ужасомъ и счастьемъ онъ почувствовалъ, что почти собой не владѣетъ. «Все равно! Все другое мнѣ все равно! Теперь или никогда!..» — Я надѣюсь, Бадахосъ тебя не такъ интересуетъ?

— Нѣтъ, не такъ. А васъ?

— Меня интересуешь только ты, и ты отлично это знаешь, скверная дѣвченка, — сказалъ онъ, не смягчая теперь своихъ словъ обычной сладкой улыбкой. Она наивно-изумленно открыла ротъ. «Эти губки, я съ ума схожу!..» Замирая, онъ совсѣмъ приблизилъ къ ней лицо.

— Хочешь, дѣтка, еще бенедектина?... Это мой любимый ликеръ.

— Хочу.

— Пей... Не такъ пьешь, дурочка. И я съ тобой выпью... А потомъ я тебѣ что-то скажу...

— Ничего не скажете, и не надо... Да вы что-жъ себѣ въ мою рюмку наливаете! У васъ есть своя.

— Узнаю всѣ твои мысли. А хочешь узнать мои? — почти прошепталъ Кангаровъ. Вермандуа издали бросилъ на нихъ свой профессіональный взглядъ. «Уже его любовница или только скоро будетъ?», — съ завистью спросилъ

себя онъ. «Онъ смотритъ на нее, какъ Фрагонаровскій амуръ, снимающій рубашку съ красавицы»...

Вислиценусъ дѣйствительно молчалъ все время обѣда, несмотря на попытки графини ввести его въ разговоръ. Мрачное настроеніе имъ овладѣло тотчасъ послѣ прихода въ ресторанъ. Еще въ дверяхъ кабинета онъ увидѣлъ Надежду Ивановну и самъ испугался своей радости. «Какъ похорошѣла!..» Помахавъ ей рукой, онъ поздоровался съ хозяиномъ, еле назвалъ гостямъ (которые, глядя на него, старались скрыть удивленіе) одну изъ своихъ фамилій, — первую, что пришла въ голову, — и подошелъ къ Надѣ. Ему однако показалось, что она совершенно не обрадовалась встрѣчѣ. Это было невѣрно: напротивъ, Надеждѣ Ивановнѣ въ ея первоначальномъ смущеніи было пріятно всякое знакомое лицо; но отъ растерянности она изображала свѣтское спокойствіе.

— Я такъ радъ васъ видѣть! — произнесъ Вислиценусъ, крѣпко пожимая ей руку.

— Я тоже очень рада, — холодно отвѣтила она и подумала: «Какъ онъ постарѣлъ! Совсѣмъ старикъ. Или боленъ?..» — Давно ли вы здѣсь?

— Я? Нѣтъ, не очень давно... Совсѣмъ недавно, — осѣкшись, отвѣтилъ Вислиценусъ.

— И надолго въ Парижъ?

— Да... А вы цвѣтете, — сказалъ Вислиценусъ и удивился пошлости своихъ словъ. — Вы надолго въ Парижъ? — спросилъ онъ то же

самое, что она. — Но какъ же... Какъ живемъ?

— Вашими молитвами, — столь же развязно отвѣтила Надежда Ивановна. Къ нимъ подошелъ Тамаринъ, также державшійся русскихъ въ этомъ смѣшанномъ, непривычномъ обществѣ. Онъ привѣтливо поздоровался съ Вислиценусомъ, коекакъ завелъ съ нимъ вполголоса, по-русски, не очень оживленный разговоръ; Надя изрѣдка вставляла невпопадъ свѣтскія замѣчанія. Затѣмъ появился старый французскій писатель, и всѣ стали разсаживаться. Вислиценусъ на минуту замѣшкался, мѣста рядомъ съ Надеждой Ивановной оказались занятыми.

Онъ сѣлъ на первый свободный стулъ, рядомъ съ графиней де Белланкомбръ. По рыжему пиджаку и по виду сосѣда графиня догадалась, что онъ здѣсь былъ самый лѣвый, — «большевистскій фанатикъ!» Она уже перевидала немало большевиковъ, но ни одного фанатика до сихъ поръ не встрѣчала и была поэтому особенно любезна. Кангаровъ, вначалѣ съ тревогой на нихъ поглядывавшій, скоро успокоился. «Въ самомъ дѣлѣ ее фраками и смокингами не удивишь. Для нея, быть можетъ, въ этомъ пиджачкѣ, въ мягкомъ воротничкѣ, въ желтыхъ ботинкахъ есть даже какое-то очарованіе».

За обѣдомъ Вислиценусъ мало ѣлъ и много пилъ, пилъ все, что наливалъ лакей: хересъ, рейнвейнъ, красное вино, шампанское, ликеры. Въ молодости у него бывали періоды, когда онъ пилъ запоемъ, потомъ бросалъ совершенно; въ Москвѣ какъ-то снова запилъ, бросилъ и въ

послѣдніе годы не пилъ ничего. Нѣкоторая устойчивость къ вину у него оставалась; Вислиценусъ не опьянѣлъ и не повеселѣлъ, только сталъ еще блѣднѣе, и сердце начало постукивать. Онъ до грубости односложно отвѣчалъ графинѣ и что-то невнятно бормоталъ въ отвѣтъ сосѣду справа, который на нѣмецкомъ языкѣ излагалъ ему соображенія о неминуемомъ близкомъ паденіи Гитлера.

Впрочемъ, уже съ хереса, гостямъ, не желавшимъ разговаривать, необходимости въ этомъ и не было. Вермандуа овладѣлъ бесѣдой и почти не умолкалъ, такъ что командармъ съ удовлетвореніемъ думалъ: «Ну, у этого иниціативы не вырвешь». — «Собственно, чего же я ждалъ? Что она бросится мнѣ на шею? Разумѣется, я ей чужой человѣкъ, и надо совершенно утратить надъ собой контроль, чтобы мечтать о какомъ-то вздорѣ... Обидно? Но жизнь подавляющаго большинства людей состоитъ изъ обидъ, униженій, оскорбленій. Однимъ больше, однимъ меньше»... Вислиценусъ старался не смотрѣть на Надежду Ивановну и все время ее видѣлъ: противъ него на стѣнѣ висѣло зеркало. «Ну, да, пора забыть о вздорѣ, когда стоишь одной ногой въ могилѣ, и слава Богу, что стоишь»... Иногда онъ заставлялъ себя прислушиваться къ тому, что говорилъ Вермандуа, и раздражался еще больше, быть можетъ потому, что находилъ въ его мысляхъ нѣкоторое сходство со своими.

«Плоско не то, что онъ говоритъ, плоско, какъ онъ говоритъ», — думалъ Вислиценусъ,

искоса бросая мрачные взгляды на Вермандуа. — «Одна кокетливая улыбочка чего стоитъ! Онъ, великій, геніальный писатель, любитъ кинематографъ! Онъ ходитъ въ кинематографъ, какъ простой смертный! но, разумѣется, все же не такъ, какъ простой смертный... Конецъ міра, конецъ цивилизаціи, — отчего же не поговорить и объ этомъ? Такъ же легко онъ могъ бы доказывать и обратное: что міръ никогда не кончится и что цивилизація переживаетъ небывалый расцвѣтъ. Лучшій доводъ въ пользу конца цивилизаціи — это онъ самъ. И серьезнѣйшія изъ его мыслей, какъ кровь внѣ человѣческаго тѣла, свертываются оттого, что онъ ихъ произноситъ... Эти салонные болтуны говорятъ объ инквизиторахъ съ полной увѣренностью въ своемъ моральномъ превосходствѣ. Но первые, настоящіе инквизиторы оклеветаны, — какъ были оклеветаны первые, настоящіе большевики. Вопреки тому, что о нихъ думаютъ, они, конечно, вѣрили въ то, что дѣлали и говорили. Не сразу и мы превратились въ инквизицію безъ вѣры въ Бога. Настоящіе злодѣи проливаютъ кровь изъ выгоды, по привычкѣ, равнодушно»... — Вислиценусъ вспомнилъ со злобной радостью то, что прочелъ передъ обѣдомъ о міровыхъ событіяхъ въ вечерней газетѣ. — «У нихъ крови меньше, но грязи, пожалуй, больше, чѣмъ у насъ. Да не меньше и крови: у нихъ нѣтъ чрезвычаекъ, но та война, которую они теперь готовятъ, унесетъ уже не десять милліоновъ людей, какъ прошлая, а двадцать или тридцать. Сальдо

крови еще, пожалуй, окажется въ нашу пользу, хоть мы и уморили голодомъ, частью сознательно, частью по глупости, по неумѣнію, по безтолковщинѣ, нѣсколько милліоновъ крестьянъ, — думалъ онъ, все по своей привычкѣ къ балансамъ и опредѣленіямъ. — Но если и правъ этотъ ученый болтунъ, если цивилизація кончается, то не все ли равно для тѣхъ, кто, какъ я скоро, очень скоро, долженъ сыграть въ ящикъ?..» Вислнценуса вдругъ поразило это ходячее въ Москвѣ выраженіе, точно онъ его услышалъ въ первый разъ въ жизни. «Сыграть въ ящикъ...» Наглое, циничное, прекрасное выраженіе, одно изъ лучшихъ пріобрѣтеній нашего языка»...

Раза два его черезъ столъ о чемъ-то спрашивалъ Тамаринъ, разъ и Надя спросила: «Какъ же вы все-таки поживаете?» — «Кажется, и имя-отчество забыла», — подумалъ онъ и хотѣлъ было отвѣтить: «Ничего, думаю скоро сыграть въ ящикъ», — но отвѣтилъ: «Ничего, спасибо, вы какъ?» Однако она уже заговорила со старикомъ-французомъ. Потомъ, къ концу обѣда къ ней подсѣлъ Кангаровъ, и почему-то это было Вислиценусу чрезвычайно непріятно. Онъ отвернулся, сталъ мраченъ, какъ туча, и пилъ все больше. «Вздоръ, конечно... Какъ многія грубыя натуры, онъ склоненъ къ платоническимъ увлеченіямъ. Противенъ этотъ запахъ ѣды, вина, папиросъ... Все противно!..» Вдругъ у него закружилась голова, въ верхнюю часть груди снова вонзился колъ, и заболѣла рука, и

сердце застучало страшно, какъ никогда до того не стучало. «Если сейчасъ сыграю въ ящикъ здѣсь, большая будетъ непріятность этому прохвосту», — подумалъ онъ. — «Зато у насъ кое-кто будетъ очень доволенъ»...

И снова, какъ тогда въ кофейнѣ, но по иному, его пронзила мысль о разстрѣлянныхъ въ Москвѣ людяхъ, старыхъ товарищахъ, теперь уже гнившихъ въ безвѣстной могилѣ. «Я почти никого изъ нихъ не любилъ. Но какіе бы они ни были, эти люди прожили всю жизнь во имя революціонной идеи — и умерли опозоренными, купаясь въ грязи. Былъ до войны революціонеръ, просидѣвшій двадцать лѣтъ въ Шлиссельбургѣ и затѣмъ, по выходѣ изъ крѣпости, поступившій на службу въ охранку. Они свою жизнь наладили почти столь же разумно»... Въ этой обстановкѣ дорогого ресторана, за уставленнымъ бутылками столомъ, мысль о погибшихъ въ застѣнкѣ людяхъ была по неожиданности особенно дика и страшна. Сердце у него стучало все сильнѣе. Вислиценусъ взглянулъ въ зеркало и, надъ лысиной финансиста, увидѣлъ свое лицо. «Да, краше въ гробъ кладутъ, въ ящикъ»... Внезапно въ зеркалѣ показался ящикъ, — не гробъ, а именно ящикъ и какой-то странный, грубый, неоструганный, желтоватый, точно изъ-подъ посуды, съ соломой. Имъ овладѣлъ непонятный ужасъ. «Кажется, я въ самомъ дѣлѣ начинаю сходить съ ума. Вторая галлюцинація за день!..»

— Товарищъ Дакочи, съ вами хотѣлъ бы уединиться этотъ почтенный тевтонъ, — ска-

залъ за нимъ непріятный голосъ. — Что съ вами? Вы нездоровы?

— Нѣтъ, пустяки, выпилъ чуть больше, чѣмъ нужно. Ну, что-жъ, я готовъ съ нимъ поговорить. Но гдѣ же?

— Если хотите, пройдите съ нимъ вонъ туда. Тамъ вамъ никто не помѣшаетъ. Этотъ кабинетикъ съ диваномъ, вѣрно, служилъ грандюкамъ и ихъ дамамъ не для политическихъ бесѣдъ. Были грандюки, товарищъ Вислиценусъ, а теперь мы съ вами... Лучше всего туда пройдите. Если ненадолго, то никто и не замѣтитъ.

Пока Кангаровъ говорилъ съ Майеромъ и Вислиценусомъ, Надежду Ивановну очень любезно занималъ графъ де Белланкомбръ. Но, въ отличіе отъ другихъ старичковъ, онъ отъ ея близости явно не испытывалъ ни волненія, ни радости, — Надя, какъ всегда, это тотчасъ почувствовала съ легкой досадой. — «Можетъ быть, для него существуютъ только графини и княгини? Ну, и пусть радуется на свою красавицу!...» Впрочемъ, на свою красавицу графъ радовался тоже не слишкомъ: почти на нее не смотрѣлъ, а когда смотрѣлъ, то безъ особой нѣжности. Графъ очень мало ѣлъ, пилъ только минеральную воду и совершенно не слушалъ того, что говорили за столомъ. «Вѣрно, недоволенъ, что попалъ въ дурное общество», — подумала Надя, съ неудовольствіемъ сознавая, что, несмотря на ея взгляды, ей внушаетъ — не уваженіе, конечно, но какой-то повышенный интересъ — графскій титулъ этого старичка.

Она ошибалась. Графъ дѣйствительно всѣхъ участниковъ обѣда, въ ихъ числѣ и свою жену, считалъ людьми дурного общества; но это было ему совершенно безразлично, такъ какъ въ столь же дурномъ обществѣ онъ находился почти всегда: и въ разныхъ правленіяхъ, въ которыхъ состоялъ или числился членомъ, и въ клубахъ, гдѣ игралъ въ бриджъ съ банкирами, съ промышленниками, съ мнимыми, да и съ настоящими, аристократами, которые, съ точки зрѣнія его дѣда, были бы немногимъ лучше большевиковъ и соціалистовъ. Разговоры за столомъ не интересовали графа: онъ такіе же, или немного лучшіе, или немного худшіе, разговоры слышалъ раза два въ недѣлю въ салонѣ своей жены. Вермандуа, какъ хорошо зналъ графъ, могъ такъ же гладко и учено, съ цитатами и съ афоризмами, говорить о чемъ угодно. Женщины давно волновали графа лишь теоретически, да и то не очень. У него къ нимъ теперь было ласково-ироническое отношеніе, осложненное пріятными воспоминаніями, да еще тѣмъ, что почти всѣ онѣ необыкновенно безтолково играли въ бриджъ (не вѣрили, что не имѣютъ объ игрѣ и понятія). А такъ какъ врачи строго запретили графу спиртные напитки, предписали діэту, на ночь же настойчиво совѣтовали ѣсть очень мало и, по возможности, лишь фрукты и овощи, то онъ скучалъ на всѣхъ обѣдахъ, одинаково съ большевиками и съ герцогами.

Занималъ его главнымъ образомъ вопросъ: когда кончится обѣдъ? Если-бъ гости разошлись

въ одиннадцать, онъ могъ бы еще заѣхать въ клубъ и тамъ сыграть нѣсколько робберовъ. Графъ считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ бриджа во Франціи, его именемъ была названа какая-то impasse, и въ клубахъ его участія въ партіи добивались, какъ особой чести и радости; онъ это шутливо приписывалъ «мазохизму»: люди, игравшіе съ нимъ, имѣли развѣ двадцать шансовъ изъ ста на выигрышъ при случайной партіи, и ни одного шанса при партіи постоянной. Игралъ онъ всегда очень спокойно, безъ споровъ (впрочемъ, спорить съ нимъ никто и не рѣшился бы), безъ попрековъ, безъ замѣчаній, самыя трудныя комбинаціи разыгрывалъ, какъ будто почти не думая, чрезвычайно быстро, и притомъ такъ, что обычно и въ этотъ, и на слѣдующій день въ клубѣ почтительно обсуждали его розыгрышъ.

Шансовъ, что вечеръ совѣтскаго посла кончится въ одиннадцать, было, онъ чувствовалъ, очень мало. Первую, не серьезную, предварительную заявку о томъ, что пора по домамъ, сдѣлаетъ кто-либо, скорѣе всего Вермандуа, еще не скоро: для выраженія благодарности хозяину за обѣдъ потребуется полтора или два часа послѣобѣденной бесѣды. Графъ зналъ также, что эта первая предварительная заявка объ уходѣ будетъ сразу рѣшительно отклонена, даже почти безъ словъ, просто выраженіемъ ужаса, обиды и отчаянія на лицѣ хозяина. Потомъ, минутъ черезъ двадцать, можно будетъ сдѣлать вторую заявку, на которую хозяинъ отвѣтитъ уже менѣе

рѣшительнымъ протестомъ, а еще минутъ черезъ десять гости по настоящему простятся и разъѣдутся. Но тогда, въ первомъ часу ночи, жена, конечно, потребуетъ, чтобы онъ съ ней вернулся домой. Такимъ образомъ, на партію въ этотъ вечеръ разсчитывать не приходилось. Графъ ѣлъ салатъ, пилъ Виши, говорилъ изрѣдка нѣсколько словъ сосѣдямъ, иногда, не очень похоже, дѣлалъ видъ, будто съ интересомъ прислушивается къ умной бесѣдѣ, и думалъ, что, если-бъ не проклятое приглашеніе и не его жена, можно было бы теперь въ клубѣ, за столомъ, съ надеждой сдавать карты или разыгрывать трудную партію, при общемъ сосредоточенномъ вниманіи, — у него за спиною, слѣдя за его игрой, обычно толпились люди; онъ принималъ это какъ должное и не раздражался даже тогда, когда подходили лица, завѣдомо приносившія несчастье. — «Какъ все-таки нѣтъ у людей мужества откровенно разъ навсегда предпочесть настоящія, искреннія, неподдѣльныя удовольствія — глупымъ и притворнымъ?..»

Встрѣтившись взглядомъ съ Тамаринымъ, который думалъ о постели и о томикѣ Клаузевитца, графъ инстинктомъ почувствовалъ въ немъ союзника и улыбнулся: зналъ, что на всѣхъ званыхъ обѣдахъ существуютъ правительственная партія, вполнѣ всѣмъ довольная, и оппозиція, иронически порицающая или даже (въ зависимости отъ темперамента) проклинающая обѣдъ и хозяевъ. Здѣсь, онъ чувствовалъ, оппозицію составляли онъ самъ, этотъ старый гене-

ралъ и странный человѣкъ, сидѣвшій рядомъ съ его женой.

Онъ видѣлъ также, что странный человѣкъ интересуетъ графиню. «Вѣрно, скоро будетъ у насъ въ салонѣ». Графъ вздохнулъ и тихо спросилъ сосѣда слѣва, кто этотъ человѣкъ. Узнавъ, что это извѣстный революціонеръ, членъ Коммунистическаго Интернаціонала, называющійся въ настоящее время Вислиценусомъ, графъ одобрительно кивнулъ головой, нѣсколько поднявъ брови кверху, въ доказательство того, что слышалъ, понимаетъ и цѣнитъ. Теперь было ясно, что человѣкъ въ рыжемъ пиджакѣ непремѣнно будетъ почетнымъ гостемъ ихъ дома. «Все-таки, чего ей нужно? Можно было понять, когда она гонялась за лордомъ Бальфуромъ... Но теперь, кажется, у насъ перебывали всѣ». Онъ лѣниво еще подумалъ, что слѣдовало бы у кого нибудь узнать, кто сосѣдъ слѣва. «А впрочемъ, совершенно все равно»...

Вислиценусъ, преодолѣвая сильную боль (теперь перескочившую на лопатку), угрюмо слушалъ нѣмца. Онъ и вообще недолюбливалъ либераловъ, радикаловъ, умѣренныхъ соціалистовъ. Нѣмецкіе же демократы были особенно ему непріятны, оттого что безъ единаго выстрѣла, безъ малѣйшей попытки сопротивленія, отдали власть Гитлеру, да еще потому, что въ былыя времена всячески заигрывали съ большевиками и разсыпались передъ ними въ любезностяхъ (изрѣдка дѣлая впрочемъ оговорки относительно «экс-

цессовъ»). Передовые адвокаты, оказавшіеся одновременно спеціалистами по русской душѣ и по маккіавелической внѣшней политикѣ, демократическіе банкиры, громившіе юнкеровъ и помѣщиковъ и устраивавшіе королевскіе обѣды, на которыхъ за стуломъ каждаго гостя стоялъ лакей въ короткихъ брюкахъ и шелковыхъ чулкахъ, либеральные писатели, считавшіе Ленина слишкомъ умѣреннымъ человѣкомъ, скупленныя дѣльцами газеты, ежедневно печатавшія своднические объявленія и въ какомъ-то высшемъ смыслѣ требовавшія, чтобы Россія довела до конца, непремѣнно до конца, свой великій соціальный опытъ, — вызывали у него чувство, близкое къ отвращенію. Всѣ эти люди вѣрили въ свободу, пока она обезпечивала имъ хорошее общественное положеніе. Быть можетъ, своего класса они и не предавали, такъ какъ ихъ программа, поскольку дѣло касалось Германіи, была вполнѣ умѣренной и буржуазной: ширь ихъ натуры сказывалась лишь въ отношеніи Россіи. Но это были типичные предатели идеи, хотя бы и скверной, но ими усвоенной: идеи либерализма 19-го столѣтія. Разумѣется, ихъ услугами можно и должно было пользоваться, пока они составляли правящій классъ; однако, Вислиценусъ со дня прихода къ власти Гитлера ловилъ себя на злорадномъ чувствѣ въ отношеніи этихъ людей.

Докторъ Майеръ былъ, по его мнѣнію, характернымъ ихъ представителемъ. Въ дни его свѣтскаго и политическаго величія, Вислиценусъ

тотчасъ приняло такое выраженіе, точно онъ радъ былъ сдѣлать цѣнный подарокъ знаменитому человѣку. — Но я именно и хотѣлъ сказать, что, наряду съ религіозной литературой, то же самое говорила литература, въ отношеніи благочестія весьма подозрительная. Первой можно дать конформистское истолкованіе, хоть слишкомъ и въ ней велика сила неконформистскаго выраженія. Вторая же такому истолкованію не поддается никоимъ образомъ. Смутное или опредѣленное сознаніе близости конца было у величайшихъ мыслителей міра. Они утѣшались, какъ могли. Платонъ гдѣ-то высказываетъ надежду, что черезъ пять или черезъ десять тысячъ лѣтъ міръ возродится; человѣческая душа выберетъ для себя новое тѣло и снова воскреснетъ для земной жизни... Будемъ надѣяться, что это такъ, — вздыхая, вставилъ онъ, — пять или десять тысячъ лѣтъ какъ-нибудь переждать можно. На нѣкоторое время я, пожалуй, теперь и не прочь бы закрыть глаза и заткнуть уши. Въ самомъ дѣлѣ было бы хорошо въ первые пять тысячъ лѣтъ послѣ нынѣшнихъ событій не читать никакихъ газетъ («и романовъ моего друга Эмиля», — хотѣлъ было добавить онъ, но удержался изъ товарищеской корректности). Съ другой стороны, воскреснуть въ новомъ, чужомъ и чуждомъ мірѣ, съ воспоминаніемъ о мірѣ прошломъ — это тоже можетъ быть нѣсколько скучновато. Какъ вы думаете, дорогой другъ? Помните, кстати, что срокъ для каждой души, по Платону, можетъ зависѣть отъ ея качествъ и отъ за-

слугъ носителя ея перваго тѣла. Имѣйте это въ виду, — обратился онъ къ финансисту, давно чувствуя, что надо понизить тонъ разговора.

— Не думаете ли вы однако, что тутъ есть нѣкоторое противорѣчіе? — спросилъ въ томъ же весело-ироническомъ тонѣ Серизье. — По вашимъ словамъ, рѣшительно всѣ умные и ученые люди всегда думали, что міръ идетъ къ концу. Однако, міръ, слава Богу, еще кое-какъ существуетъ. Неужели были правы люди глупые и невѣжественные?

—Это, конечно, доводъ не лишенный силы. Климентъ Римскій отвѣчалъ на него такъ: «Безумцы говорятъ: «слышали мы это въ дни отцовъ нашихъ, и вотъ мы состарились, и ничего этого не было». — «Взгляните же на дерево», — отвѣчаетъ безумцамъ Климентъ, — «сначала оно теряетъ листья, потомъ...»

— Ради Бога, довольно Климентовъ! — воскликнулъ Серизье, весьма сомнѣвавшійся въ томъ, что Вермандуа, или вообще кто бы то ни было, могъ серьезно читать Климента Римскаго. «Едва ли онъ и цитируетъ по первоисточнику. А впрочемъ, отъ него станется»...

— Тѣмъ болѣе, что мы совершенно не знаемъ, кто былъ этотъ почтенный человѣкъ. Я, по крайней мѣрѣ, понятія не имѣю, — сказалъ графъ де Белланкомбръ. Надежда Ивановна расхохоталась. Всѣ взгляды обратились на нее. Кангаровъ ласково погрозилъ ей пальцемъ.

— Дѣти должны вести себя тихо, — по-русски сказалъ онъ, — особенно когда рѣчь идетъ

о такихъ предметахъ. Слышала, что скоро вездѣ будутъ шакалы и змѣи? А ты еще говоришь о прибавкѣ жалованья! Монатки надо собирать, вотъ что... Прошу меня извинить, — весело обратился онъ къ гостямъ, — я прочелъ наставленіе этой дѣвочкѣ.

— Она совершенно права, что хохочетъ, — заступился за Надю Вермандуа. — Такъ, вѣрно, въ Троѣ молоденькія дѣвочки хохотали, слушая доносившееся изъ башни пѣніе безумной Кассандры.

— Я такъ и думалъ, что вы Кассандра, — сказалъ финансистъ. — Нѣтъ ничего благодарнѣе и пріятнѣе этой роли.

— «Je combien que idigne y fuz appellé», — какъ говоритъ нашъ учитель Раблэ.

— Я не согласна, — возразила графиня. — Она сидѣла въ башнѣ и пѣла грустныя пѣсни, да? Что же тутъ хорошаго?

— Мало, мало, — смѣясь, подтвердилъ Вермандуа. — У Эврипида эта безтактная женщина даже танцуетъ на развалинахъ Трои; все вышло такъ, какъ она предсказывала. Зато потомъ Аяксъ и Агамемнонъ поступили съ ней очень нелюбезно. Не уточняю въ присутствіи милой барышни, — добавилъ онъ, сладко улыбнувшись Надѣ («еще одинъ старичекъ!» — побѣдно подумала она и опустила глаза, очень похоже изобразивъ дѣвичью стыдливость).

— Надо быть богословомъ или Вермандуа, чтобы помнить все это: и Эврипидовъ, и Климентовъ, — восторженно сказала графиня, сгоряча относя къ богословамъ и Эврипида.

— Повторяю мое смиренное, нехитрое возраженіе, — сказалъ Серизье, не вполнѣ довольный выпавшей ему скромной ролью въ застольной бесѣдѣ: знаменитый адвокатъ стоилъ знаменитаго писателя. — Вы утверждаете, что міръ идетъ къ чорту и что всѣ великіе мыслители такъ говорили во всѣ времена. Я на это отвѣчаю: во-первыхъ, міръ еще къ чорту не пошелъ; во-вторыхъ, едва ли такъ говорили всѣ великіе мыслители; въ-третьихъ, великимъ мыслителямъ свойственно ошибаться въ сужденіи о своей эпохѣ, — они, случалось, громили ее и проклинали и предсказывали всевозможные ужасы, а позднѣе, черезъ пятьдесятъ или черезъ сто лѣтъ послѣ такихъ утвержденій, оказывалось, что эпоха была славной, великой, благодѣтельной, что она сыграла огромную роль въ шествіи человѣчества къ лучшему будущему. Такъ было и съ англійской революціей, и еще больше съ нашей.

— Разумѣется!— съ большой энергіей въ интонаціи произнесъ Кангаровъ и стеръ съ лица улыбку, почувствовавъ, что, послѣ философскихъ пустяковъ, разговоръ становится политическимъ, слѣдовательно серьезнымъ, и теперь какъ-то касается большевиковъ. — Разумѣется! Эти эпохи и создали царство духа, — почему-то брякнулъ онъ съ еще большей силой.

— Замѣтьте, господа, что мы, какъ почти всегда бываетъ, нѣсколько измѣнили въ спорѣ проблему спора, — сказалъ съ улыбкой Вермандуа, бывшій тоже въ добромъ настроеніи. Данное имъ

былъ у него раза два или три. Майеръ, побывавшій въ министрахъ (это было сказкой его жизни, скрашивавшей и теперь ему существованіе), тогда принималъ «весь Берлинъ». Впослѣдствіи люди изъ «всего Берлина», которые еще весьма недавно сочли бы для себя большой честью и успѣхомъ приглашеніе въ домъ Зигфрида Майера, старательно не узнавали его на улицахъ. Онъ бѣжалъ въ Чехословакію, перекочевалъ въ Швейцарію, затѣмъ во Францію и, какъ говорили, бѣдствовалъ во всѣхъ трехъ странахъ. По мнѣнію Вислиценуса, самымъ удивительнымъ въ этомъ дѣлѣ было то, что такой человѣкъ не вывезъ заграницу денегъ.

Майеръ началъ съ очередныхъ похвалъ великому опыту (объ «эксцессахъ» болѣе рѣчи не было), высказалъ мнѣніе, что міровой демократіи должно опереться на СССР, — было бы глупо лишать себя столь могущественнаго союзника въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, — сообщилъ, что былъ бы счастливъ отправиться въ Москву. — «Чего хочетъ? Зачѣмъ языкъ чешетъ?» — хмуро спрашивалъ себя Вислиценусъ. Былъ, впрочемъ, почему-то почти увѣренъ, что его собесѣдникъ хочетъ денегъ; но не зналъ, какихъ, за что и въ какой формѣ. «Написалъ книгу и желаетъ продать ее Госиздату? (это былъ наиболѣе распространенный видъ подкупа). Но вѣдь, кажется, онъ человѣкъ не пишущій»... Поговоривъ нѣсколько минутъ на общія темы, Майеръ сказалъ, что у него есть важные документы, которые должны чрезвычайно заинтересовать совѣт-

ское правительство или Коммунистическій Интернаціоналъ, — «или оба эти учрежденія», — съ улыбкой освѣдомленнаго человѣка добавилъ онъ. — «Вотъ оно что», — подумалъ Вислиценусъ. Это также было для него дѣло привычное. Такія покупки отчасти входили въ его вѣдѣніе, особенно прежде, и людямъ, ими интересовавшимися, объ этомъ было по наслышкѣ извѣстно. Сообщивъ кратко содержаніе бумагъ, Майеръ объяснилъ, что онѣ находятся у другого лица, которое готово было бы ихъ уступить на извѣстныхъ началахъ. Вислиценусъ нетерпѣливо кивнулъ головой: и слово «уступить», и ссылка на «другое лицо» были въ такихъ случаяхъ почти обязательными.

Предложеніе показалось ему интереснымъ: дѣло шло о документахъ, весьма непріятныхъ германскому правительству. Онъ отвѣтилъ то, что всегда отвѣчалъ на подобныя предложенія: въ принципѣ отчего же не купить, но надо посмотрѣть на документы, кота въ мѣшкѣ не покупаютъ, — не зналъ иностранныхъ выраженій, соотвѣтствующихъ этой русской поговоркѣ, и обычно дословно ее переводилъ, при чемъ всѣ продавцы сразу понимали, хоть нѣкоторые принимали оскорбленный видъ. Нѣсколько оскорбленное выраженіе появилось и на лицѣ доктора Зигфрида Майера.

— За подлинность документовъ и за представляемый ими исключительный интересъ отвѣчаю я, — сказалъ онъ, подчеркнувъ послѣднее слово, и на мгновенье остановился. Въ его

глазахъ промелькнула скрытая робость: робость человѣка, очень понизившагося въ общественномъ отношенiи, всякую минуту ожидающаго грубостей. Онъ тоскливо вспомнилъ, что денегъ у него осталось не болѣе, какъ на три мѣсяца жизни. Вислиценусъ ничего не сказалъ, не выразивъ ни довѣрiя, ни недовѣрiя къ гарантiи. — Я не знаю, согласится ли мой знакомый показать документы, не имѣя увѣренности въ томъ, что они будутъ прiобрѣтены...

— А не согласится, такъ и не надо, — равнодушно, совершенно по купечески, отвѣтилъ Вислиценусъ. — Документы не слишкомъ важные: ничего злободиевнаго въ нихъ нѣтъ, они имѣютъ скорѣе историческое значенiе.

— Методы этихъ господъ не измѣнились, а здѣсь дѣло идетъ о свидѣтельскихъ показанiяхъ очевидца и участника событiй...

Онъ сообщилъ нѣкоторыя подробности, и Вислиценусъ не безъ удивленiя убѣдился, что «другое лицо» дѣйствительно существуетъ. Майеръ, очевидио, желалъ лишь получить посредническое вознагражденiе отъ продажи. Въ этомъ ничего худого не было, онъ былъ человѣкъ ограбленный и нуждающiйся. Какъ будто не приходилось сомнѣваться и въ подлинности документовъ (документы завѣдомо подложные прiобрѣтались лишь рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ и по дешевой цѣнѣ). Послѣ недолгихъ переговоровъ, рѣшено было встрѣтиться снова, съ тѣмъ, что придетъ и другое лицо.

— Съ своей стороны я ставлю лишь условіе, чтобы документы по пріобрѣтеніи были тотчасъ опубликованы. Этого требуютъ интересы міровой демократіи! — съ силой сказалъ докторъ Майеръ и покраснѣлъ: по выраженію лица Висліценуса понялъ, что никакихъ требованій онъ заявлять не можетъ, и что защищать міровую демократію ему не годится. Они обмѣнялись номерами телефоновъ и оба съ непріятнымъ чувствомъ вернулись въ кабинетъ.

Надежда Ивановна незамѣтно вышла въ переднюю, вынула у зеркала изъ сумки эмалевую коробочку, снова ею полюбовалась, попудрила носъ, лобъ, ямочку подбородка, съ наслажденіемъ вдыхая еще не привычный запахъ новой, дорогой пудры; что-то поправила въ волосахъ, не вполнѣ увѣренно провела одной новенькой штучкой по бровямъ, другой — по губамъ. Видѣла, что ничего по настоящему поправлять не надо, все отлично. Голова у нея кружилась, ей было весело, такъ весело, какъ давно не было. «Да что же собственно хорошаго случилось? Ну, прекрасный обѣдъ, вино, ликеры. Не успѣхъ же у старичковъ? У амбассадера успѣхъ сегодня даже слишкомъ большой... Зачѣмъ они такъ разставили зеркала: одно здѣсь, а другое въ кабинетѣ? Отсюда видно, что тамъ происходитъ, даже въ той комнаткѣ... Если оргіи, то это неудобно»... Ей почему-то вспомнился красивый молодой человѣкъ, сидѣвшій въ кофейнѣ рядомъ

съ ней и Тамаринымъ. «Неужели бѣлогвардеецъ? Жаль»...

Въ зеркалѣ отразилась фигура входившаго въ переднюю Кангарова. Видъ у него былъ какой-то особенный, ухарскій, игриво-разбойничій, точно онъ подкрадывался къ кому-то съ кистенемъ. Надежда Ивановна почему-то сдѣлала сначала видъ, будто его не замѣтила, затѣмъ, будто слабо ахнула, затѣмъ, будто недовольна.

— А, и вы тутъ, — процѣдила она, какъ въ романахъ гордыя неприступныя красавицы «процѣживаютъ сквозь зубы» презрительныя замѣчанія. И такъ какъ въ эту минуту она проводила новенькой штучкой по губамъ, то голосъ ее прозвучалъ комически-неестественно.

— «И вы тутъ», — передразнилъ Кангаровъ, низко къ ней наклоняясь. Отъ него сильно пахло виномъ, но это не было непріятно Надеждѣ Ивановнѣ, какъ не были непріятны его близость, выраженіе его глазъ. «Отсюда не видно, а если и видно, мнѣ все равно!» — все набираясь ухарски-разбойничьяго духа, подумалъ онъ. — «Скандалъ, такъ скандалъ!..»

— Гостей, значитъ, бросили? Хорошъ хозяинъ, — сказала Надя, пряча эмалевую коробку въ сумку.

— Значитъ, бросилъ. Ты довольна, дѣтка? Тебѣ весело? — спросилъ онъ тихо, вдругъ заколебавшись между игривымъ и отеческимъ тономъ.

— Да, правда, очень весело. Ей Богу! Страшно вамъ благодарна, что вы меня пригласили...

— А если благодарна, такъ благодари, — прошепталъ онъ и поцѣловалъ ее въ шею, у корней волосъ. Она опять слабо ахнула, теперь уже безъ притворства. «Однако!..» Этого у нихъ никогда не было. Хотѣла было разсердиться, — не вышло, не разсердилась. «Однако, нахалъ порядочный!» — сказала она мысленно и собралась было сказать что-то не-мысленно, но Кангарова въ передней уже не было. Взволнованный и счастливый, онъ скользнулъ — именно скользнулъ, точно на конькахъ — назадъ къ гостямъ. Въ ту же секунду Надежда Ивановна встрѣтилась глазами въ зеркалѣ съ входившимъ въ кабинетъ изъ маленькой комнаты Вислиценусомъ. Ей показалось, что онъ остановился у двери какъ вкопанный. — «Неужели видѣлъ?!..»

Вислиценусъ не видѣлъ поцѣлуя и не останавливался у дверей какъ вкопанный. Но онъ видѣлъ, что Кангаровъ вышелъ изъ передней, гдѣ былъ вдвоемъ съ Надей, видѣлъ, что оба они смущены, что лица у нихъ странныя. То чувство отвращенія, которое Вислиценусъ испытывалъ во все время обѣда и которое еще усилилось отъ разговора съ нѣмцемъ, стало совершенно непреодолимымъ. Онъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, разговаривая кое-какъ съ Тамаринымъ, — въ этомъ обществѣ одинъ командармъ не внушалъ ему отвращенія и злобы, — затѣмъ, не прощаясь, вышелъ въ корридоръ, и подалъ вскочившему со стула мальчику свой номерокъ.

Въ корридорѣ появился вышедшій за нимъ Кангаровъ.

— Что вы, дорогой мой, а-л'англэзъ? — изображая шутливое возмущеніе, сказалъ посолъ. — Отчего же такъ рано? Нѣтъ, я васъ не отпущу.

— Извините, я очень усталъ.

— Но вѣдь еще страшно рано! Надѣюсь, вы успѣли переговорить съ Майеромъ?

— Успѣлъ.

— Очень радъ, что хоть чему-нибудь могъ послужить этотъ мой несчастный обѣдъ, — сказалъ Кангаровъ, покачивая головой съ улыбкой, означавшей: «Охъ, тяжело! Ну, да вы сами понимаете, отчего я вынужденъ заниматься столь непріятными дѣлами»... Онъ съ полминуты подождалъ, какъ бы ожидая, что Вислиценусъ скажетъ: «Нѣтъ, что вы, что вы! Вечеръ былъ очаровательный!». Но Вислиценусъ ничего не сказалъ, взялъ помятую, съ выцвѣтшей лентой, сѣрую шляпу, которую съ недоумѣніемъ подалъ ему мальчикъ, и далъ на чай франкъ. «Только компрометируетъ!» — подумалъ Кангаровъ и произнесъ съ крайнимъ огорченіемъ въ голосѣ:

— Нѣтъ, вы въ самомъ дѣлѣ уходите? Вы въ метро? Тутъ, налѣво, вы знаете, въ двухъ шагахъ. Вамъ далеко?

— Далеко.

— Еще рано, времени до послѣдняго метро сколько угодно, хотя бы вамъ и съ двумя пересадками. А то, можетъ, еще посидѣли бы? И Нади вы вѣдь сто лѣтъ не видѣли. Посидѣли бы, право, если вамъ не было слишкомъ скуч-

но, Коминтернъ Ивановичъ? — полувопросительно сказалъ Кангаровъ. Онъ былъ такъ счастливъ, что въ самомъ дѣлѣ почти обрадовался бы, если-бъ согласился еще посидѣть этотъ непріятный гость. Злоба, душившая Вислиценуса, вдругъ прорвалась.

— Скучно не было, а было противно, очень противно, — сказалъ онъ и направился къ двери, бросивъ на ходу «До свиданья». Кангаровъ нѣсколько оторопѣлъ. «Что это? Или онъ спятилъ?» — спросилъ себя посолъ, вначалѣ преимущественно съ изумленіемъ. Хотѣлъ было даже окликнуть Вислиценуса, но дверь уже закрылась. Только черезъ минуту изумленіе посла перешло въ негодованіе. — «Этакій хамъ и негодяй!»

— Мосье тоже желаетъ получить вещи? — небрежно спросилъ мальчикъ, недовольный начаемъ. Кангаровъ озадаченно смотрѣлъ на дверь. Радостное настроеніе съ него какъ рукой сняло. «Что за невѣжа и хамъ! Что онъ имѣлъ въ виду? Какая муха его укусила? Нѣтъ, это ему такъ не пройдетъ!» — съ бѣшенствомъ подумалъ онъ. — Мосье желаетъ получить вещи? — повторилъ мальчикъ.

— Я вамъ не мосье, а ваше превосходительство! — оборвалъ его сердито Кангаровъ и, повернувшись на каблукахъ, пошелъ назадъ въ кабинетъ. У портьеры онъ увидѣлъ Надю. «Чтò, если этотъ господинъ въ нее влюбленъ?! Нѣтъ, все это такъ не пройдетъ этому

троцкисту, я его выведу на чистую воду!» — рѣшительно сказалъ себѣ онъ.

— Господа, никто ничего не пьетъ, — упавшимъ голосомъ сказалъ посолъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе и механически впадая въ свой хозяйскій, гусарски-шутливый, тонъ. — Такъ нельзя, господа, просто безобразіе! Не велѣть ли откупорить еще бутылку коньяку, а? Нѣтъ возраженій? Принято.

— Мы вполнѣ оцѣнили это произведеніе эпохи великаго императора.

— О, человѣческое легковѣріе! Вы вправду вѣрите, что въ мірѣ еще существуетъ наполеоновскій коньякъ? У человѣчества должно было хватить разума, чтобы его выпить и за одно столѣтіе.

— Слышите? Нашъ дорогой Вермандуа заговорилъ о человѣческомъ разумѣ!

— Онъ не вѣритъ ни въ соціализмъ, ни въ коньякъ.

— Коньякъ очень недуренъ, но, по моему, настоящее чудо былъ ихъ хересъ.

— Онъ не *былъ*, онъ есть. Я его теперь пью какъ ликеръ.

XXII.

Гости разъѣхались нѣсколько раньше, чѣмъ предвидѣлъ графъ. Безъ четверти одиннадцать, Вермандуа нерѣшительно сказалъ: «Однако, поздно, господа. Не пора ли по домамъ, хоть

здѣсь такъ пріятно»... Лицо Кангарова дѣйствительно выразило: «Что-жъ, если вы желаете меня погубить, то уходите», — но что-то въ этомъ выраженіи пробудило у графа надежды на клубъ. — «Нѣтъ, нѣтъ, шэръ мэтръ, мы васъ не отпустимъ. Вы не захотите лишить насъ удовольствія слушать васъ и дальше», — сказалъ Кангаровъ. Вермандуа безропотно подчинился, подумавъ съ досадой, что за автомобиль придется платить по ночному тарифу. Графиня затѣяла напослѣдокъ съ хозяиномъ политическій споръ, который всѣ слушали вяло: споровъ за вечеръ было достаточно. — «Да, да, вы во многомъ правы, скажу больше, вы правы почти во всемъ», — мягко говорила графиня, — «но я не могу признать, что въ СССР (она, съ легкимъ оттѣнкомъ демонстраціи, произносила URSS слитно: «юрсъ») есть полная свобода печати, и намъ, друзьямъ вашимъ, больно, что вы кое въ чемъ слѣдуете фашистскимъ методамъ... Не сердитесь на меня: оговариваюсь, быть можетъ, я недостаточно знаю положеніе въ вашей прекрасной странѣ»... — «У нея видъ кинематографической шпіонки, раскаявшейся вслѣдствіе любви къ непріятельскому контръ-развѣдчику», — подумалъ Вермандуа. — «Было бы хорошо, если-бъ старая дура подвезла меня на своемъ автомобилѣ. Но она не подвезетъ».

Черезъ полчаса графъ сдѣлалъ отчаянную попытку прорваться въ клубъ: чужая первая заявка облегчала его собственную. Неожиданно графа поддержали другіе гости: «да, въ самомъ дѣлѣ

очень поздно, пора». Кангаровъ еще немного поспорилъ, сдѣлалъ таинственный знакъ мэтръ-д'отелю и отошелъ съ нимъ въ уголъ кабинета. Гости тотчасъ оживленно между собой заговорили. Посолъ взялъ съ подноса счетъ, мысленно ужаснулся — «просто бандиты!» — и заплатилъ. Хотя деньги онъ почти всегда расходовалъ казенныя, у него при всякомъ платежѣ былъ такой видъ, точно онъ отдавалъ свою послѣднюю копѣйку.

Затѣмъ хозяинъ съ пріятной улыбкой вернулся къ гостямъ. — «Такъ вы въ самомъ дѣлѣ уходите? Почему же такъ рано?» При очень сильномъ натискѣ, гостей можно было удержать въ повиновеніи еще минутъ двадцать. Но настроеніе у Кангарова было омрачено инцидентомъ съ Вислиценусомъ. — «Какое же рано? Я регулярно ложусь въ одиннадцать», — сообщилъ финансистъ. — «Я въ десять всегда уже лежу въ кровати съ книгой», — добавилъ Серизье. Какимъ-то страннымъ образомъ неизмѣнно выходило, что появлявшіеся вездѣ свѣтскіе люди уже лежатъ въ кровати съ книгой кто въ одиннадцать, кто въ десять. — «Необыкновенно пріятный вечеръ. Мы надѣемся, до скораго свиданья», — сказала графиня многозначительнымъ тономъ, не уточняя однако своей надежды: она пока не намѣрена была звать къ обѣду Кангарова; кромѣ того рядомъ съ нимъ стоялъ Серизье, приглашать котораго графиня и вообще не собиралась. Знаменитый адвокатъ отвернулся и заговорилъ съ финансистомъ. — «Непремѣн-

но... Скоро, очень скоро», — повторялъ съ жаромъ, но неопредѣленно Вермандуа: это ни къ чему не обязывало, да и неясно было, кто кого приглашаетъ. Онъ еще о чемъ-то пошутилъ, не особенно заботясь о блескѣ въ виду поздняго времени. Опустилъ руку въ жилетный карманъ, въ надеждѣ найти тамъ три франка, и, не найдя, съ досадой далъ пять подававшему пальто лакею. Внизу тоже все произошло по предусмотрѣнному. Финансистъ и графъ любезно, но съ твердымъ въ голосѣ разсчетомъ на отказъ, сказали: «Хотите мы васъ подвеземъ, cher maître?», и онъ такъ же любезно отвѣтилъ: «что вы, что вы, намъ совсѣмъ не по дорогѣ».

Въ автомобилѣ онъ откинулся на спинку сидѣнья, вытянулъ ноги, и, наконецъ-то, беззастѣнчиво, цинично зѣвнулъ. «Слава Богу, кончено!.. Сейчасъ ванна, постель»... Такъ, въ полублаженномъ состоянiи, ожидая состоянiя блаженнаго, онъ пролежалъ съ полдороги. Думалъ, что обѣдъ былъ превосходный, что не надо было все же пить такъ много вина, что дѣвочка, называвшаяся секретаршей посла, очень мила, — и досталась такому человѣку! Когда автомобиль проходилъ мимо фонарей, Вермандуа подозрительно-сумрачно вглядывался въ счетчикъ, — но ничего разсмотрѣть на цыферблатѣ не могъ. «Будетъ отъ пятнадцати до двадцати франковъ, въ зависимости отъ того, благородный ли человѣкъ шофферъ и по совѣсти ли выберетъ дорогу»... Вспоминалъ съ лѣнивымъ уди-

вленіемъ, что въ былыя времена любилъ эти двухчасовые обѣды изъ семи блюдъ, съ убійственнымъ смѣшеніемъ напитковъ, съ непрекращающейся ни на минуту бесѣдой, которую, по его положенію, всегда требовалось вести блистательно. Не безъ удовлетворенія рѣшилъ, что и въ этотъ вечеръ блисталъ вполнѣ достаточно, особенно для такихъ слушателей. «Общество, разумѣется, было среднее. Но у насъ (онъ разумѣлъ писателей) надо вѣчно держаться настороже: отъ собратьевъ ничего не ждешь, кромѣ колкихъ, непріятныхъ, даже грубыхъ словъ: мы живемъ въ атмосферѣ неуваженія, непріязни, ненависти другъ къ другу. Здѣсь, по крайней мѣрѣ этого не было и слѣдовъ: одни слушали съ восхищеніемъ, другіе равнодушно, третьи совсѣмъ не слушали, какъ дѣвочка, съ которой не удалось обмѣняться десятью словами, — но злобы не было ни у кого, и непріятностей ни отъ кого ждать не приходилось. Разница въ умственномъ уровнѣ? Но въ своемъ кругу мы разговариваемъ главнымъ образомъ о сплетняхъ, объ издателяхъ, о гонорарахъ. Мнѣ показалось бы просто дикимъ заговорить съ Эмилемъ о концѣ культуры или о соціалистическомъ строѣ, — онъ, вѣроятно, радостно подумалъ бы, что я окончательно выжилъ изъ ума!..»

Ночной воздухъ, лежачее положеніе освѣжили Вермандуа. Онъ вернулся мыслью къ роману. «Завтра сяду за столъ въ семь часовъ утра. Лишь бы хорошо выспаться...» Вино обезпечивало, онъ зналъ, не болѣе трехъ или четырехъ

часовъ сна. «Развѣ принять гарденаль? Но тогда съ утра работать будетъ нелегко». Ему захотѣлось, чтобы скорѣе наступило утро: такъ тянуло его къ принявшей новый ходъ работѣ. Автомобиль, наконецъ, остановился; счетчикъ показывалъ восемнадцать франковъ; шофферъ оказался человѣкомъ среднихъ моральныхъ качествъ.

Вермандуа отворилъ ключемъ дверь и вошелъ въ передиюю съ не совсѣмъ пріятнымъ чувствомъ, какъ почти всегда ночью: безлюдность этой сравнительно большой квартиры его немного тяготила. Расположеніе комнатъ было неудобное и неуютное. Изъ передией дверь открывалась въ гостиную, — комнату ненужную и нелюбимую. Отдѣлана она была очень давно, когда появились какъ-то лишнія деньги. Мебель была старинная и, вѣроятно, поддѣльная. На стѣнѣ висѣлъ Ванъ-Лоо, въ точности неизвѣстно, какой именно: купленъ былъ какъ Карль, но, по мнѣнію особенно компетентныхъ людей, былъ скорѣе Жанъ-Батистъ, если не Жюль-Сезаръ. Другой достопримѣчательностью комнаты былъ необыкновенный, совершенно ни для чего непригодный, столикъ, изъ тѣхъ, что въ восемнадцатомъ вѣкѣ назывались афинскими: раззолоченной бронзы, съ порфировой доской. Онъ и купленъ былъ едва ли не благодаря названію; болѣе тонкіе изъ гостей, которымъ Вермандуа показывалъ свои старинныя вещи, это понимали и улыбками давали почувствовать, что понимаютъ: гдѣ

же и быть афинскимъ столикамъ 18-го столѣтія, какъ не у Луи-Этьенна Вермандуа?

Въ темнотѣ онъ осторожно прошелъ по гостиной; въ ней и электрическіе выключатели были размѣщены неудобно: зажечь свѣтъ можно было только на порогѣ кабинета. Несмотря на привычку, Вермандуа что-то задѣлъ, поскользнулся и пробормоталъ ругательство. Ощупью разыскалъ выключатель и зажегъ въ гостиной свѣтъ. На стоявшемъ у двери афинскомъ столикѣ не было ничего. Приходившія съ послѣдней почтой письма старуха обычно раскладывала на столикѣ, находя, вѣроятно, что надо же хоть какъ-нибудь использовать этотъ ни для чего ненужный предметъ. Вермандуа вспомнилъ, что послѣдняя почта пришла еще до его отъѣзда на обѣдъ. Онъ зажегъ свѣтъ въ кабинетѣ и погасилъ въ гостиной. «Царство лжи — царство правды: въ гостиной все лживо и претенціозно; въ кабинетѣ ничто себя не выдаетъ ни за что другое; обыкновенный красный уютный бобрикъ, полки, вертящаяся этажерка, американскій письменный столъ, все не смѣшная, полезная, искренняя дрянь». Кабинетъ былъ честной комнатой его квартиры.

Съ необыкновеннымъ наслажденіемъ онъ снялъ тугой воротникъ, смокингъ, надѣлъ мягкія туфли, разстегнулъ пуговицы жилета и брюкъ и почти повалился въ глубокое кожаное съ темно-желтой подушкой, кресло у письменнаго стола. Это былъ предварительный отдыхъ передъ сномъ. «Въ сущности, лучшія радости жизни — эле-

ментарныя: послѣ пяти часовъ мученія снять идіотскій воротничекъ, имѣющій единственной цѣлью рѣзать человѣку шею... Или въ жаркій день выпить залпомъ стаканъ ледяной воды»... Въ поискахъ другихъ элементарныхъ радостей подумалъ о секретаршѣ совѣтскаго посла и вздохнулъ. «О чемъ я думалъ? не записать ли? Да, кабинетъ честная комната. Здѣсь я въ своей естественной и законной обстановкѣ, какъ звѣрь въ лѣсу или какъ папа въ Сикстинской капеллѣ... Хотя папѣ, быть можетъ, въ Сикстинской капеллѣ бываетъ иногда и немного совѣстно»...

Лежать такъ, безъ воротничка, опустивъ подбородокъ на шею, было очень хорошо. Вермандуа все же лѣниво подумалъ, что пора пойти въ ванную; въ постели будетъ еще лучше. «А то не сѣсть ли за работу? Сначала будетъ трудно, потомъ понемногу войдешь»... Онъ нерѣшительно взглянулъ на столъ. Сбоку, на видномъ мѣстѣ, лежала въ картонной папкѣ рукопись романа. «Нѣтъ, начинать въ часъ ночи не годится, но просмотрѣть сдѣланное до обѣда, это можно»...

Онъ тяжело всталъ, опираясь на ручки кресла, ужаснулся усилія, которое пришлось для этого сдѣлать, пересѣлъ на стулъ, надѣлъ очки и придвинулъ къ себѣ папку. Только теперь Вермандуа ясно понялъ, что его пріятное настроеніе во время обѣда и словоохотливость держались въ немъ не только за счетъ вина, но и за счетъ скрытаго полусознательнаго запаса радости, единственной причиной котораго были именно

перемѣны въ романѣ, новыя возможности, открывавшіяся благодаря коринфской встрѣчѣ Лисандра. Въ послѣдиемъ счетѣ, настроеніе духа у Вермандуа, несмотря на его презрѣніе къ литературѣ, опредѣлялось преимущественно ходомъ его работы. «Да, это была счастливая мысль!» — опять радостно подумалъ онъ, вынимая изъ папки соединенные зажимомъ исписанные вдоль и поперекъ листки.

Онъ сталъ читать. Лицо его потемнѣло. «Что же это?..» Новая редакція главы была явно не только не лучше, а гораздо хуже старой! Сердце у Вермандуа упало. Онъ бросилъ основной текстъ, сталъ разбирать поправки, сокращенныя указанія, замѣтки для памяти, сдѣланныя на поляхъ, или снизу вверхъ, наискось, пересѣкавшія строчки основного текста. Почти все это никуда не годилось. И ему одио за другимъ стали приходить въ голову соображенія, вслѣдствіе которыхъ коринфская встрѣча Лисандра была неудачной, нисколько не выигрышной и даже просто невозможной. «Но вѣдь это ужасно! Какъ же я сразу не подумалъ?.. Это было затменіе, настоящее затменіе!..»

Почти съ отчаяніемъ Вермандуа положилъ листы въ папку. «Господи, что же теперь дѣлать?..» Онъ подумалъ въ сотый разъ, что нужно, необходимо навсегда бросить это ужасное, постыдное ремесло выдумщика, — и въ сотый разъ отвѣтилъ себѣ, что бросить невозможно: весь смыслъ жизни былъ въ писательскомъ призваніи, почти вся ея радость — въ

томъ, что, частью условно, частью вполнѣ вѣрно, называлось вдохновенiемъ. «А вдругъ, завтра снова все просмотрю, и опять покажется инымъ: вѣдь не идiотъ же я былъ пять часовъ тому назадъ! Пойти спать, а завтра съ утра сѣсть за работу, со свѣжей головой»... Но онъ зналъ, что ужъ теперь никакъ заснуть не удастся.

Вермандуа тяжело вздохнулъ, положилъ рукопись назадъ въ папку и прошелъ въ ванную. По дорогѣ съ отвращенiемъ оглядѣлъ нечестную гостиную. «Да, разумѣется, Жюль-Сезаръ, и скверный! А если и Карль, то радость тоже не велика. И имени такого нѣтъ: почему Карль, а не Шарль? И афинскiй столикъ дрянной, и всѣ эти мастера, создавшiе мебель 18-го вѣка, «чудо французскаго вкуса», были инородцы, въ большинствѣ нѣмцы: Ризнеръ, Жакобъ, Крамеръ, Вейсвейлеръ, Бенеманъ, Швердфегеръ... И поскорѣе продать всю эту дрянь, пока за нее еще, по человѣческой глупости, можно получить немалыя деньги!..»

Въ ванной комнатѣ онъ сѣлъ на неудобный, съ прямой спинкой, деревянный стулъ и разсѣянно уставился на лившуюся изъ крана воду. Думалъ о многомъ сразу, но преимущественно о томъ, что жить этой скверной искусственной жизнью больше невозможно и незачѣмъ: нервы обнажены совершенно, любая мелкая непрiятность кажется несчастьемъ, а нѣсколько болѣе серьезная — катастрофой. «Въ самомъ дѣлѣ, что же случилось сегодня? Ну, оказалась неудачной мысль о коринфской встрѣчѣ. Но вѣдь еще вчера ея вовсе

не было, и ничего»... Это разсужденіе его не утѣшило. Все представлялось ему въ очень мрачномъ видѣ, особенно люди, особенно онъ самъ. «Вотъ и за этимъ идіотскимъ обѣдомъ распустилъ перья, старый павлинъ, несъ вздоръ. Съ дурой графиней, съ Серизье, съ жуликомъ-посломъ говорилъ о концѣ міра, «разсыпалъ блестящіе парадоксы», — это моя спеціальность, какъ утка въ La Tour d'Argent. Высказывалъ эсхатологическія мысли, точно эсхатологія не есть профессія для человѣка въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ! Цитировалъ сто тысячъ человѣкъ, кого только не цитировалъ! Больше никогда, никогда не буду, даю честное слово!» — съ чувствомъ стыда, тоже въ сотый разъ, совершенно искренно сказалъ себѣ онъ.

Вода, вопреки договору съ хозяиномъ дома, была не горячая, а развѣ чуть теплая: и посидѣть въ ваннѣ нельзя, и сонъ окончательно сорвешь. Это чрезвычайно его раздражило. «Завтра же ему написать: сказать Альвера, чтобы написалъ на машинкѣ, иначе онъ еще продастъ автографъ, мерзавецъ этакой!.. Отъ холодиой воды послѣ такого обѣда можетъ случиться ударъ»... Хотя онъ зналъ (или такъ какъ зналъ), что едва ли съ нимъ ударъ случится въ эту ночь, — давленіе крови шестнадцать, — съ полной ясностью себѣ представилъ, какъ будетъ хрипѣть въ ваннѣ до утра, пока не придетъ старуха. «Она бросится за консьержкой, консьержка прибѣжитъ сюда, онѣ общими силами постараются поднять меня и перенести на постель»... Трагическое без-

образіе этой сцены поразило его и заняло. «Черезъ полчаса пріѣдетъ докторъ, констатируетъ смерть, и съ торжественнымъ видомъ позвонитъ куда слѣдуетъ: «Луи-Этьеннъ Вермандуа скончался!» Черезъ часъ прискачутъ журналисты, откуда-то появится какая-то книга (или нѣтъ: кажется, листы съ черной каемкой), и начнутъ расписываться друзья. Тотъ молодой психопатъ сообщитъ репортерамъ подробности моего образа жизни, колеблясь между горемъ — «больше не будетъ жалованья», — и радостью — «вотъ, ты отправился къ отцамъ, а я еще лѣтъ пятьдесятъ проживу!» Графиня, какъ «ближайшій другъ», будетъ, сдерживая глухія рыданія, принимать представителей президента республики и министра народнаго просвѣщенія: «Еще вчера мы съ нимъ провели вечеръ, онъ былъ веселъ и блестящъ, какъ никогда...» Въ Академіи произойдетъ сильное волненіе: неожиданно открылась вакансія, на которую никто изъ собратьевъ и не надѣялся... Эмиль пріѣдетъ съ постной физіономіей и, расписываясь со своимъ росчеркомъ, выдавитъ: «какая потеря!» — Журналисты тотчасъ запишутъ: «какая потеря!» — сказалъ онъ».

Мысли эти, несмотря на ироническій тонъ, его взволновали: ему показалось даже, что съ нимъ и въ самомъ дѣлѣ произошелъ какой-то припадокъ. Правда, это лишь показалось: все-таки зналъ, что припадка не было и что давленіе крови шестнадцать. «Ну, не сегодня, такъ черезъ годъ, особенно если изъ-за всего волно-

ваться, какъ сумасшедшіе. Нѣтъ, положительно, бросить Парижъ, продать Ванъ-Лоо, продать всю эту фарфоровую и порфирную дрянь, выручить что можно, благо цѣнность дряни дополняется моей славой: «изъ коллекціи Луи-Этьенна Вермандуа», и уѣхать, — и пусть романы пишетъ, до самой своей безвременной кончины, мой другъ Эмиль!..» Какъ всегда, мысль, что Эмиль теперь пишетъ плохо, очень плохо, съ каждой книгой все хуже, немного утѣшила Вермандуа. «Если-бъ и вправду сейчасъ умирать, то было бы маленькимъ утѣшеніемъ, что больше никогда не увижу Эмиля»... Онъ раздѣлся и, стараясь не глядѣть съ отвращеніемъ на свое старческое тѣло, сѣлъ въ воду.

Въ ваннѣ настроеніе у него становилось все мрачнѣе. Ироническій тонъ чувствъ отлетѣлъ совершенно. Теперь въ самомъ дѣлѣ былъ припадокъ: припадокъ полнаго, казалось бы безпричиннаго, отчаянія. Онъ не видѣлъ просвѣта ни въ чемъ: все было гадко, плоско, ужасно, ни о чемъ безъ стыда нельзя было вспомнить. И по сравненію съ этимъ, собственнымъ, личнымъ, отходило на второй планъ то, что міръ приближался къ бездиѣ, — нѣтъ, не отходило на второй планъ, но такъ тѣсно переплеталось, что было невозможно отдѣлить одио отъ другого. Отъ еле-теплой воды у Вермандуа застучали зубы, онъ опять, съ тѣмъ же морально-тяжкимъ усиліемъ, всталъ, закончилъ свой ночной туалетъ, вошелъ въ спальную и легъ въ постель. Погасилъ было свѣтъ и полежалъ съ четверть часа,

въ надеждѣ, что заснетъ; затѣмъ почувствовалъ, что заснуть нельзя и что нѣтъ силы бороться съ тоской. Онъ снова зажегъ лампу и взялъ со столика книгу.

Это было французское изданіе разговоровъ Гете съ канцлеромъ Мюллеромъ, — вполнѣ приличная livre de chevet, такая, которую можно было смѣло назвать въ задушевно-глубокой бесѣдѣ съ интервьюеромъ. На прошлой недѣлѣ Вермандуа и въ самомъ дѣлѣ сказалъ явившемуся за задушевно-глубокой бесѣдой журналисту, что предпочитаетъ эту книгу Эккерману: «У Эккермана парадный Гете въ пониманіи недалекаго, если не глупаго, юноши. А у Мюллера Гете непричесанный и капризный, въ спорахъ съ умнымъ, пожившимъ и культурнымъ человѣкомъ». Ему потомъ было совѣстно, что онъ назвалъ Эккермана недалекимъ юношей, — это было клише, и невѣрное клише. А дня черезъ три онъ съ ужасомъ и отвращеніемъ прочелъ украшенное его портретомъ интервью, гдѣ что-то говорилось о «cet immense bonhomme de Johann-Wolfgang vu par Louis-Etienne Vermandois», и даже нельзя было понять, просто ли это пошлая фраза или въ почтительной формѣ коварная насмѣшка, — глаза и улыбка у интервьюера были хитрые.

Онъ перелисталъ книгу, съ предвзятымъ сознательнымъ недоброжелательствомъ, — «такъ собственно и надо читать всѣхъ замѣчательныхъ писателей, если не хочешь попасть къ нимъ въ рабство»... — «Жизнь госпожи Крюденеръ по-

добна древеснымъ опилкамъ: изъ нея въ лучшемъ случаѣ можно извлечь немного пепла для производства мыла»... — Образъ изъ тѣхъ, что годятся для бесѣды или для черновика, но въ бѣловую рукопись Гете попасть не могли. Да и о какой человѣческой жизни собственно нельзя было бы сказать того же самаго?.. — «Надо было бы, чтобъ нѣмцы были разсѣяны, какъ евреи, по всему лицу земли: только тогда они и могли бы дать мѣру своихъ способностей»... — Это былъ тоже «сверкающій парадоксъ», и политическій дѣятель, канцлеръ Мюллеръ, вѣроятно, слушалъ его съ уныло-покорнымъ видомъ: нельзя же помѣшать великому человѣку, да еще въ 80 лѣтъ, говорить какой ему угодно вздоръ... — «Цензура полезна, такъ какъ пріучаетъ къ полускрытому, и потому болѣе тонкому и остроумному, выраженію мыслей. Прямое выраженіе мысли обычно тяжеловато»... — Можетъ быть. Однако это доводъ, придуманный нарочно для оправданія веймарскихъ цензоровъ. Онъ вѣрилъ въ свободу духа и въ блага цензуры, въ величіе дѣла французской революціи и въ величіе дома Ротшильдовъ, издѣвался надъ безсмертіемъ души, но находилъ, что міръ погибнетъ, если оберъ-гофмаршалъ женится церковнымъ бракомъ на еврейкѣ... Впрочемъ, очень многое говорилъ, конечно, на зло своимъ собесѣдникамъ: его, должно быть, интеллигентное лицо канцлера Мюллера раздражало еще больше, чѣмъ восторженно-наивная физіономія Эккермана: «какъ бы не пропустить какой-нибудь геніальной мысли

его превосходительства»... И самое замѣчательное то, что въ такой нелѣпой обстановкѣ, изъ этихъ долголѣтнихъ ежедневныхъ интервью онъ сумѣлъ создать интереснѣйшія, цѣнныя книги».

Даже въ рѣдкія минуты профессіональной маніи величія, вообще ему почти не свойственной, Вермандуа не сравнивалъ себя съ Гете. Но ему пріятно было видѣть, что и этотъ навсегда, на весь міръ, прославленный, человѣкъ жилъ почти въ такой же обстановкѣ, какъ онъ, такъ же тяготился людьми, такъ же не могъ безъ нихъ обойтись, такъ же терпѣлъ обиды, такъ же подчинялся требованіямъ своего общества. «Самый Мефистофель его — общедоступный, конформистскій чортъ: недаромъ имъ трепетно восторгается десятокъ поколѣній нѣмецкаго юношества, и недаромъ онъ въ оперѣ теряетъ такъ мало по сравненію съ поэмой»...

— Требовалъ себѣ права не вѣрить ни во что, въ минуты откровенности не скрывалъ, что ни во что и не вѣритъ. — Издѣвался надъ глупостью королей, надъ звѣрствомъ революцій, надъ истинами откровенія, надъ вѣрой, надъ собственнымъ своимъ невѣріемъ. — И больше всего завидовалъ простодушнымъ людямъ, все равно портнымъ или художникамъ. — Гайдна спросили, отчего такъ радостны его мессы. — «Оттого, что, когда я благодарю Творца, я всегда неописуемо счастливъ». — Услышавъ это, престарѣлый Гете прослезился.

Вермандуа, въ смертельной тоскѣ, отложилъ книгу. «Да, такъ больше жить невозможно...

Чѣмъ жить? Для чего жить? Допустимъ, я сейчасъ умру: подниметъ ли мою душу близость смерти? Нѣтъ, едва ли, и я не могу этого приписывать только собственному ничтожеству, вотъ и этотъ человѣкъ, одинъ изъ величайшихъ въ мірѣ, почти такъ же былъ опутанъ жалкими чувствами, — не такъ же, пусть по своему, а все-таки былъ опутанъ, — и въ ненужно-откровенныя свои минуты самъ въ этомъ сознавался — не одному себѣ, но и другимъ людямъ. Старый, такъ много знавшій, такъ много о разномъ, обо всемъ, о жизни, думавшій человѣкъ, чему ты можешь научить, безъ «парадоксовъ», безъ стиховъ, безъ звонкихъ рѣчей, чему ты можешь по настоящему научить другого стараго человѣка, которому тоже осталось жить недолго? Не заглядывая въ книги, помня только общій твой обликъ, посмѣть думать за тебя, попытаться, не пользуясь твоими словами, проникнуть въ твою не книжную, а настоящую «мудрость»?

— Дѣлать въ жизни свое дѣло, дѣлать его возможно лучше, если въ немъ есть, если въ него можно вложить, хоть какой-нибудь, хоть маленькій, разумный смыслъ. Пусть портной шьетъ возможно лучше, пусть писатель пишетъ, вкладывая всю душу въ свой трудъ... Не увѣрять, что трудишься для самого себя, — вѣдь и онъ мечталъ объ огромной аудиторіи и откровенно совѣтовалъ тѣмъ, кто не ждетъ милліона читателей, не писать ни единой строчки... Не задѣвать предразсудковъ, по крайней мѣрѣ,

грубо, не сражаться ни съ вѣтряными мельни-цами, ни даже со странствующими рыцарями, если только не въ этомъ заключается твоя про-фессія, профессія политическаго донъ-Кихота, такая же по существу профессія, какъ трудъ сапожника или ветеринара... Не потакать ули-цѣ и не бороться съ ней: объ улицѣ думать возможно меньше, безъ оглядки на нее, безъ надежды ее исправить. Но въ мѣру отпущен-ныхъ тебѣ силъ способствовать осуществленію въ мірѣ простѣйшихъ, безспорнѣйшихъ положеній добра. На склонѣ дней знаменитый врачъ го-ворилъ, что вѣритъ только въ пять или шесть испытанныхъ лекарствъ, вродѣ хинина. Безспор-ные принципы добра почти такъ же немного-численны... Для себя же, для немногихъ сво-бодныхъ людей, можно пойти и дальше. «Хо-лодное наблюденіе» имѣетъ свою цѣнность. Въ мысли, какъ въ жизни, всего выше можно под-няться при пониженномъ душевномъ жарѣ. Ря-довые удачники жизни «горятъ»; но у Наполе-она сердце билось со скоростью 60 ударовъ въ минуту.

— И какъ кровь возвращается по венамъ въ сердце, отдавъ по пути свои питательныя ве-щества, такъ всего дороже возвращающі-яся въ сердце, больше ничего не питающія истины. Эти истины беречь про себя и въ то время, когда больше не ждешь ничего, кромѣ пристойныхъ некрологовъ. Жить спокойно, зная, что міръ лежитъ во злѣ. Радоваться рѣдкому

добру, принимая вѣчное зло, какъ общее правило міра.

Онъ снова раскрылъ книгу. Въ ней ничего этого не было.

(КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ).

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

9 ТЕРМИДОРА

ЧОРТОВЪ МОСТЪ

ЗАГОВОРЪ

СВ. ЕЛЕНА, МАЛЕНЬКІЙ ОСТРОВЪ

КЛЮЧЪ

БѢГСТВО

ПЕЩЕРА, Т. I

ПЕЩЕРА, Т. II

ДЕСЯТАЯ СИМФОНІЯ

БЕЛЬВЕДЕРСКІЙ ТОРСЪ

СОВРЕМЕННИКИ

ПОРТРЕТЫ, Т. I и Т. II

ЗЕМЛИ, ЛЮДИ

ЮНОСТЬ ПАВЛА СТРОГАНОВА

ЗАГАДКА ТОЛСТОГО